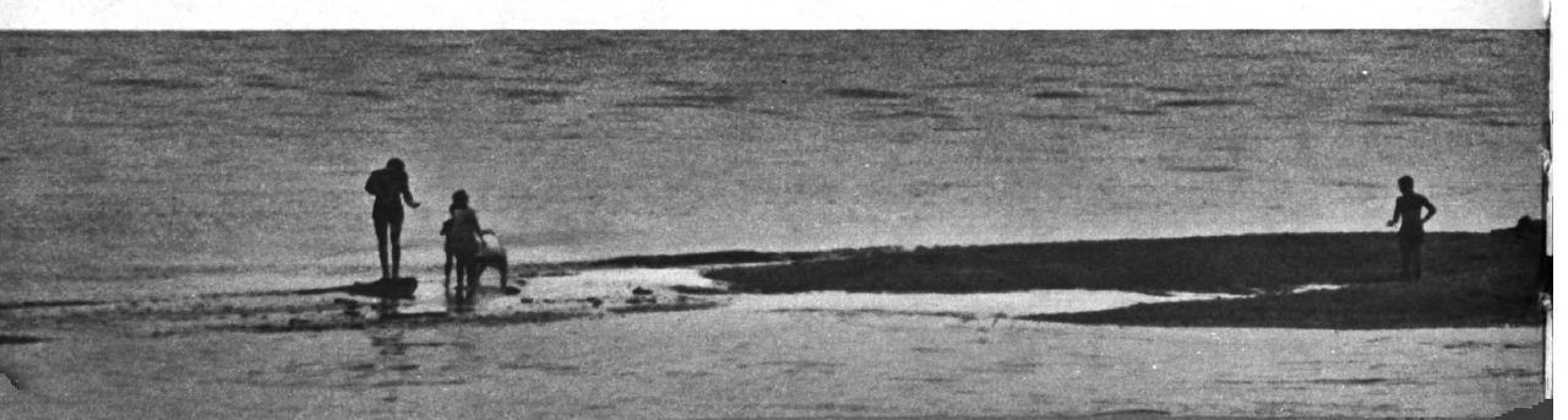

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЯТЬ ПЛЮС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

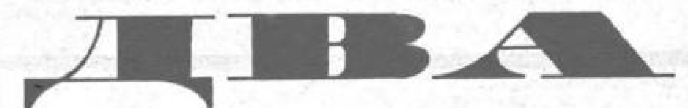
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

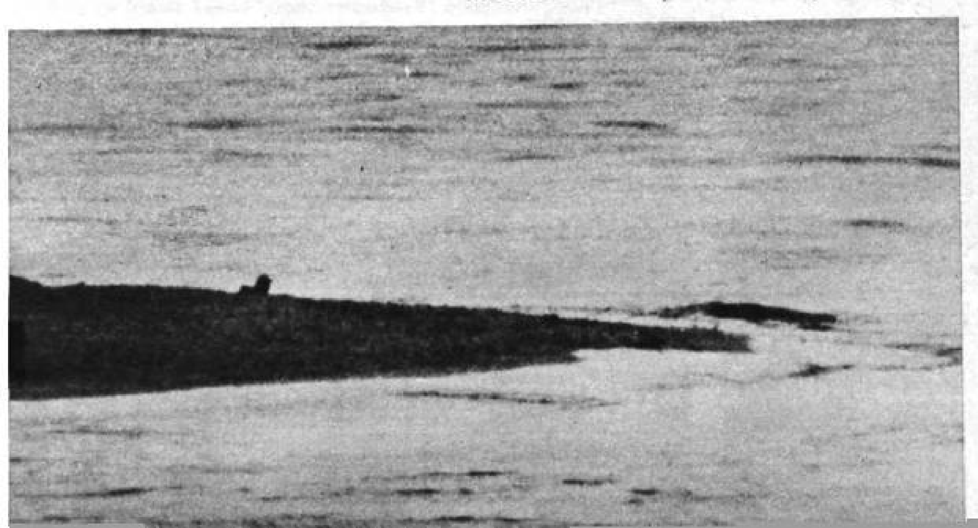
№ 35 (2044)

28 АВГУСТА 1966

По малину.

Местные «Пятницы» в пятницу вечером...

Юрий РЫТОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

В девять часов вечера два трехпалубных теплохода отошли от речного вокзала города Перми. Пассажиры выглядели несколько необычно: все они поднялись на борт налегке. Чемоданов, узлов, баулов не было: теплоходы отправлялись в прогулочный рейс.

Пассажиры не сидели в каютах. На корме надрывались музыканты. На верхней палубе старушки, удобно устроившись в шезлонгах, занялись вязанием. На носу теплохода туристы в закатанных до колена шароварах пели под гитару: «Суббота — лучший день недели, да-да!»

Для Перми песенка несколько устарела. Лучшим днем недели жители этого города теперь считают пятницу. В пятницу тут заканчивается рабочая неделя и начинается двухдневный отдых. В Перми на пятидневку перешли уже не только промышленные предприятия, но и торговые, бытовые, транспортные.

Мы провели в городе несколько дней. Ездили на заводы, заходили в областные организации. Разговаривали с людьми. Конечно, мы не встретили ни одного человека, который выразил бы недовольство новым режимом работы. Преимущества очевидны для всех, хотя общее годовое количество рабочих минут, разумеется, осталось прежним: 125 340. Зато свободное время увеличилось значительно. Хотя бы потому, что на работу нужно ездить теперь не шесть раз в неделю, а только пять. А главное, концентрация личного времени в один «кусок» позволила свободнее им маневрировать, рациональнее его распределять. У женщин, например, не стало меньше хлопот по дому. Но теперь эти хлопоты заканчиваются в субботу. Воскресенье — чистый отдых. Словом, преимущества очевидны.

О том, как рождалась «пермская пятидневка», мы говорили с первым секретарем областного комитета партии Константином Ивановичем Галаншиным. Он рассказал, что всей перестройкой руководила специальная комиссия: партийные работники, производственники, экономисты, которым помогали московские ученые. Накануне нашего приезда в городском комитете партии происходило большое совещание, посвящен-

Что предложит КРП — Камское речное пароходство!

Пусть всегда будет мама.

Им и двух выходных мало...

«Ой рябина-рябинушка...»

ное «подчистке хвостов» — последнему этапу перевода на новый график всех городских учреждений.

— Главная наша забота,— рассказывал Константин Иванович,— заключалась в том, чтобы, обеспечив людям хороший отдых, получить от пятидневки большие производственные выгоды. И этого удалось добиться.

Секретарь обкома назвал любопытные цифры: внутрисменные потери рабочего времени на всех предприятиях сократились на 25—30 процентов. Велосипедный завод, например, перешел на пятидневный график еще в 1960 году. С тех пор производительность труда увеличилась почти в два раза. Внутрисменные простои оборудования сократились на 36, а потери от брака — на 28 процентов.

Естественно возник вопрос: за счет чего это произошло?

Константин Иванович объяснил: два выходных на машиностроительных заводах используются теперь для ремонта станков и перестройки технологических линий. Одного дня для такого дела не всегда хватало. А сейчас качество ремонта улучшилось, станки работают безупречно. Конечно, организовать ремонт по новой системе было не так просто. Каждое предприятие потребовало, так сказать, индивидуального подхода.

Когда на пятидневку стали переходить предприятия сферы обслуживания, трудности оказались возведенными в квадрат. Транспорт, магазины, столовые нужно было приспособить к новому режиму труда горожан. Да и самим служащим предприятий сферы обслуживания надо было предоставить два выходных дня. Много экспериментировали, пока нашли правильное решение...

Нужно признаться: наше первое знакомство с новым режимом деятельности магазинов и транспорта вызвало некоторое недоумение. В субботу на дверях небольшой продовольственной лавки, расположенной недалеко от гостиницы, мы увидели замок. А над ним объявление: «Суббота и воскресенье — выходные дни». Подошли к промтоварному магазину. Сегодня он открыт, а завтра, в воскресенье, выходной. Не очень-то удобно, подумали мы. И ошиблись. Впоследствии нам рассказали, что с внедрением пятидневки люди перестали ходить в магазины по воскресеньям: берегли время для другого. Да и по субботам магазины пустовали. И не только магазины. В поликлиниках скучали врачи. В детских садах в этот день остались без занятия воспитательницы. Потому и решили: в субботу и воскресенье должны работать лишь дежурные магазины, дежурные врачи, дежурные воспитательницы.

Кажется, система найдена. Увы, не совсем. Как быть, например, со школами? Очевидно, и их нужно перевести на пятидневку. Пока не получилось. Школьных помещений не хватает, увеличить часы занятий невозможно. Надо искать другой выход.

А что делать с театром? Дать актерам два выходных дня нельзя: скучно будет людям. Предложили такое решение: по-прежнему сохранить один выходной день, увеличив репетиционную нагрузку. А в компенсацию дать актерам дополнительный отпуск.

Да, изменить жизнь целого города, ввести ее в новое русло не так-то просто. Любопытное интервью получили мы у кондуктора троллейбуса. Девушка с грустью поведала нам, что в нынешнем году трамвайно-троллейбусный парк «прогорел». Его доходы существенно сократились: по субботам люди не ездят на работу. Разумеется, беда эта поправима, нужно только поточнее приспособиться к новому ритму городской жизни.

Мы были, конечно, не первой «делегацией», приехавшей в Пермь. Каждый день здесь появляются люди с блокнотами. Изучают «пермскую пятидневку». Вывод у всех один: новую систему труда нужно быстрее внедрять повсюду.

2 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

ГЕРОИЧЕСКИЕ БУДНИ ВЬЕТНАМА

Иван ЩЕДРОВ

Худенькая, невысокого роста девушка с походным вещевым мешком за плечами этой ночью уезжает из Ханоя. Она зашла проститься. Через несколько дней девушка будет в горном, покрытом дремучими джунглями крае, где в это суровое военное время вырос студенческий бамбуковый городок, учебные аудитории, где будущие инженеры штурмуют сопромат и несут боевую вахту у зенитных пулеметов.

Стоит душный летний вечер. Грозовое, незабываемое лето 1966 года. Война подошла вплотную к городу. Под Ханоем, а иногда и над самой столицей, идут ожесточенные бои с американскими воздушными стервятниками. Продолжается эвакуация из города женщин, детей, рабочих. Перебазируются в более безопасные районы предприятия, госпитали, учреждения. На окнах домов — узкие полоски бумаги для защиты от взрывных волн, каждый день появляются новые щели бомбоубежищ.

Девушке не хочется покидать город. Но приказ есть приказ. Мы прощаемся. Из окна я вижу худенькую фигурку с вещмешком за спиной, медленно идущую к центру города, и снова и снова вспоминаю удивительную судьбу Хонг Минь, студентки Ханойского политехнического института.

С чего начать эту историю о любви и мужестве, о непоколебимой верности и героизме? В ней переплелись улицы Москвы и тропы партизанского края под Сайгоном, в ней славное прошлое вьетнамского подполья 30-х годов и сегодняшний день отважного Ханоя. Я расскажу ее так, как узнал эту историю сам.

НА ОКРАИНЕ САЙГОНА...

Впервые имя Хонг Минь я услыхал в партизанском районе под Сайгоном. Вот как это было.

Темной дождливой ночью наш небольшой партизанский отряд наконец прибыл в сельские пригороды южновьетнамской столицы — конечную цель моей журналистской командировки. Мы остановились в крестьянской хижине на окраине небольшого поселка. Здесь, под самым носом у американских интервентов, оккупировавших Сайгон, нам предстояло прожить около недели.

Вот уже шесть лет жители этого района участвуют в партизанской борьбе. Только в тринадцати деревнях подземные ходы сообщения, связывающие деревни друг с другом, тянутся более чем на 200 километров. Работа была тяжелой. Грунт твердый, руки после нескольких часов труда кровоточили. И все же неимоверными, героическими усилиями деревни были превращены в неприступные крепости с оборонительными валами, огневыми точками, скрытыми ловушками, минными полями. В каждой — свой партизанский отряд, помимо уездного партизанского соединения. Большинство парней ушло добровольцами в регулярную Армию освобождения. Их место заняли девушки, женщины. Они не только защищают родные села, собирают урожаи, но и помогают армии продовольствием, деньгами.

Но собрать их — еще полдела. Нужно доставить все на место. До ближайших крупных баз не одни сутки пути. Сопровождать обозы поручают добровольцам, самым отважным партизанам. Ночью, когда мы входили в деревню, очередной обоз попал под массированную бомбардировку. Из обозников в живых осталось лишь двое. Но через несколько дней новый отряд с продовольствием был уже в пути. И снова для этого нашлись добровольцы. Здесь помнят, как на деревенской площади лежали обезображенные трупы тридцати крестьян со вспоротыми животами после одного из карательных рейдов. Это было накануне восстания 1960 года. Помнят виселицы на базарной площади, головы патриотов, насаженные на шесты вдоль дорог. Здесь, в этом пригороде Сайгона, в деревне Ба Дием, люди родятся героями...

В один из вечеров на огонек в гости ко мне зашел старый коммунист, крестьянский вожак Нам Се. Двадцать семь лет в партии — стаж немалый! Многие из старой гвардии не дожили до этих дней, сложив голову на гильотинах и в концлагерях. Он зашел на минутку, а остался надолго.

Лысый, на носу старенькие, закрепленные проволочкой очки. Большие морщинистые крестьянские руки все время в движении. Чуть хрипловатый, негромкий голос... Ему за пятьдесят. Это чувствуется по сутулой спине, по старческой, неуклюжей походке. Но Нам Се не собирается уходить от борьбы. Он один из руководителей Крестьянского комитета столичной военной зоны патриотических сил. Говорит Нам Се просто, ясно, без лишних витиеватых слов и оборотов. Ему не нужно рыться в записной книжке в поисках цифр, дат, имен. Все это в голове, в памяти. Ведь многое прошло на его глазах, во многом сам принимал участие. В первые дни революции в 1945 году Нам Се брал власть в родной деревне Ба Дием, к северу от Сайгона, был здесь первым председателем ревкома. В годы первого Сопротивления Нам Се, заместитель председателя уездного комитета патриотического фронта, организовывал партизанские отряды, налаживал подпольную борьбу на оккупированных территориях. С 1954 года снова подполье. В 1959 году по решению ревкома он ушел в партизанский край. После народного восстания в Южном Вьетнаме в январе 1960 года вернулся в родные края строить новую жизнь в освобожденной Ба Дием.

Это не так просто в 10—15 километрах от двухмиллионного Сайгона, забитого оккупантами, в двух-трех километрах от вражеских постов удерживать под контролем народной власти обширный партизанский край, строить новую жизнь. В районе двадцать одна деревня и уездный центр — немногим более 100 тысяч жителей. Из них около половины живет на свободной земле. Не проходит и месяца без ожесточенных схваток с интервентами. Когда терпят крах карательные операции, по

Фото И. ЩЕДРОВА.

У демократического Вьетнама есть чем защищать свое небо.

освобожденным деревням начинают стрелять из орудий. Но свободные районы остаются неприступной крепостью.

Над деревушкой нависла темная, дождливая ночь, а мне все не хочется расставаться с Нам Се.

— Поздно,— говорит он,— но если ты еще не устал, я тебе расскажу историю — самое дорогое воспоминание в моей жизни. Она связана с Москвой. Вот по этой улице четверть века назад ходила легендарная женщина, одна из первых коммунисток нашей страны, которая хорошо знала Москву и Черное море, была влюблена в вашу страну, ее замечательный народ и эту любовь завещала своей дочери Хонг Минь, передала друзьям, товарищам по борьбе. Я думаю,— добавил Нам Се,— что мой рассказ поможет понять, почему вот уже шестой год под самым Сайгоном непоколебимым бастионом стоит наш партизанский край. Его основы закладывали те бесстрашные бойцы, которых сегодня нет с нами. Но мы их помним. Мы, как они, будем сражаться до последнего.

КРАСНАЯ АВРОРА

РЫЦАРИ РЕВОЛЮЦИИ

1936 год. На околице Ба Дием встречаются двое. Один в городском запыленном костюме, другой — местный, деревенский. Оглядевшись по сторонам, горожанин спрашивает:

— Говорят, у вас продается буйвол?

Крестьянин медлит с ответом, смотрит, как горожанин достает из кармана платок, а затем отвечает:

— Да, буйвол серого цвета, здоровый, молодой. Заходите во второй дом по левой стороне — там и договоритесь о цене...

И они расходятся. Крестьянин — старший брат Нам Се, коммунист, хозяин одной из явочных квартир ЦК подпольной Компартии Индокитая. Так в доме брата Нам Се появились новые товарищи, прибывшие недавно из эмиграции.

Одного из новых руководителей звали Ле Хонг Фонг — Красный Ветер. Другим была волевая, энергичная женщина — Нгуен Тхи Минь Кхай. Они нередко приходили вдвоем. От них-то и услышал впервые Нам Се рассказы о далекой Стране Советов, первом в мире государстве рабочих и крестьян, о Ленине, великом вожде русской и мировой революции, о замечательном городе Москве — столице революционеров всего мира.

Лишь несколько лет спустя, когда Нам Се ближе познакомился с молодыми лидерами революционного подполья, он узнал, как удалось Красному Ветру и Минь Кхай побывать в Стране Советов.

В 1923 году молодой, двадцатитрехлетний революционер Ле Хонг Фонг, один из руководителей антифранцузских подпольных организаций, добрался до Кантона, где в это время действовала вьетнамская революционная эмиграция. Здесь он встретился с Нгуен Ай Куоком — так называли тогда Хо Ши Мина,— близко познакомился с товарищами из советской миссии при китайском революционном правительстве. Ее возглавлял известный советский дипломат Бородин.

В то время во Вьетнаме не было еще коммунистической партии. Первые вьетнамские коммунисты Нгуен Ай Куок, Ле Хонг Фонг и другие понимали, что первоочередной задачей революционеров является создание такой партии. Ле Хонг Фонг становится одним из лидеров революционной молодежной организации, в которой пропагандирует идеи Маркса и Ленина. В эти же годы он поступает в военную школу Вампу в Китае. Юноша понимает, что революционер должен овладеть военной наукой. Ведь впереди долгие годы борьбы, восстание. Одним из его учителей в школе Вампу был советский полководец Блюхер. Быстро пролетели два года. По решению революционной молодежной организации в 1926 году Ле Хонг Фонг отправляется в Москву. Ему многое предстоит узнать, посмотреть своими глазами первое в мире государство трудящихся. И вот уже Ле Хонг Фонг, смешавшись с толпой москвичей, идет по улицам столицы, долгие часы проводит на Красной площади. Но он знает, что впереди борьба, кровопролитная, упорная. А для этого нужно хорошо разобраться в революционном учении, овладеть вершинами военной науки.

Ле Хонг Фонг был бесконечно рад, когда увидел приказ о зачислении его курсантом летного училища. Незаметно прошли месяцы теоретических занятий и учебных вылетов. И вот уже новый приказ —о зачислении командира Красной Армии Ле Хонг Фонга в действующую авиационную часть. Право служить в первой в мире рабоче-крестьянской армии он старался оправдать с честью. Потом наступили годы учебы в Университете народов Востока. Все это время он не прерывал связей с родиной, с революционным подпольем. В 1932 году Ле Хонг Фонг возвращается во Вьетнам. Снова подпольная борьба, но теперь уже в рядах созданной к этому времени Коммунистической партии Индокитая. В 1935 году Ле Хонг Фонг — генеральный секретарь ЦК КПИК.

В этом же году он опять нелегально уезжает в Советский Союз, на VII конгресс Коминтерна. Делегатами от Коммунистической партии Индокитая на этом конгрессе были Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай. Это была их первая встреча. Но о молодой вьетнамской коммунистке он знал еще раньше по рассказам товарищей. В свои двадцать пять лет она уже была известна как умелый организатор, мужественный, стойкий человек. Оказалось, что они земляки, оба из провинции Нге Ан. Их часто можно было видеть вместе на Красной площади, в Сокольниках, на берегу Москвы-реки. Дружба незаметно переросла в любовь. На VII конгрессе Коминтерна Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай были избраны членами Исполкома, и в этом же 1935 году оба вернулись на подпольную работу в Сайгон.

Летом 1938 года Ле Хонг Фонга выдал провокатор. Много раз ему приходилось сидеть в тюрьмах, но каждый раз он все-таки вырывался на свободу. На этот раз не смог. Уже в тюрьме он узнал, что Минь Кхай родила дочь и дала ей имя, то самое, которое они придумали вместе в далекой Москве,— Хонг Минь — Красная Аврора. В первые же месяцы девочку пришлось отдать на воспитание в одну крестьянскую семью в Ба Дием. Матери каждую минуту грозил арест, расстрел.

Июль 1940 года. В деревне Ба Дием — заседание южновьетнамского зонального комитета компартии. На нем было принято решение начать вооруженное народное восстание про-

Строительство крупнейшей гидроэлектростанции Тхак Ба, сооружаемой с помощью Советского Союза, идет полным ходом.

Солдат приехал на побывку.

В дни войны не затихает работа на рисовых полях. Здесь тоже фронт.

тив французских колонизаторов и японских оккупантов. В ЦК, который в это время находился в Северном Вьетнаме, был направлен полномочный представитель, а на места разослано распоряжение о подготовке к восстанию. Во главе штаба восстания стояли Нгуен Тхи Минь Кхай и ряд других товарищей.

И снова черная рука предателя. Когда Нгуен Тхи Минь Кхай и ее товарищи возвращались на явочные квартиры, их арестовали.

Но остановить грозу колонизаторам не удалось. Через несколько месяцев по всему Южному Вьетнаму заполыхало пламя народного восстания. А в эти дни в Сайгоне, в мрачном здании французской охранки, устраивали очную ставку Нгуен Тхи Минь Кхай и Ле Хонг Фонгу. От них требовали подтвердить, что они муж и жена, признать, что они зачинщики и руководители «мятежа». Но революционеры, мельком взглянув друг на друга, как можно спокойнее отвечали: «Не знаю. Не признаю. Мы не знакомы».

24 мая 1941 года Нгуен Тхи Минь Кхай и другие руководители восстания были расстреляны. Даже перед лицом смерти не дрогнула мужественная Минь Кхай. Ее последние слова были: «Да здравствует Коммунистическая партия Индокитая! Да здравствует победоносная вьетнамская революция!» В ту пору было ей всего тридцать один год. Перед расстрелом, уже в камере смертников, она успела написать прощальное письмо мужу, который в это время томился в концлагере смерти на острове Пуло-Кондор, письмо тем, кто укрывал все эти трудные дни дочь, успела передать подруге по камере прощальный материнский подарок для дочери: тюремную одежду и маленькую подушечку с вышитыми на ней вместо завещания словами: «Революция — путь жизни». Но ни письма, ни прощальные подарки не дошли до тех, кому они были предназначены.

Восстание 1940 года было потоплено в крови. Но оно стало прологом Августовской революции 1945 года, и его недаром сравнивают во Вьетнаме с революцией 1905 года в России.

6 сентября 1942 года от побоев и пыток скончался в тюремной камере на острове смерти Пуло-Кондор мужественный коммунист Ле Хонг Фонг. А в это время девочку подпольщики отправили в Сайгон, в одну богатую французскую семью, никому ничего не сказав о ее родителях. Повсюду шли облавы, расстрелы. Те, кто отправил девочку в Сайгон, вскоре были арестованы и погибли от пуль палачей. Так и затерялись следы дочери легендарной Нгуен Тхи Минь Кхай.

— Трудное это было время,— закончил свой рассказ Нам Се.— Двух мужественных рыцарей, героев вьетнамской революции, не забыли. Имя Ле Хонг Фонга до сих пор вот уже двадцать лет носит известный партизанский край на восточном побережье Южного Вьетнама, его именем названы лучшие отряды подпольщиков и партизан. На смену легендарной Нгуен Тхи Минь Кхай встали сотни тысяч революционерок. Ты ведь знаешь,— продолжает он,—что народным восстанием в Южном Вьетнаме в январе 1960 года тоже руководила бесстрашная женщина, секретарь подпольного обкома Нгуен Тхи Динь. Она очень напоминает нам Нгуен Тхи Минь Кхай, руководителя восстания 1940 года.

Мы долго сидим молча, каждый думая о своем. Только теперь я понял глубокий, сокровенный смысл слов Нам Се, сказанных мне при встрече:

— Наша борьба издавна и прочно связана с вашей страной, страной, поднявшей красный стяг свободы. Я давно знаю Советский Союз, и никакие бури не смогут поколебать нашу веру в то, что КПСС, Советский Союз шли и идут в авангарде мирового коммунистического движения. В годы суровой подпольной борьбы со словами «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Советский Союз!» погибали тысячи лучших сынов моей страны. Эта вера скреплена кровью, совместной борьбой. В ней мы черпаем силы в борьбе за победу нашей революции.

Я еще долго сижу без сна после ухода Нам Се. У меня перед глазами, словно живые, два человека. Весело болтая, они идут по набережной Москвы-реки. Я вижу их сильными, мужественными до своих последних минут. Их жизнь похожа на героическую, бессмертную балладу.

Нам Се не знал конца этой истории, а мне посчастливилось узнать ее от самой Хонг Минь.

ЗДРАВСТВУЙ, КРАСНАЯ АВРОРА!

Только что прозвучал сигнал отбоя воздушной тревоги, и почти одновременно зазвенел мой корпунктовский телефон:

— Товарищ Щедров? Это вы интересовались студенткой Ле Хонг Минь?

— Да, я.

Красная Аврора — дочь героев.

— Завтра вы сможете ее увидеть. Записывайте адрес: Ханойский политехнический институт. Главный корпус... Хорошо, если бы вы заранее передали вопросы...

— У меня только один вопрос: как сложилась ее жизнь?

Голос в телефонной трубке пропал.

И вот передо мной сидит молодая девушка. Не знаю, с чего начать. А потом начинаю рассказывать о деревне Ба Дием, что лежит под Сайгоном. Девушка с волнением достает фотографии самых близких ей людей — матери и отца, которых она знает лишь по рассказам. С фотографии на меня смотрит молодая женщина, на которую, как две капли воды, похожа студентка. Это Нгуен Тхи Минь Кхай, секретарь Сайгонского подпольного обкома. В то время ей было столько же, сколько Хонг Минь сейчас. Кто знает, как бы сложилась судьба дочери легендарных подпольщиков, если бы не революция. Вот что рассказала Красная Аврора.

Жила-была в Сайгоне девочка, сирота. Нянчила чужих детей, стирала, мыла полы, носила воду. Девочка не знала, сколько ей лет, кто были ее отец, мать. Француз-хозяин часто бил за любую провинность, больно, жестоко. И даже пожаловаться было некому. Подружка, тоже прислуга в богатом доме, по вечерам тайком от хозяина научила ее читать, писать. Однажды девочка решилась уйти от хозяина. Нашла семью победнее, подобрее и стала у этих людей нянчить годовалого ребенка. За это девочку кормили, одевали и не били. Ей очень хотелось узнать, кто были ее родители, есть ли сестры, братья. Но, кого бы она ни спрашивала, все отрицательно качали в ответ головами.

Шел июль 1954 года. Вокруг все говорили о мире, о конце девятилетней войны Сопротивления, о победе Вьетнамской народной армии при Дьен Бьен Фу, о том, что французам придется теперь уйти. И вот в один из этих дней к ней пришла одна знакомая женщина. Она долго молчала, не решаясь начать разговор, а потом обняла девушку и сказала:

— Я очень волнуюсь. Многие годы я ждала, девочка, пока ты станешь взрослой, боялась, как бы и со мной что не случилось. Теперь тебе можно сказать правду. Я знаю имя твоей матери. Ее звали Нгуен Тхи Минь Кхай. Она была коммунисткой. Больше я ничего не знаю. Если сможешь, проберись к партизанам, они, может быть, смогут тебе рассказать больше, найти родных. Встретиться с тобой я тоже больше не смогу. Ну, выше нос, девочка. Твоя мать была мужественным человеком.

Мир вернулся на землю Вьетнама, но в Южном Вьетнаме компартия продолжала находиться в глубоком подполье. Девочка догадалась, кем была эта женщина.

На следующий день Красная Аврора пошла к одной своей знакомой и уговорила ее помочь перебраться к партизанам.

С большими трудностями Хонг Минь добралась до деревни, в которую иногда заходили партизаны. Там она встретилась с высоким седым человеком лет сорока, в черной крестьянской одежде и попросила взять ее с революционной армией в Северный Вьетнам, куда по условиям Женевских соглашений уходила Народная армия. Девушке было непонятно, слушает ее этот пожилой человек или нет. А он внимательно смотрел на нее, словно что-то вспоминая, и иногда спрашивал: «Сколько лет? Где родители? Почему раньше не участвовала в революционной борьбе?» Она растерялась.

— Не знаю, сколько мне лет. Я и раньше хотела к вам уйти, но это было не так просто. Дядя, а может, ты встречал мою маму? Ее звали Нгуен Тхи Минь Кхай. Говорят, она была коммунисткой.

Партизан удивленно вскинул брови, а потом крепко обнял ее за плечи.

— Дочка, родная, а я все смотрю, и чудится мне в тебе что-то знакомое. Знал я твою маму, знал отца. Они были настоящие люди. Это были лучшие из лучших наших товарищей. И они сражались до конца. Я, дочка, из партизанского отряда имени Ле Хонг Фонга. Это был твой отец.

Так она попала в отряд имени ее отца, где девушку окружили такой заботой, которой она ни разу не видела за свою жизнь. Потом море. И Ханой.

Девушку пригласил к себе в гости Хо Ши Мин. Он тоже долго, пристально смотрел на девушку и сказал:

— Как ты похожа на свою мать! — И спросил: — Кем мечтаешь стать, малышка?

— Летчиком, как мой отец,— ответила, не раздумывая, Хонг Минь.

Хо Ши Мин потрепал ее по плечу:

— Сейчас, девочка, тебе нужно учиться, учиться и учиться. А потом посмотришь, кем быть.

Сейчас Ле Тхи Хонг Минь учится на механическом факультете ХПИ. Студентка третьего курса мечтает создавать машины удивительные, полезные людям, ее родине. Мы сидим с ней, смотрим книги о ее маме, отце, где рассказывается об их работе и учебе в Москве, о Коминтерне, об их последних схватках с врагом. Дочь легендарных героев вьетнамской революции учится в свободном Ханое, в лучшем вузе Юго-Восточной Азии, построенном с помощью Советского Союза, который ее мать и отец считали своей второй родиной.

— А еще я мечтаю,— говорит на прощание Хонг Минь,— побывать у вас в Советском Союзе, в Москве, где впервые встретились самые дорогие мне люди — мама и папа...

СТРАНИЧКА ВОЕННОЙ ЛЕТОПИСИ

ОГОНЬ ПОД ОДЕССОЙ...

Вице-адмирал запаса Н. АЗАРОВ, бывший член Военного совета Одесского оборонительного района

В осажденной Одессе. Фото Г. Зельмы.

Я все еще нахожусь под впечатлением встреч в дни празднования 25-летия начала героической обороны Одессы. В памяти воскресло многое. Теперь, спустя четверть века, можно сказать, что оборона Одессы вошла в историю Великой Отечественной войны памятником, достойным удивления и восхищения. Защитники Одессы не только выстояли в трудные дни начального периода войны, но в течение 73 дней и ночей в боевом содружестве Приморской армии и Черноморского флота, при активной помощи одесситов успешно отбивали непрерывные атаки противника.

Трудно было нам. У нас было четыре дивизии, а у противника — 18; у нас было пять-шесть орудий на километр фронта, а у противника — 80 орудий...

Противник рвался к Одессе, не считаясь с потерями, да и мы несли немалый урон. Были дни, когда в госпитали поступали за сутки боев до двух тысяч раненых. Трудно передать словами, с каким напряжением, с какой любовью спасали раненых врачи, сестры, весь медицинский персонал.

Стойкость и самоотверженность защитников Одессы сорвали план гитлеровского командования захватить Одессу в августе 1941 года и превратить ее в перевалочную морскую базу для питания гитлеровских армий на юге. В портах Варна и Бургас, как стало теперь известно, в августе 1941 года стояли готовые к выходу в Одессу транспорты, груженные боезапасами, горючим.

Одесса, прижатая к морю, находясь в глубоком тылу врага, наносила удары по противнику. В ночь на 22 сентября крейсерами «Красный Кавказ», «Красный Крым», эсминцами «Бойкий» и «Безупречный» был высажен десант в тыл противника, в Григорьевку,— полк морской пехоты. Одновременно был сброшен воздушный десант. Части 421-й и 157-й стрелковых дивизий с утра 22 сентября пошли в наступление. Совместными действиями были разгромлены две дивизии противника. Захвачены пленные, трофеи. Противник отброшен, лишен возможности вести артиллерийский обстрел города, порта и подходных фарватеров с восточного направления.

Когда теперь, в дни праздника, я был в Одессе, то во время закладки монумента летчикам 69-го Краснознаменного истребительного полка, где командиром был бесстрашный Л. Л. Шестаков, в моей памяти встала эта площадь четверть века назад. Тогда мы вынуждены были здесь строить аэродром: действующий за городом обстреливался минометным огнем.

Я хорошо помню, как на Военный совет Одесского оборонительного района были приглашены секретарь горкома партии Н. П. Гуревич и председатель горисполкома Б. П. Давиденко. Командующий обороной контр-адмирал Г. В. Жуков обратился к ним с просьбой построить аэродром в черте города, и через сутки на строительной площадке уже работало около 3 тысяч женщин. Они разбирали разрушенные дома и кирпичом выкладывали взлетные полосы, строили капониры. Чтобы сберечь время, женщины не уходили по домам: размещены были в ближайших пустовавших зданиях.

Противник ни на час не оставлял в покое работающих. Вместе с бомбами фашистские летчики сбрасывали листовки. В одной из них говорилось: «Матери и жены! Уговорите своих сыновей и мужей не лить понапрасну кровь и сдать город...»

Одесские женщины ответили на это досрочным окончанием строительства аэродрома.

И вот я смотрю и не верю себе: здесь, у скрещения аллей и бульваров, был аэродром. В дни осады случались моменты, когда, казалось, атакующий противник вот-вот прорвет линию обороны: у нас не было резерва. И тогда выручали истребители. Да, истребители «И-16» и штурмовики «ИЛ-2»,— они не раз штурмовыми действиями отбивали атаки противника.

В самый критический момент, когда дивизии противника остервенело рвались к городу, Военный совет доложил в Ставку Верховного Главнокомандования, что создалась опасность отхода. Ответ Ставки удивил нас: вместо лаконичного «Ни шагу назад» Ставка просила бойцов и командиров, защищавших Одессу, продержаться шесть-семь дней, в течение которых она сможет дать подкрепление авиацией и вооружением.

— Выдержим! — говорили бойцы.

И слова не расходились с делом. Непостижимо, как в эти дни наши ослабленные, усталые от непрерывных атак части сдержали бешеный натиск врага и восстановили положение там, где враг прорвал фронт.

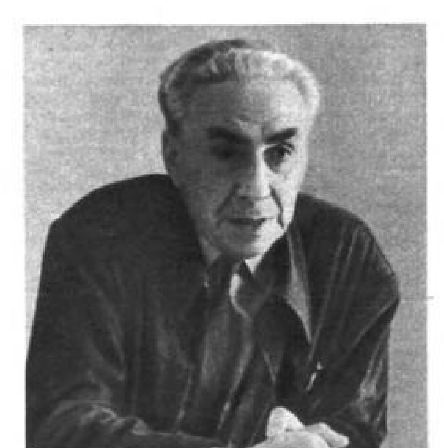
Растущая угроза захвата фашистами Крыма заставила Ставку Верховного Главнокомандования принять решение эвакуировать Одессу и усилить оборону Крымского полуострова. Это были самые трудные для нас дни в осажденном городе.

Эвакуация происходила с 1 по 16 октября. 2 октября 1941 года, для того, чтобы ввести в заблуждение противника, мы предприняли наступательные действия в западном и южном секторах. Прогремели реактивные залпы гвардейского дивизиона «катюш».

И вот в ночь на 16 октября с переднего края обороны поднялись тысячи бойцов и двинулись к порту. Авиация, корабли Черноморского флота, батареи в эти часы наносили удары и вели огонь по переднему краю противника.

Все люди и техника были погружены на транспорты и корабли. В 9 часов утра, после постановки мин в порту, последним уходил из Одессы командир охраны водного района капитан 2-го ранга П. П. Давыдов, а противник продолжал обстреливать передний край обороны и город, полагая, что мы держим оборону. Войска и боевая техника были переброшены в Крым без потерь.

Видимо, много страху натерпелся враг, если не осмелился войти в покинутый нами город...

БЛАГОРОДНОЕ СОАВТОРСТВО

Овадию Герцовичу Савичу исполнилось семьдесят лет. Эту «солидную» дату он встречает полный творческих сил. Поистине самоотверженной можно назвать работу поэта, за сравнительно небольшой срок подарившего русскому читателю скорбные колыбельные напевы великой чилийской поэтессы Габриелы Мистраль, антильские ритмы Николаса Гильена, монументальные полотна Неруды, язвительную поэзию колумбийца Луиса Карлоса Лопеса и многие другие замечательные произведения испанских и латиноамериканских поэтов.

И за всем этим — один человек, человек огромной культуры и очень доброго сердца. Читая его переводы и сравнивая их с оригиналом, каждый раз убеждаешься, какого труда стоит эта простота, достоверность в передаче оригинала. Переводчик становится талантливым соавтором поэта.

Советские читатели знают и любят О. Г. Савича. Имена многих зарубежных поэтов связывают они со строчками, которые так просто и легко запоминаются, словно эти стихи так всегда и существовали в русской поэзии:

...зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.
(Н. Гильен.)

Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья...
(Ф. Гарсиа Лорка.)

Спи, и пусть твое дыханье
будет тише в легком сне
стебелька травы на поле,
шелковинки на руне...
(Г. Мистраль.)

Провинциальные девицы,
и перезревшие, и прочее такое,
поют с утра до ночи:
«Приди, Сусанна, и побудь
со мною...»
(Л. К. Лопес.)

Это голос Савича. Когда мы читаем его книги, мы знаем, что написаны они по глубокому творческому убеждению. Это книги человека, который прочитал их по-испански, они взволновали его, он не смог один владеть этой радостью и не успокоился, пока не подарил ее миллионам своих сограждан.

Павел ГРУШКО

Они добывают сланец.

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ШАХТЕРА

КЛАДЫ КЛЮКВЕННОГО КРАЯ

Н. ХРАБРОВА

В этом краю никогда не бывает темно. Здесь мглу растворяет живой свет огней, которые всегда в движении. Даже в золотой полуденный час, невидные на солнце, они вспыхивают у спусков в подземелья. Это шахтеры зажигают свои шестиваттные лампы и уходят в толщу земли, чтобы вырвать у нее и принести нам наверх тепло и свет.

Недавно и я надела шахтерскую стеганку, резиновые сапоги и каску с белым лучом. Надела, чтоб спуститься в подземные пустоты, пройти по тоннелям и пещерам Страны коричневого золота — сланцевого пласта, лежащего в земной коре между Финским заливом и Чудским озером, от бывшей эстонской деревушки Кукрузе до бывшей русской деревушки Большие Лучки. Деревушки эти теперь стали городами в яблоневых садах, в ярких настурциях, в сиреневом свете неоновых ламп.

Сланец составляет небольшой удельный вес в топливном балансе Советского Союза. Капелька в древнем, плотном, подземном шахтерском море. Но из капелек оно и состоит.

Василий Владимирович Прокопович, главный инженер «Эстонсланца» — в его ведении все десять шахт и два разреза бассейна,— приглашает:

— Приезжайте к нам на праздник. Точнее, на два праздника: нынче у нас не только День шахтера, но и наше пятидесятилетие.

Да, всего пятьдесят лет назад здесь был открыт и узнан сланец. Осенью 1916 года вынули его из заброшенного ныне карьера возле деревушки Ярве и на лошадях вывезли на станцию Кохтла. Двадцать два небольших вагона были отправлены в Петроград.

А сейчас в двух десятках километров отсюда, в Сиргала, гудит и грохочет сланцевый карьер наших дней.

Я помню эти места: здесь в детстве, увязая в болоте, мы собирали клюкву. И вот теперь неожиданно вижу недра нашего клюквенного болота: мягкие пласты сланца вперемежку с пластами плитняка. Недра вывернуты наружу, перекопаны, перетряхнуты и свалены в горные цепи, упирающиеся в низкие облака. Человеческим рукам, разумеется, не под силу такая работа. Делают ее машины — экскаваторы «ЭКГ-4» и шагающие,— а человек только управляет и наблюдает. И потому людей здесь мало: несколько десятков человек на всех разработках карьера.

— Прямо от нас сланец идет в топки Прибалтийской ГРЭС,— рассказывает начальник карьера Борис Иванович Логусов.

Так идет добыча под открытым небом.

А под землей?

Наклонная вагонетка спускает смену, а мы, ведомые главным инженером Седьмой шахты Юри Вахером, шагаем вниз по крутому деревянному трапу. Совсем немного — вот на этот трап да еще на мостки в сырых местах — расходуется дерева в Седьмой. Покатый потолок укреплен ребристыми железобетонными перекрытиями. А в камерах сверху поблескивают как бы круто ввинченные гайки. Это концы металлических штанг. Там, в толще пласта, они раскрываются, подобно цветку, и держат на лепестках-зубцах всю тяжесть свода. Просто, безопасно и намного дешевле, чем деревянная крепь. И где-то шумят, пахнут смолой и земляникой спасенные сосновые рощи...

Седьмая шахта — это 49 квадратных метров подземной модернизации: бетон, электричество, конвейер. И в камере две машины с двумя машинистами — Пеетером Тислером и Адамом Шелухиным — заменили бригаду из тридцати двух человек. Одна из машин, подобно снегоочистителю, ловкими лапищами сгребает горную массу и пересыпает ее в другую машину — самоходный вагон на толстых резиновых колесах. Кажется, это ведь так просто, почему же столько лет люди работали и продолжают еще работать сейчас киркой и лопатой?

— Я показал вам работу этих двух машин, чтобы вы поняли, почему стало возможным строить такую шахту, как Девятая,— говорит Юри Вахер.

Мы понимаем. В Девятой будут

Фото В. Сальмре.

работать такие же машины, а может быть, еще более умелые и сильные. И если в 1965 году весь бассейн выдал на-гора́ 15,5 миллиона тонн сланца, то в 1970-м одна Девятая выдаст 5 миллионов тонн.

На поверхности мы встречаемся с ленинградским инженером-проектировщиком института «Ленгипрошахт» Юрием Альфонсовичем Маковским. Он сдает приемной комиссии новую обогатительную фабрику. За современным — из бетона и стекла — зданием фабрики в солнечной августовской дали синеют терриконики, сделавшие этот равнинный край похожим на горную страну. И трудно представить себе, что терриконики сложены женскими руками — маленькими, огрубелыми, с вечно обломанными ногтями. Но как же так? Очень просто: до недавних пор при любой степени механизации на сланцевых шахтах конец всюду был один и тот же — стояли у конвейера женщины и отбраковывали от горной массы каждый кусок плитняковой породы, из которой растут терриконики. Казалось, так будет всегда: ну какая же машина сумеет разобраться, что есть сланец, а что — порода?

Юрий Альфонсович Маковский с группой обогатителей «Гипрошахт» предложил сортировать сланец в тяжелой среде. Когда горная масса попадает в насыщенный магнетитом раствор, камень проваливается вниз, а более легкий сланец остается на поверхности раствора. Теперь кое-где уже действуют и по всему бассейну строятся новые обогатительные фабрики — пусть отныне они потрудятся на терриконики.

За реками Нарвой и Плюссой, за сырыми низинами и глухими лесами, там, где сланцевый пласт уходит на глубину 90 метров, ведет разработки трест «Ленинградсланец». Разработки эти были начаты по замыслу Сергея Мироновича Кирова, и первая шахта, пущенная в тот год, когда он погиб, носит его имя. Сейчас здесь, кроме той, первой, работают еще три шахты. Работают и реконструируются: скоро станут объединенной шахтой такой же мощности, что и будущая Девятая на эстонских сланцах.

— А потом примемся за Междуречье — треугольник между реками Нарвой, Плюссой и Лугой,— говорит Александр Александрович Калинин, управляющий трестом.

Сланец в наших местах на одну четверть дешевле, чем привозной донецкий уголь,— с жаром убеждает он.— И мог бы быть еще дешевле, если бы мы наконец начали разрабатывать его комплексно. Ведь доказано же: из газогенераторной золы можно делать кирпич, из сланцевой золы — силикат и крупнопанельные блоки, канализационные трубы и вяжущие материалы. А плитняк надо перемалывать на цемент!

...Встретились мы и с двумя главными героями здешних мест. Третий, депутат Верховного Совета СССР, бригадир Второй шахты «Эстонсланца» Аксель Пертель, был в Москве.

Все трое пришли на шахты вскоре после войны. Работали киркой и лопатой — механизация подземных работ тогда только еще зарождалась. Отдали шахте свои лучшие силы, лучшие годы.

Казалось, выйдут нам навстречу из забоя кряжистые богатыри. А получилось иначе. Героя Социалистического Труда бригадира Первой шахты «Ленинградсланца» Ивана Купреевича Масляникова мы застали в саду — он приводил в порядок цветы и молодые яблони: у него сейчас отпуск. Он высок, молод, улыбчив, похвалился, что из троих учащихся в его семье именно он пока самый преуспевающий. А про работу мы его и не стали расспрашивать: Герой Труда — этим все сказано.

С Героем Социалистического Труда депутатом Кохтла-Ярвеского горсовета, бригадиром шахты «Кява-2» «Эстонсланца» Василием Тимофеевичем Жилябиным мы познакомились тоже не в лаве, а у него... на кухне, где он готовил обед, потому что жена была на работе.

— Такое уж у нас в семье правило,— с видимым удовольствием и уж, конечно, без тени смущения сказал он,— во всем стараемся помогать друг другу!

Ну, а что теперь делают женщины в этом краю мужчин? Женщинам Постановление Совета Министров СССР запрещает спускаться под землю на тяжелые работы. И все-таки недаром же кто-то очень верно заметил, что лучшие мужчины — это женщины. Постановление не коснулось геолога Лидии Николаевны Загер и маркшейдера Зинаиды Михайловны Ивановой, работающих на шахте имени Кирова С них-то тут все и начинается: Лидия Николаевна изучает строение пласта и дает направление работ. Зинаида Михайловна размечает выработки и делает замеры. Вот так, скромно и тихо, как и положено хорошим женщинам, управляют они мужчинами своей шахты.

Уходят от газовых заводов Кохтла-Ярве и Сланцев трубопроводы в Таллин и Ленинград, уже много лет безостановочно струится по ним сланцевый газ и будет безостановочно струиться еще много лет. Шеренгами шагают от Прибалтийской ГРЭС опоры ЛЭП, несут в города и села шахтерское электричество.

Зрим, весом, богат труд горняков.

Города их светлы, чисты, полны зелени и цветов — видно, особенно умеют ценить земные радости люди подземного труда. И, видно, особенно желанны им после мглы и тесноты шахты простор, ветер и солнечный свет, играющий в зеленой глубине волн.

На субботу и воскресенье уезжают шахтеры на Чудское озеро. В зарослях грохочет перестрелка — там затаились охотники на уток, и распугивать дичь своим появлением мы не рискнули. А вот к рыбакам добрались по лиловым, чисто вымытым озерной волной камням длинного мола. Клевала на удочки рыбка большая, а чаще маленькая, но вся она была очень хороша для ухи. Кричали над озером чайки, волны хороводами приходили к молу и пели шахтерам свои древние песни. Бродили над волнами вечерние облака, золотые, синие, розовые. И тек с берега березовый ветер пополам с дымом рыбачьих костров.

Здесь, в краю озерного и лесного покоя, в краю легенд, и моя тихая родина. Может, оттого и показалось мне, что лучшего отдыха, чем этот вольный шахтерский вечер, нет и не может быть на земле.

ВЕСЕЛЫЙ И ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

В биографии народного художника РСФСР Ивана Максимовича Семенова много белых пятен, много невыясненного, неуточненного.

Доподлинно известно только одно: недавно ему исполнилось 60 лет. В день юбилея художник был награжден орденом Трудового Красного Знамени, его горячо поздравили бесчисленные друзья.

Когда началась творческая деятельность Ивана Максимовича, и, следовательно, какое ...летие ее идет сейчас? По этому поводу кипят споры. Одни относят начало работы к 1935 году, когда Иван Максимович стал постоянно работать в «Комсомольской правде», другие утверждают, что это 1931 год: в этом году появился первый рисунок в «Крокодиле», третьи называют год 1926-й, когда в редакцию ростовской газеты «Молот» робко постучался голубоглазый молодой человек и предложил свою карикатуру. Карикатура была напечатана.

Но есть люди, которые и с этим не согласны. Иван Максимович, говорят они, взял впервые кисть в руки, еще будучи мальчишкой. Лишившись отца, он вынужден был зарабатывать на жизнь сам, торговал папиросами. Чтобы привлечь покупателей, он раскрасил и разрисовал фанерный ящик, в котором хранились пачки «Нашей марки» и «Дюшеса». Число курящих в Ростове повысилось.

А кто же все-таки Иван Семенов? Крокодильцы утверждают, что он карикатурист, работники издательства «Художественная литература» — книжный иллюстратор, а сотрудники «Веселых картинок» говорят о своем любимом редакторе, что он прежде всего «детский художник».

Еще один спор. Сколько карикатур и рисунков вышло из мастерской Семенова. Опять одни... другие... третьи... Называют цифры от 10 до 15 тысяч.

Несмотря на то, что ясность — великое дело, согласимся со всеми сторонами. Все правы!

Свое шестидесятилетие художник встретил за работой в мастерской, «производственный график» его заполнен на много времени вперед. И скоро читатели — большие и маленькие — увидят новые его сатирические и юмористические рисунки.

Бор. ЕГОРОВ

КОНГРЕСС ЗАКОНЧЕН — КОНГРЕСС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«В 1899 году в Санкт-Петербурге русские ученые предложили создать Международную ассоциацию по изучению птицеводства. Посеянные семена не скоро «созрели» — так начал свою вступительную речь президент Всемирной научной ассоциации птицеводов Р. Ч. Блейк на XIII Всемирном конгрессе, который проходил в Киеве.

Главная задача этого форума — обобщить новейшие достижения науки и практики, стимулировать интерес к проблемам птицеводства во всем мире и укрепить дружественные связи между людьми, работающими в разных отраслях птицепромышленности.

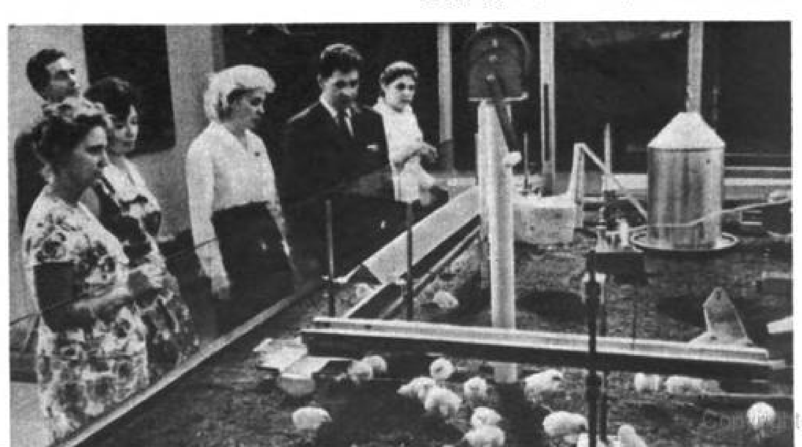
По заявлениям многих участников, нынешний конгресс был наиболее интересным. На семи секциях делегаты прослушали больше двухсот пятидесяти докладов. Международная выставка по птицеводству, начавшая свою работу одновременно с конгрессом, практически продемонстрировала мировые достижения птицеводства.

В венгерском павильоне внешнеторговое объединение «Комплекс» установило специальное оборудование для 10 тысяч цыплят. Вместе с оборудованием в Киев прилетели 10 тысяч пернатых экспонатов. Английская фирма «Бем Невис» показала автомат, который за час штемпелюет, упаковывает и подсчитывает 7 тысяч 200 яиц. Всеобщее внимание привлек наш отечественный инкубатор «Универсал-50».

Конгресс закончен — конгресс продолжается. Зарубежные ученые-птицеводы отправились в путешествие по нашей стране. Они посетят Москву и Ленинград, Грузию и Эстонию, побывают в Крыму. Будут знакомиться с работой советских птицефабрик и научных институтов.

Р. КУЗНЕЦОВА

Выставка в Киеве. В советском павильоне.
Фото В. Регинина, П. Ивановой.

ВНЕМЛЮ ТЕБЕ, РУСЬ!

Ефим ПЕРМИТИН

«Яркая музыка очей — ты прекрасна!»
Н. В. Гоголь

Великий художник, ученый, мыслитель Леонардо да Винчи говорил, что живопись — это наука и в то же время «живопись — это поэзия, которую видят, но не слышат, поэзия — это живопись, которую слышат, но не видят».

«И в этом нет противоречия»,— пишет в одной из своих статей о живописи Борис Щербаков. В подтверждение он приводит слова А. Блока:

...Мы любим все — и жар холодных числ
И дар божественных видений...

Для ученого наука столь же увлекательна, как искусство для художника. И если первый глубоко чувствует «жар холодных числ», то второй ясно понимает необходимость твердого, научного основания в таком искусстве, как живопись.

Борис Щербаков — человек большой культуры, художник-реалист, выросший в среде художников-реалистов — отлично понимает необходимость такого твердого научного основания в живописи. Понимает и стоически несет знамя реализма (а нести его ныне нелегко), утверждая свое понимание реализма делом — неустанным трудом, полотнами самых разнообразных жанров.

Сын художника, с 12 лет ученик одного из замечательнейших пейзажистов XX века, Аркадия Александровича Рылова, Щербаков рассказывает о своем творческом пути:

«Еще будучи подростком, я испытал неизгладимое впечатление от картины А. А. Рылова «Тихое озеро». Она стояла на мольберте в глубине комнаты, и, как будто в окно, увидел я этот дремлющий, теплый мир, услышал эту тишину, нарушаемую, может быть, только всплеском рыб. Очевидно, на моем лице отразились эти впечатления, потому что Аркадий Александрович, в те годы внимательно следивший за моим художественным воспитанием, сказал, слегка как будто даже смущенный: «Видишь ли, пейзаж должен уводить тебя к себе, если ты захочешь быть там, это уже хорошо». И я всегда вспоминаю слова этого умного, талантливого художника, когда «ухожу» в любимые пейзажи Левитана, Остроухова, Поленова, того же Рылова или других пейзажистов. И мне совсем не кажется, что язык их устарел, что о нашей современности, как утверждают некоторые «теоретики», нельзя рассказать этим чудесным, песенным языком. Зато меня восхищает глубокое понимание вопроса таким теоретиком-марксистом, как А. В. Луначарский, который говорил: «Я глубоко убежден, что восстановить искусство классиков в живописи — великое дело. На языке Тинторетто, Рубенса, Пуссена можно сказать великое, можно отразить тот грядущий высший порядок, за который борются передовые силы нашего времени. Я убежден, что на языке Микеланджело и великих бароккистов легче всего передать самую борьбу за это будущее. Я не утверждал и не утверждаю, что это единственный язык для современного художника; но для меня очевидно, что это один из главных языков искусства завтрашнего дня, но нам надо приобретать этот язык именно для того, чтобы сказать на нем, на этом пленительном, могучем, монументальном языке, нечто наше, современное».

Да простят мне читатели эти довольно длинные цитации — я вынужден их сделать. В наши дни, когда значительная часть буржуазного (да только ли буржуазного?) искусства идет по пути утверждения подсознательного начала в творчестве, отрицания «сознательного контроля» над ним, ничто и никогда еще не вызывало и не вызывает таких ожесточенных споров, как споры об искусстве.

Борис Щербаков, художник-реалист, споры по принципиальным вопросам искусства решает делом. Его реализм не обветшалая традиция, не слепое подражательство. Нет. За каждым новым его полотном мучительные поиски наиболее яркого, впечатляющего решения взятой темы в пейзаже ли, в портрете, в жанре ли. Огромное волнение, упорное стремление продолжить великие животворные традиции, «своим вином изменить классические мехи». Открыть новые страницы человеческого искусства, донести их до широких масс. И он достигает своей цели: как всякое подлинное искусство, картины Бориса Щербакова нашли прямой путь к сердцам зрителей.

Огромное, разнообразное по жанрам творчество художника невозможно охватить в одном очерке. Б. Щербаков — автор ряда исторических полотен: «Петр I принимает иностранных послов», «Кончилось ваше время!», «Редакция «Правды» в 1917 году», ряда индустриальных интерьеров, лучший из которых —«Разливка стали»— находится в Государственной Третьяковской галерее. А за серию портретов крупнейших ученых нашей страны и за работу над картиной «Заседание Президиума Академии наук СССР» он удостоен звания лауреата Государственной премии.

В 1955 году художнику была поручена работа по копированию картин Дрезденской галереи — полотен Рубенса, Мантеньи, Гальса, Веласкеса. И в 1957 году он с блеском, как говорится, «мазок в мазок» завершил ее. Известные специалисты некоторые из его копий смогли отличить от подлинников, лишь повернув доски и посмотрев на подпись.

Тогда же—в Германии—художник создает серию живописных и графических работ «Города и люди ГДР». Наблюдения над жизнью послевоенной Германии легли в основу его картины «Пепел Бухенвальда».

И все же, как мне кажется, большое дарование Бориса Щербакова ярче всего выявилось в пейзажной живописи.

Но прежде чем перейти к только что закончившейся выставке пейзажей, посвященных памятным литературным местам, связанным с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, я не могу не остановиться на его картине «Непобедимый рядовой», за созданием которой мне посчастливилось наблюдать лично.

Сюжет ее прост и в то же время типичен для миллионов. На истерзанном войною клочке земли, на разрушенном фундаменте какого-то здания сидит солдат с усталым, изрубленным глубокими морщинами скорбным лицом, с опущенными на колени большими, сильными, натруженными делом войны руками. Незабываемо лицо солдата, провоевавшего четыре года и вернувшегося на разоренное пепелище.

Как во всяком подлинно выдающемся произведении искусства, в этой картине ничего лишнего. Детали ее скупы, но необычайно выразительны: огненно-багровое небо в разорванных черных тучах. Труба сожженной избы, рядом с ней сколоченный на живую нитку сарай. На переднем плане вещевой мешок, снятая с головы солдата каска, скрученные вихрем войны, поставленные дыбом рельсы.

И сидящий солдат с налитыми скорбью, добрыми глазами, погруженными в глубину души, и тяжелые, мужицкие, все преодолевшие и вновь готовые все преодолеть солдатские руки...

Как будто бы просто, обычно все. Но какой непреоборимой духовной мощью, какой несокрушимой верой в силы русского советского человека, в его непобедимость и на войне и в тылу пронизана эта воистину незабываемая картина!

...Долго ждал я оценки полотна искусствоведами. И не дождался: ни в одном из многочисленных обзоров о союзной — итоговой — выставке ни разу не было упомянуто имя автора «Непобедимого рядового».

Через год я спросил Бориса Валентиновича, с таким же упорством и любовью работавшего над новым полотном, о причинах столь непонятного молчания по поводу его картины. Он только нахмурился и еще ожесточеннее заработал кистью.

Тогда же мне припомнился оптимистический сонет непревзойденного Микеланджело:

Я тем живей, чем длительней в огне,
Как ветер и дрова огонь питают.
Так лучше мне, чем злей меня терзают,
И тем милей, чем гибельнее мне.

* * *

«Замыслы порою созревают очень долго и вдруг воплощаются в зримые образы. Так случилось и со мной однажды, когда я в одиночестве бродил по яснополянским рощам.

Картины русской природы всегда волновали меня, но тут пришла идея широкого замысла: связать воедино образы русской природы, созданные великими русскими писателями, с живописным их изобра-

Б. Щербаков. ЧЕРНЫЙ ГАННИБАЛОВ ПРУД.

Из серии «Пушкинский заповедник». 1964—1966.

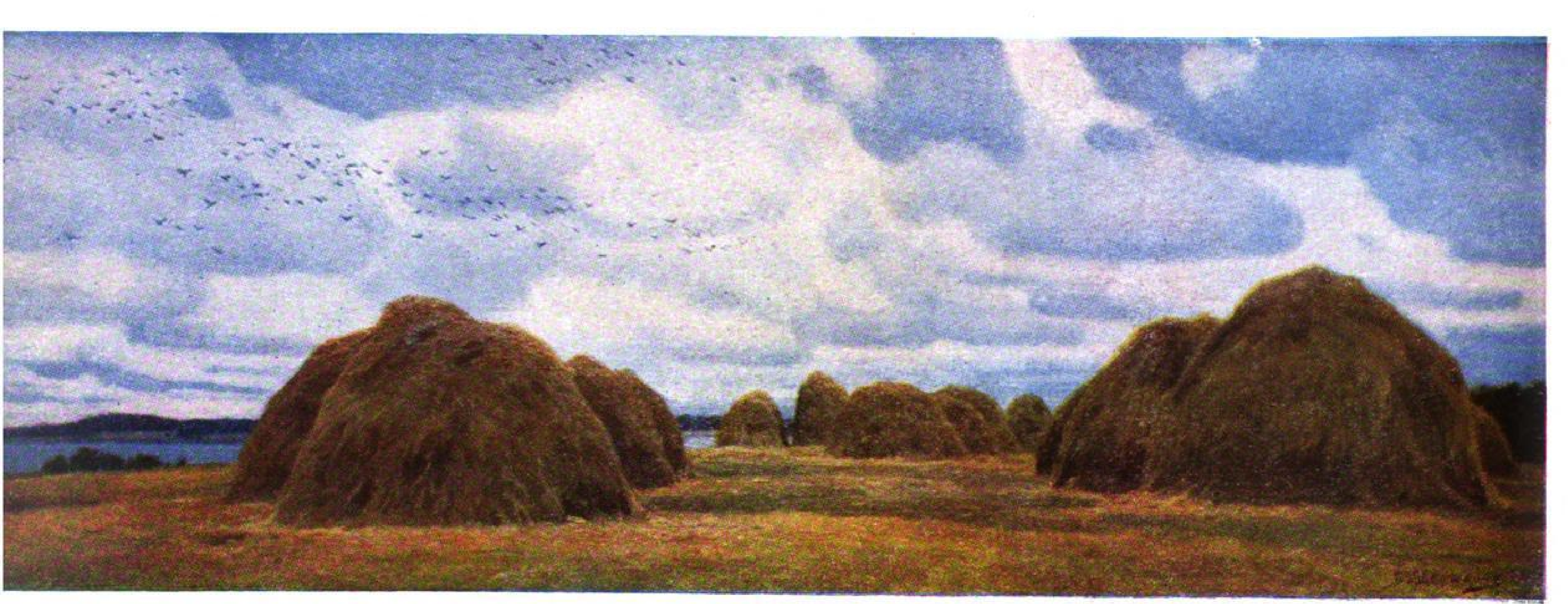
ТРИГОРСКОЕ.

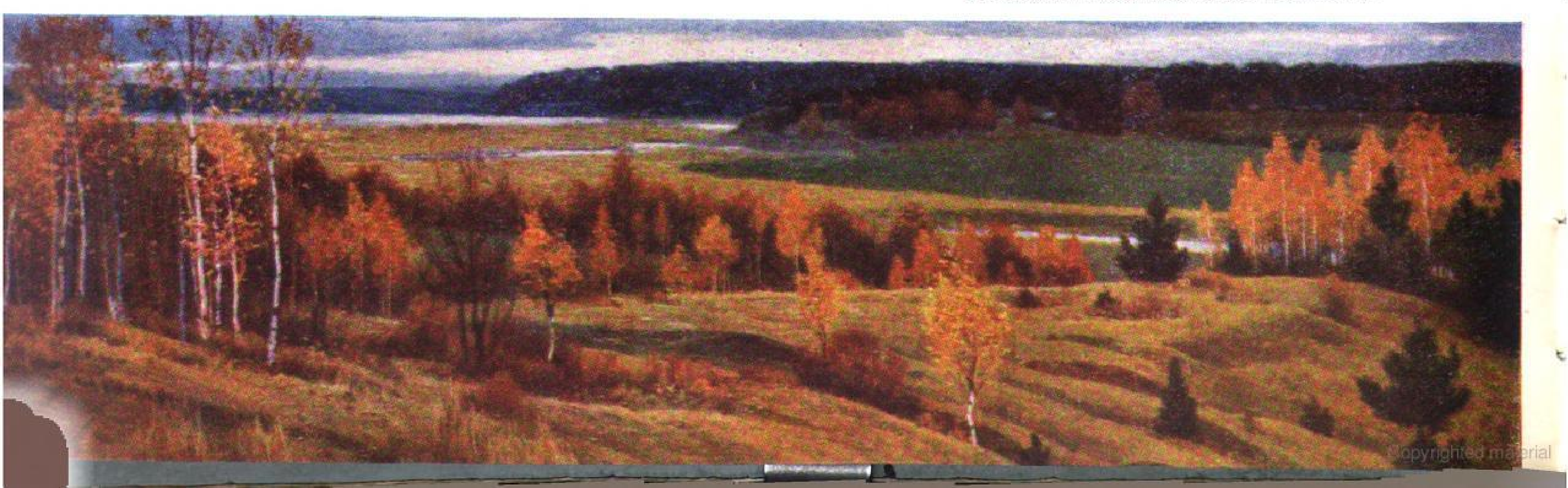
Б. Щербаков. КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТ.

Из серии «Пушкинский заповедник».

«ЛУГ, УСТАВЛЕННЫЙ ДУШИСТЫМИ СКИРДАМИ».

«ПРОГЛЯНЕТ ДЕНЬ, КАК БУДТО ПОНЕВОЛЕ».

жением, попытаться в зримых конкретных образах передать именно те мотивы, которые вдохновляли писателей, ту природу, среди которой они жили и работали»...

Три года напряженного труда над яснополянской сюитой, два — над серией пейзажей Спасского-Лутовинова и три года на Псковщине, в священных пушкинских местах. Почти десятилетие — таков временной размах над осуществлением его нового грандиозного замысла.

Все это живописное богатство, собранное воедино, появилось на выставке, приуроченной к 50-летию со дня рождения художника.

Перед глазами зрителей предстали, кажется, и впрямь ожили, по-новому зазвучали памятные со школьных лет поэтические страницы наших гениев.

Русская природа! На каждом полотне до боли любимая, дорогая сердцу зрителя Русь!..

Картины Бориса Щербакова отмечены печатью неповторимого своеобразия. Изображаемая им природа до краев напоена живой, трепетной красотой. Его пейзажи действительно «уводят зрителей к себе».

В картинах с открытыми, характерными для среднерусской полосы взволнованно-холмистыми далями превалирует несколько световых планов, почти незримо переходящих, вливающихся один в другой. Это создает ощущение величавого покоя и умиротворяющей тишины.

На его полотнах цвет словно бы звучит — так он глубок и насыщен. Цветы и травы, деревья и кустарники, живая лазурь вод, ситцевое небо родины пронизаны солнцем, наполнены движением.

Живописный язык художника богат тончайшими оттенками, как словарь великих писателей, коим посвящен цикл его картин.

Ясная Поляна. Два простых русских слова, и за ними встает дорогое людям всего мира гнездо величайшего художника, человечнейшего человека и мудреца.

Дом Толстого, в котором он прожил более полвека, окрестности Ясной Поляны — царство светолюбивых бело-розовых берез. Как любил их Толстой!

Любой мотив яснополянской природы связан с образом писателя, с великолепными страницами его творчества.

Пейзаж «Месяц над рощей» изображает так называемое «Прудище». Осенний вечер, облетают листья с березовых рощ. По лощинке ползет синеватый невесомо-легкий туманец. Здесь тишина, которую мог прийти и послушать чутким своим ухом Толстой. Услышать в ней звук собственного сердца. Посмотреть косое, мягкое, беззвучное падение опустившегося к его ногам в вечном круговороте жизни, ушедшего обратно в землю березового листа.

— Природа Ясной Поляны приблизила меня к великому художнику слова и многое объяснила в нем,— говорит Борис Валентинович.

Спасское-Лутовиново.

Трижды писал я Бежин луг, пытаясь в разном состоянии природы найти суть тех эмоций, которые заставили меня остановиться именно на этом мотиве.

После двух лет работы в Спасском, когда по намеченному плану завершалась моя работа, я пришел к выводу, что для того, чтобы передать красоты Орловского края, нужно посвятить этому целую человеческую жизнь. Но даже первые страницы, прочитанные мной, оставили неизгладимый след и, смею думать, заставили звучать новую струну в моем творчестве...

Пушкинский заповедник.

Счастливое сочетание лесной глуши с бесконечными просторами, с зеркальной гладью озер, с широкими заливными лугами, где уже в середине лета, как богатырские шапки, стоят стога ароматного свежескошенного сена и «светлые ручьи в кустарниках шумят». И так же в камышах прибрежных масса диких уток — «Внимая пенью звонких строф, они слетают с берегов»...

Вот «Черный Ганнибалов пруд». Он окружен вековыми, точно из бронзы выкованными соснами, на вершинах которых уже несколько столетий гнездятся серые цапли. Они и теперь важно прогуливаются по берегу пруда или неподвижно стоят у самой воды, высматривая добычу. Их крики, беспокойное хлопанье крыльев на вершинах сосен — единственное, что нарушает тишину этого глухого уголка.

Но ничто не нарушает зеркальной поверхности пруда. Может разгуляться ветер, гнуть кроны сосен, но не дрогнет водная гладь, не появится на ней даже и мелкая рябь...

«Колокольчики звенят». Почти у самой калитки домика няни Арины Родионовны. Видна и крыша барского дома. Березы на косогоре вечно шевелят ветвями, вскипают, рябят волны на озере.

Все кругом звенит, словно поет гимн солнцу и радости. В этом и пушкинский жизнелюбивый темперамент, прорывающийся сквозь все невзгоды, ранившие поэта.

А вот холм, рыжий, с пожухлою травою. Полуобнаженные деревья с нахохлившимися на ветвях птицами. Церковь. Ступени лестницы к ней. И серое небо и опущенные долу ветви деревьев — все пронизано безмерной грустью. Глубокие раздумья навевает картина. В ней все так строго, скупо, гармонично. И подпись: «Здесь Пушкин погребен».

Кажется, рисунок художника навеки слит с сердцами зрителей, навеки запечатлевается и подпись, изображенный на полотне священный уголок родной земли.

Умение находить самые характерные детали для выражения взволновавших художника чувств, большая любовь к родной природе, вложенная в каждый мазок, и составляют секрет обаяния картин Бориса Валентиновича Щербакова на души зрителей.

Но сам художник вечно недоволен достигнутым:

— Нет, нет, еще далеко не то... Надо еще много, много...— И, помолчав, грустно закончил: — Сколько бы ни работал, а все вижу, что не достиг. Что можно и надо, обязательно надо сделать лучше...

— Да чего, чего еще не хватает? И как еще можно лучше изобразить то, что вы изобразили?— недоумеваю я.

— А вы помните, что сказал о Толстом Ленин в беседе с Максимом Горьким?

«Какой матерый человечище!»...

Это же океан клокочущий, могучесть векового дуба. Полет мысли, обнимающей весь земной шар!..

Ощущения этой силы, необыкновенной, сложной простоты, может быть, даже некоторой корявости не хватает в моей пейзажной серии «Ясная Поляна».

И так о Тургеневе и особенно о Пушкине:

— Ведь Пушкин же — человек трагической судьбы. С юных лет гонения, надзор полиции даже в глухой деревне. И вместе с тем светлый, неиссякаемо веселый человек:

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Однако судьба!

На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой...

Поэтому в пушкинской пейзажной сюите хотелось бы видеть больше борьбы светлого с темным. Показать природу глазами изгнанника, пронизать ее ощущениями одиночества.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой тревожит сердце нам.

Скорее пейзажи мои увидены глазами нашего современника. Мы любим Пушкина. Нам дорого все, к чему прикасалась его лира...

— Но в ряде пейзажей чувствуются и тоскливое одиночество, и вспышки радости, и светлые надежды...

— Нет, нет. Если бы еще усилить эту сторону, то общий эффект всей выставки несомненно усилился бы...

Я не стал спорить с взыскательным художником: известно, в искусстве нет пределов желаниям творца. И хорошо, что их нет.

Народ оценил талант художника. Достаточно перелистать пухлую книгу записей посетивших выставку.

Невозможно привести хотя бы одну сотую из единодушных восторженных отзывов о работах художника-реалиста. Вот один из них:

«Помимо эстетического наслаждения, выставка вызывает большое патриотическое чувство русских, советских людей, гордость за свою родину. Инж. Б. Дружинин».

Споры об искусстве решают не только искусствоведы и художники, но и народ.

МОЛОДОЙ ГОЛОС

У Людмилы Шикиной свой поэтический голос. Он явственно звучит в ее первой небольшой книжке «Ровесница». На белом поле суперобложки задумчивые осенние листья — они передают тональность стихов поэтессы. Не очень веселы эти стихи, короткие, сжатые ясной мыслью и напевным ритмом; стихи, в которых возникает «негромкая родина» Людмилы Шикиной — заснеженное башкирское село Ермолаевка, где прошло ее военное, безотцовское детство... И герои ее — либо обездоленная войной женщина, которой «положено» быть всю жизнь солдаткою-вдовой, либо военный, «забинтованный по колено», пришедший на побывку...

Но вот не успели еще высохнуть бабьи слезы, а земля опять напряжена «и где-то теплится война». Как свое - личное, сокровенное воспринимает поэтесса большую гражданскую тему, поэтому стихи ее, всегда предельно искренние, написаны с доверительной простотой и безыскусной, подкупающей интонацией.

Поэзия Л. Шикиной, чуткая и совестливая, откликается на «неслыханный зов» журавлей, что звучит над целым миром, ей больно за седока, бьющего нагайкой коня по глазам; ей совестно быть счастливой, в то время как у девочки с раскосыми глазами много горя.

Но эта поэзия, будто робкая и тихая, точна. В стихах Л. Шикиной рожь, «как стрелы в колчане», а мимо необкатанного «МАЗа» сосны «бегут, отставая, как дети»; «в травах росных жаркое притаилось лето, песня в ночь ударилась и затихла где-то»... Такие строки — залог дальнейшего поэтического роста Людмилы Шикиной.

С. РУСАКОВА

Людмила Шикина. Ровесница. «Советский писатель». 1966.

Мария ХАЛФИНА

Рисунки Игоря БЛИОХА.

Прос по

Недавно пришлось мне побывать в одном сибирском совхозе. Ехала я повидаться с очень хорошим и очень интересным человеком, но за день до моего приезда он был срочно вызван в Москву, и в совхозе я его уже не застала.

Расстроенная неудачей, пошла я в заезжий дом, чтобы следующим утром с первым автобусом двинуться в обратный путь.

После благодатно-знойного дня к вечеру вдруг нахмурилось, и из первой же совсем пустяковой тучки хлынул дождь.

Настроение у меня окончательно рухнуло. Сенокос был в самом разгаре, ненастье в такие дни — большая беда.

Всю ночь за окном в черемуховом саду противно хлюпало, шлепало, булькало. На рассвете дождь прекратился, но утро занималось по-осеннему тусклое, туманное.

Между вчерашним знойным, лучезарным небом и мокрой притихшей землей висел тяжелый серый войлок сплошных облаков. Видимо, вот это самое и называется — хляби небесные.

После бессонной ночи любоваться всей этой хлябью не было никакого желания,— я повернулась носом к стене и с горя крепко уснула.

Разбудил меня неистовый птичий гам за окном. Пришлось подниматься, хотя время еще было раннее. Вышла я на крылечко и ахнула. Какой-то веселый хлопотун усердно приводил небо в порядок. Широкими граблями сдирал с небосвода серые лоскутья облаков и энергично гнал их к горизонту. Согнал все в одно место, потискал, утрамбовал, и над синей кромкой далекого леса получилась небольшая, но очень темная и очень сердитая туча. На прибранное, чисто умытое небо победоносно выплыло солнце. Последние растрепанные облака торопливо удирали под защиту угрожающе ворчавшей тучи. А она еще немножко поворчала, погромыхала вполсилы и уползла за синие леса, за высокие горы, что чуть маячили вдалеке, там, где кончалась просторная щедрая степь и начиналась милая страна под названием Горный Алтай.

Я спустилась с крылечка и окунула босые ноги в бархатную, матовую от дождя муравку, а потом забрела в прозрачную лужицу, которую не успела выпить за ночь широкая песчаная колея. В заезжем еще спали, кругом не было ни одной живой души, а впереди, в глухом переулочке, синело в траве целое озерко дождевой воды. Не спеша, чтобы продлить удовольствие, вошла я в воду и, раздумывая о всякой приятной всячине, побрела себе помаленьку, пока не услышала встречного шлепанья.

Подняла голову и еще раз ахнула. Навстречу мне по безлюдному переулку, в одной руке хозяйственная сумка, в другой — туфли, шлепала по луже Вера Черномыйка. Стоя посреди лужи, она, приоткрыв рот, смотрела на меня. Потом швырнула в траву сумку и туфли, всплеснула руками и, смеясь и причитая, побежала ко мне, расплескивая фонтаны серебряных брызг.

Вера Черномыйка с шестнадцати лет ходила матросом на барже.

В сорок первом году детский дом, в котором она жила с семи до четырнадцати лет, эвакуировали с Полтавщины в Сибирь. Жилось в эвакуации трудно, скучно и голодно. Да и стыдно было большой и здоровой девахе в такое время отсиживаться под детдомовской крышей.

Закончив с грехом пополам седьмой класс, Вера забрала в детдоме документы и пошла в Затон наниматься на работу. В заводских цехах было шумно и бесприютно, Вера попросилась на реку, и ее оформили матросом на баржу «Пинега» к старому шкиперу Разумовскому. Четыре навигации проплавала Вера на «Пинеге», безотказно заменяя Разумовского на посту шкипера в периоды его тяжелых запоев. Работу свою Вера очень уважала. Силой, выносливостью, да и сноровкой она не уступала среднему мужику, зато не брала в рот водки, была скромна и послушна, поэтому никого не удивило, когда на пятую навигацию ей присвоили звание шкипера и доверили новую баржу.

Ранней весной, только закончится ледоход, Вера уходила в плавание, на зимовку глубокой осенью возвращалась в Затон, к которому была приписана ее баржа. Зимой наравне со шкиперами-мужчинами работала в цехе на судоремонте, стала заправским слесарем, как-то незаметно овладела премудростями сварки и газорезки.

Не один раз ей предлагали перейти из плавсостава в береговые, отдавали даже под ее начало бригаду молодых слесарят, ежегодно приходивших на судоремонтный завод из ФЗО. Даже выделили ей комнатку в новом бараке. А в те времена одинокому получить отдельную, хотя бы и крохотную, комнатушку означало, что человек этот стоящий и им очень дорожат.

Но уходить на берег Вера не хотела. Каждую весну, словно праздника, ждала она на-

чала навигации. Могучая, добрая река, тихий шорох и плеск струи за бортом, по ночам дрожащие огни бакенов в черной воде и мерцающий отсвет одинокого чужого костра на туманном берегу... И запах смолистого дымка от негасимого дымокура. И тишина... А главное, подальше от людей. Сторонилась Вера людей совсем не от нелюдимого, мрачного характера, да, собственно, она и не сторонилась, а просто стеснялась: очень уж она была некрасива. Беспощадно некрасива: от самой макушки реденьких рыжевато-белесых волос и до кончиков плоских, словно раздавленных, пальцев на больших толстых ногах. И не было у нее ни «лучистых глубоких глаз», «ни нежной улыбки», которыми положено скрашивать некрасивые лица некрасивых героинь многих художественных произведений. Ничто не скрашивало ее длинного, костистого лица и нескладной, мужиковатой фигуры. Красивым у нее был только голос: не какой-нибудь певческий, а обычный разговорный голос — глубокий, мягкий, по-украински певучий. По-русски Вера говорила почти без акцента, на украинский сбивалась только в минуты волнения. Очень выразительно у нее получалось, когда, узнав о чем-нибудь нехорошем, она говорила, страдальчески морщась:

— Ой! Дуже погано!

В цехе Веру уважали за ее бескорыстное трудолюбие, за молчаливую готовность в любую минуту прийти товарищу на помощь: отстоять за товарища лишнюю смену, поделиться дефицитным инструментом, деньжонок одолжить до получки...

Но не было у нее ни задушевной подруги, ни просто хотя бы хороших знакомых, к которым можно забежать вечерком на огонек. В гости она не ходила и у себя ни разу в жизни гостей не принимала.

Так вот и жила она, вроде бы и на людях и в то же время на отшибе, в стороне от людей.

Перебравшись из общежития в «свою» отдельную комнатушку, Вера хвалилась мне, сконфуженно посмеиваясь:

— Я теперь не хуже царицы какой живу, ей-богу! Приду с работы, печку затоплю, помоюсь, как мне надо, покушаю домашнего

— Боже ж ты мой! Ну, не дура ли?! Такая красивая, ну, як же ж такое можно?!

Исчезла Вера из Затона неожиданно и, как нам тогда казалось, беспричинно. Словно каким-то ветром сорвало ее с обжитого гнезда. И никому она не сказалась, не простилась ни с кем. Прислала с соседской девчонкой книги, без записки, без единого приветного слова.

Позднее узнала я, что, вернувшись из плавания, она тут же завербовалась в дальний северный леспромхоз. Удерживать ее, как завербованную, на заводе не могли, и она за один день собралась на новые места, в дальнюю дорогу.

И еще был такой слух, что подобрала Черномыйка и увезла с собой пропойцу, припадочного, инвалида Матвея Третьякова.

Имя капитана-наставника Егора Игнатьевича Третьякова в те времена было известно всему речному бассейну. Хорошей славой пользовались и сыновья Егора Игнатьевича.

Старший, Матвей, перед войной уже ходил на большом пассажирском пароходе механиком. На третьем году войны пришла на него с фронта похоронная... А он оказался в плену и уже после победы вернулся домой. Не прошло и года, как от него ушла жена, а для семьи стал он позорищем, «Мотькой-алкоголиком». Так называли его в поселке недруги капитана Третьякова.

Вскоре после Вериного исчезновения и я из Затона уехала. И вот через пятнадцать с лишним лет стоим мы с ней в обнимку в дождевой луже, под бездонным степным алтайским небом.

— Тебя ли вижу я?! О ты, суровый шкипер! О волк речной!!! — выкликаю я. — Могучий лесоруб! Откуда ты взялась в благословенных этих палестинах?!

— Який волк?! Який лесоруб?! Ой, таточку, смерть моя! — Всхлипывая от смеха, Вера выводит меня под руку из лужи. — Я ж тринадцатый год курей развожу, цыплят высиживаю. Ой, мамочки, вы только послухайте: иду себе с фермы, ничего не думаю, глянула, а воны середь лужи стоять!

Отсмеявшись и немного передохнув, Вера надевает туфли и вытягивается передо мной:

выходной... Здорово, Юрий! Скажи Евгению Павловичу, что от женсовета Степаниду Ивановну к школе прикрепили, она сейчас подойдет... Взрослые-то отсыпаются, отдыхают, а ребятам не спится. Младших решили сегодня в горы свозить, а старшие на соревнование в район собираются... Вовка, ты куда это в рваных трусах наметился? У-у, бессовестный! Во второй класс, женишина, перешел, а не доглядит бабка — он совсем нагишом на гулянье явится. Иди сейчас же надень новые штаники...

Мои-то мужики сегодня на дальние озера рыбалить собирались... Здравствуй, Любушка! А галстук-то у тебя почему в руке? Ну-ка, Нина, повяжи Любаше галстук да научи ее, как пионерский узел вяжут... Вечером будем карасей в сметане жарить, а Виктория, дочка, пирогами грозится кормить, стряпню затеяла, она у нас стряпуха... Здравствуй, Игорь! Скажи отцу, что вырешили ему пенсию, с первого будет получать... Ребятишки на гулянье собираются, а наши наскучались, и на гулянье их не манит. Славка от отца ни на шаг, а Викулька все ко мне жмется — мала еще, мамкина дочь, двенадцатый год недавно пошел.

В переулке за школой нас перехватил маленький румяный старичок. Он, видимо, давно уже с пригорка нас высмотрел и ждал посреди узкого переулка, опершись на батожок.

— Доброго утречка, Андреевна! С праздничком вас со христовым, с выходным днем! — Он степенно поклонился и сообщил с ядовито-кроткой улыбкой: — За хлопоты за ваши спасибо, дай вам бог здоровья, а только крыша моя как текла, так и текет. Вы меня к бригадиру как депутат послали, а он и разговаривать не хотит и записку вашу в стол пихнул, и мы со старухой сегодня наскрозь промокли, вот иди погляди, она от ревматизма криком кричит.

— Ладно, Иван Евстигнеич, завтра я к тебе сама плотника приведу, — дослушав старичка до конца, сказала Вера и, уже простившись, добавила, смешливо прищурив левый глаз: — А ноги-то у Петровны не от ревматизма болят, его у нее сроду не бывало, дай бог не сглазить. Ноги-то она у Сашки на свадьбе оттоптала!

За углом дорогу нам пересекла красивая, средних лет женщина. Не здороваясь, с ходу закричала, горестно скривив тонкие губы:

— Что же это такое, Вера Андреевна? Где же правду искать? Кого в новый дом, а я опять хуже всех? Кому, выходит, женсовет защита, а от меня и заявления даже принять не желают?!

— А вы на женсовет не надейтесь. Женсовет за вас хлопотать не будет, — спокойно оборвала ее вопли Вера. — Вас на школьный воскресник приглашают, а вы говорите: «У меня школьников нету, с чего это я пойду?» Все старики, инвалиды, ребятишки — на покосе, помогают кто чем в силах, а вас до поля болезни не допускают. Зато по сограм за смородиной лазить да двухведровые корзины на себе таскать — это вашему здоровью не вредит.

тая весть

обеда и заваливаюсь, как фон-барон, с книжкой на кровать. А устану читать — квартиру на замочек и иду в кино или к вам в библиотеку...

А без библиотеки она, казалось, и трех дней не могла бы прожить.

Собираясь в плавание, Вера забирала у нас целую книжную передвижку. С одинаковым удовольствием она читала популярные научные и технические брошюры и «Основы политических знаний», несказанно радуя своей ненасытной любознательностью наши библиотечные сердца.

Она могла часами слушать рассказы о книгах, и сама, обычно молчаливая, о прочитанном говорила с нами всегда охотно, живо и интересно.

Вот она пришла сдавать томик «Тихого Дона». Библиотека уже закрыта, мы сидим в коридоре, перед жаркой топкой сибирского камелька. На дворе мороз, приходится протапливать на ночь. Я помешиваю кочережкой рубиновую груду углей, слушаю Веру, и мне кажется, что она только что приехала из Вешенской, забежала передать мне привет от Аксиньи, от Мишки Кошевого, рассказать, какая беда приключилась у Мелеховых: утопилась Дашка.

— Разрешите представиться: птичница-куровод, и не простая, а передовая — двести яиц на каждую несушку — Вера Андреевна Третьякова!

Сразу до меня не доходит смысл сказанного. Через полчаса я со своим дорожным чемоданчиком выхожу из заезжего и чинно иду под ручку с Верой по улице, и только тут, откуда-то с самого донышка памяти, вдруг всплывает: «Подобрала и увезла с собой Черномыйка Третьякова, Мотьку-алкоголика...»

По дороге Вера рассказывает мне о совхозных делах. Нас поминутно обгоняют школьники, здороваются с Верой, косятся на меня с любопытством, и Верин рассказ звучит примерно так:

— ...Прошлогоднюю засуху да бескормицу и сейчас вспомнить страшно... Здорово, Ванюшка!.. Нынче порешили, кровь из носа, сена поставить не меньше чем полтора плана... Здравствуйте, девочки!.. Чтобы в случае чего был запас кормов не меньше как на полгода вперед. Травы нынче такие, старики не упомнят... Здравствуй, Иронька, здравствуй, моя умница!.. Весь покос без выходных, все живые и мертвые в полях... Здорово, хлопцы!.. А сегодня всем праздник, общий

У калитки Вериного дома со скамейки поднялась длинная, сухопарая старуха. Привалившись плечом к столбу и перегородив вход в калитку, она затянула плаксивым басом:

— Андревнушка-матушка! Уж как хотишь, а опять я до вашей милости пришла, нету больше никакого моего терпенья...

— Что, опять со стариком делитесь? Опять людей смешите? Это который же раз?

— Нет уж, нет уж, Андревнушка-матушка, теперь уж все уж! Бери, говорит, овечек, а козу, говорит, я тебе не дам, потому что у меня в желудке язва, а у тебя, говорит, язвы нету. Ладно, пущай он моей козой подавится, но уж борова и курей я ему в таком случае не отдам...

Я опустилась на скамейку, а Вера стоит, сложив на животе большие коричневые руки, и серьезно, без улыбки, слушает старухину гуденье.

— Вот что, Варварушка-матушка, — говорит она, выждав наконец паузу, — заявление я тебе напишу, но не сегодня и не завтра, видишь сама, гостья ко мне дорогая приехала. Даю тебе сроку три дня, если вы

со стариком до среды не перебеситесь, я приду, так и быть, разведу вас, но учти и старику передай: одному из вас придется село наше покинуть. Жить спокойно вы все равно не будете, а народу надоело вашу склоку слушать, и перед детьми за вас, за старых людей, стыдно...

Когда-то я очень любила Веру Черномыйку, но Вера Третьякова мне нравится определенно больше. Я смотрю и не могу отвести от нее глаз. Что могло так изменить ее за эти годы? И что, собственно, в ней изменилось?

Похорошела? Нет, не то слово. Конечно, ее очень скрашивает полнота... Здоровая полнота цветущей сорокалетней женщины. Развернулись когда-то сутулые, угловатые плечи... вокруг головы венцом уложена тугая пшеничная коса... В неторопливой походке, в плавном повороте головы, в строгом и улыбчивом взгляде — зрелая женственность, и уверенность в себе, и душевный покой. И ни следа той внутренней напряженности, что не давала ей раньше просто и легко жить среди людей.

— Ну, слава тебе, добрались наконец до дому! — говорит она весело, распахивая передо мной калитку. — Я иной раз так-то вот от фермы до дому часа два иду. Иногда на ходу половину общественных дел переделаешь — и депутатских, и женсоветских, и по родительскому комитету. Девчонки мои, птичницы, вечно фыркают на меня, что я мало им внимания уделяю, ревнуют. «Вы,— говорят,— тетя Вера, прямо, ей-богу, ко всем бочкам затычка. Гоните вы их, ну что они все к вам лезут?»

Мы входим не то во двор, не то в сад — уйма зелени и цветов, а над цветами гудят пчелы: где-то поблизости, видимо, стоят ульи. От высоких молодых тополей на песчаной, золотой от солнца дорожке лежат косые, плотные тени.

Улица, на которой живет Вера, зовется Новая. Шесть лет назад на окраине деревни, на ровном, как столешница, голом куске выгона, построили для новоселов два ряда серых, стандартных домиков. А сейчас Новая выглядит как тенистая тополевая аллея. Домишки прячутся в зеленых зарослях палисадников, снаружи они оштукатурены и покрашены каждый в особый колер.

Верин домик золотисто-желтый, с небесно-голубыми резными наличниками, с просторной застекленной верандой. На задах прирублена аккуратная в два оконца пристройка и небольшой крытый навес.

— В хате у нас кухня летняя, и прачечная, и мастерская. Отец-то у нас токарь-пекарь, на все руки мастер: механик первой руки, а больше всего столярничать любит; и Славку приохотил. Они все это сами вдвоем здесь нагородили и других мужиков взбаламутили. Дома-то для нас понастроили голые, скучные. Вот мужики наши и давай самостоятельно достраиваться. А я, известно, намесила глины, обмазала свои хоромы, побелила с охрой, вот бабы-то соседки и всполошились и забегали.

Женсовета тогда у нас еще не было. Собрала я баб со своей Новой улицы. «Давайте,— говорю,— бабы, сообща подряд все дома обмажем и покрасим, кому в какой цвет поглянется. А то у Анны вон ребят полон двор, Надежда руку обварила, Нина Павловна день-деньской в школе занята. Когда же они в одиночку-то управятся?»

Соберемся вечером, артелью-то быстро, весело поддается. Ребятишки с других улиц набегут помогать. Мужиков заставили палисадники городить, тоже артелью. Как пять домов сделаем, так в складчину обмывать. С тех пор и повелось: вся Новая соревнуется, чья хата наряднее, у кого в палисаде цветы краше.

В доме у Веры чисто, свежо, просторно. Вещи только самые необходимые для житья, и из них половина явно самодельного происхождения. Но все очень удобное, легкое, своеобразно изящное. На окнах, погородскому, тканевые, яркой расцветки шторы; в углу хороший приемник, на нем вынутый из футляра баян.

Мы сидим на веранде на широкой, тоже самодельной, но очень удобной тахте.

Из огорода прибежала Виктория, худощавая, смуглая, быстроглазая. Вихрем промчалась по двору, пробарабанила пятками по ступенькам крыльца, с каким-то гортанным, птичьим вскриком ворвалась на веранду и вдруг, увидев, что мать не одна, мгновенно превратилась в скромную, очень благовоспитанную девочку. Чинно поздоровавшись, присела на краешек тахты рядом с матерью.

Через мгновение вспорхнула, тут же вновь появилась, вывалила на тахту груду зеленых стручков гороха, снова исчезла и через несколько минут поставила мне на колени чашку ранней малины.

Вера отдыхала, а Виктория носилась вприпрыжку из летней кухни в погреб, из погреба в дом, но передо мной по веранде ходила степенно, не спеша. Постреливая в меня быстрым, любопытным глазом, умело и проворно, но без суетливости собирала на стол.

— Поди, доню, покричи мужиков завтракать. Рыбалить собирались, а солнышко-то вон уже где! — Вера проводила Викешу взглядом и, усмехаясь, покачала головой:— Ох, и артистка растет! Она у нас меньшая, вторая, после Славки. Ждали еще одного хлопца, Виктора, а получилась Виктория. Большак-то наш, Славка, в восьмой перешел, хоть и не отличник, а хорошо учится, ровно и с охотой, и характером в отца — спокойный. Ну, а Виктория иной раз такой фортель выкинет — руками разведешь. А вообще-то жаловаться нельзя, стоящие получились ребята, удачные.

«Мужики» пришли к завтраку прибранные, в одинаковых светлых рубашках; видимо, Викешка успела им доложить, что мать привела городскую гостью.

Матвей Егорович поразил меня своей моложавостью. Я знала, что он значительно старше Веры, а выглядел он лет на сорок пять самое большее. Удивительная у него была улыбка: или он стеснялся своих искусственных передних зубов, или считал смешливость неприличной для пожилого мужчины, но улыбка на его лице пробивалась не сразу. Первыми начинали смеяться глаза, потом дрогнут и тут же еще плотнее сожмутся губы, дрогнут и прихмурятся брови, но от глаз уже бегут десятки живых смешливых морщинок, и вот, наконец, все лицо заполняет улыбка — широкая, открытая и очень заразительная.

Большак Славка — создание на редкость симпатичное: лохматое и длинноногое. Пристальный, изучающий взгляд синих отцовских глаз, строгие брови, смуглый румянец во всю щеку. В первые минуты до немоты застенчивый, через час он, зайдя сбоку, говорит мне с трудом, по-отцовски сдерживая доброжелательную улыбку:

— А мы вашу книжку читали; мама ее в городе купила, сразу пять штук.

— Ну и как? Понравилась тебе? — самонадеянно спросила я.

— Не все! — быстро и твердо ответил Славка, мгновенно побагровел и сконфуженно нахмурился.

— У-у, бессовестный! — рассмеялась Вера, явно очень довольная сыном.— Подождите, он, как ознакомится, полную рецензию вам выложит. У нас по вашей книжке семейная читательская конференция получилась, дело чуть до драки не дошло.

Завтракали на веранде. Свежую камчатую скатерть Викеша со стола не снимала. Судя по тому, как семейство Третьяковых держалось за столом, скатерть лежала не для парада, не на случай гостей, и бумажные салфетки в пластмассовом стаканчике стояли на столе тоже не напоказ. Главной хозяйкой за столом была Виктория. Всех интересовало, с какой начинкой намечается на вечер пирог, выражались всяческие предположения, пожелания и рекомендации. Виктория загадочно молчала, только изредка высокомерно усмехалась, потом заявила, что кое-кто вообще может на пирог не рассчитывать, потому что пирог готовится специально для гостей.

— А ты, дочка, может, неудаку испечешь? — вкрадчиво спросил Матвей Егорович.

Славка захлебнулся чаем, звонко расхохоталась Вера, не удержавшись, засмеялась и Викеша.

— Это у нас плотник Гаркуша по соседству живет,— смеясь глазами, серьезно стал объяснять мне Матвей Егорович.— Люди говорят, раньше он в дьяконах служил, голосище у него страшный, ребятишек полон двор, а хозяйка у него стряпать не охотница — печет по большим праздникам для гостей. Ребятишкам и самому стряпня только и перепадает, если у матери тесто не удастся, или в печи пригорит, или не пропечется. Вот выходит тогда Гаркуша на крыльцо и, словно дьякон с амвона, как рявкнет: «Ребятишки! Кричите «ура», мать не-у-да-ку испекла-а-а!»

После завтрака ребята поставили для меня в тени под тополем Славкину раскладушку, а для матери рядом в траве раскинули одеяло, набросали подушек.

Мы сидели с Верой на одеяле и смотрели, как Матвей Егорович выводит из-под навеса мотоцикл, как ходит вокруг, оглаживает, словно добрый казак любимого боевого коня. Славка на верстаке под навесом укладывал в рюкзак харчи и рыболовную снасть. Викеша крутилась тут же. Подняла с полу какой-то брусочек, понесла его в угол, грустно напевая тоненьким голоском:

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Ловко извернувшись, Славка вдруг звучно хлопнул ее по затылку. Викеша клюнула носом в верстак, отскочила в кусты и через несколько минут вышла как ни в чем не бывало откуда-то из-за угла веранды. Независимо, помахивая прутиком, пошла к калитке.

Я была уверена, что Вера ничего не заметила, но, осторожно покосившись, увидела, что она тихонько смеется.

— Ничего,— подмигнув, шепнула она мне,— Славка зря не стукнет. Если не забыла, значит, сама виновата... А «Ромео и Джульетту» они в городе в театре смотрели...

Виктория молча прошла двором, но, дойдя до калитки, не выдержала, оглянулась и ехидно запищала:

«Ромео! Ромео! Бе-е-е!» — высунула язык и как-то боком умчалась в переулок.

Проводив «мужиков», Вера прикрыла калитку и, опустившись на одеяло, прислонилась плечом к моей раскладушке.

— Влюбился хлопчик в хорошую дивчину. Ой, и кохана дивчина, ой, и гарнесенька! Да одна беда: дивчине той семнадцатый годок, а хлопчику и пятнадцать еще не наступило. Дивчинка не только за кавалера, а и за человека-то его еще не считает. А Викуська, глупое дитя, и ревнует и в то же время за брата в кровной обиде. Как же? Какая-то паршивая девчонка, пусть и большая, и вдруг на нашего Славика ноль внимания.

Любит Виктория братку без ума... Вообще все они у меня друг другу очень преданные.

Я смотрела в блекло-синее степное небо, и мне казалось, что я плыву, чуть покачиваясь, в лодке-раскладушке под зеленым парусом тополевой листвы.

Вера немного помолчала, потом тихонько тронула меня за руку.

— Не спите вы? Погодите трошки. Я же еще перед вами не извинилась, что тогда уехала из Затона, не сказавшись. Вы думаете, почему я оттуда сбежала? Я ж влюбилась, как дура, в женатого, в семейного. В красивого. В кого — я вам не скажу, чтобы вы не удивлялись. Мне теперь и самой дико, как можно было из-за такого чуть жизни не лишиться? Начиталась, полудурок несчастный, романов про любовь и вообразила на свою голову разные страсти-мордасти...

Бабник он был страшенный, а я на него лишний раз взглянуть боялась, чтоб себя не выдать. Два года я об нем сохла. В ту осень пришли мы в Затон на зимовку,

я его с весны не видела, вроде бы отвыкать начала. Иду по слесарному цеху, а он из-за верстака вывернулся навстречу мне. Я и обмерла. Стою, руки к груди прижала, гляжу на него, он и догадался. Дико так на меня посмотрел, оглядывается кругом, как вор, а сам шипит сквозь зубы: «Ты что, Верка, сдурела? Иди ты...» — И боком-боком в сторону от меня, за верстак.

Зашла я в магазин, взяла пол-литра водки, пришла домой и в одиночку первый раз в жизни напилась до потери сознания. Утром проснулась, тошно мне, страшно, и опять тянет выпить. Ну, думаю, Верка, пришла твоя погибель. Два у тебя пути: или сейчас же в петлю головой, или бежать куда глаза глядят.

Вот я и побежала. За два дня все порешила — выезжать надо было срочно. К тому леспромхозу путь только рекой, а дело в начале октября было, последний пароход на низ шел, завербованные все должны были на нем плыть.

В последний вечер отнесла я одной знакомой аспарагус — цветок свой любимый, иду обратно, свернула на Лесную, чтобы клуб миновать: мне тогда на людей даже глядеть вроде стыдно было. Подхожу к Третьяковым. Вы дом капитана Третьякова Егора Игнатьевича помните? Железом крытый, парадное крыльцо на улицу. Слышу в избе шум — не то гуляют, не то драка. Распахнулась дверь, Егор Игнатьевич выволок на крыльцо Матвея, одной рукой за грудки держит, а другой размахнулся и кулаком по лицу. Матвей упал, он его пинком сшиб по ступенькам на землю. И все молчком. и Матвей тоже ни разу не застонал. Повернулся отец и ушел. Кто-то в дверь шапчонку и рюкзак старенький выбросил.

Я прижалась к стене, стою, ноги от земли отодрать не могу. А он лежит. Слякоть, грязь, холод, а он лежит перед ихним крыльцом, перед закрытой дверью. Долго лежал, потом сел и сплюнул в ладонь: три зуба передних ему отец выбил. Вот он выплюнул их на ладонь и смотрит. Потом поднялся, рюкзак взял, дошел до угла, опять вернулся, положил обратно рюкзак на ступеньку и пошел переулком к реке; зубы выбитые в кулаке зажаты. Ну что мне тогда оставалось делать? Догнала я его, остановила, шапку на него натянула, взяла за рукав и повела, а куда веду, сама не знаю. Милиции в поселке не было, в больницу его все равно не взяли бы, в родной дом дорога заказана.

А родной его дом стоит перед нами, большой, теплый, на каменном фундаменте, под железной крышей... Окошки светятся, очень, видать, там за ними тепло и спокойно. Подняла я с крыльца рюкзак, плюнула на ступеньку, и мы пошли... Привела я его в пустую свою комнатушку, у меня все уже было в дорогу упаковано, зажгла свет — матерь божия! Весь-то он в крови, в грязи, мокрый, трясется, глаза белые, беспамятные. Распаковала я аптечку свою, всыпала в стакан три сонных порошка, дала ему выпить. Обмыла, обтерла, насколько возможно, стащила с него все мокрое, постелила ему на полу. Потом растопила плиту пожарче, сушу его одежонку мокрую. Ладно, думаю, свезу его завтра в город попутно, сдам в больницу. Должны принять: хоть и алкоголик, а все же не в себе человек.

Стала документы его искать, а документы в кармашке в рюкзаке, целая пачка в грязной тряпке завернута: и паспорт, и военный билет, и трудовая книжка — все как положено. А кроме того, три орденских книжки на имя фронтовика, лейтенанта Третьякова Матвея Егоровича, а орденов нету, я весь рюкзак перерыла, в карманах посмотрела — нету.

Утром растолкала его, кое-как подняла, смотреть на него совсем страшно стало. Весь опух, почернел, по разбитому лицу щетина какая-то серая проросла. Что скажу ему, он понимает, слушается, а сам ничего не соображает, сидит смотрит в угол, не мигая, словно прислушивается к чему-то.

Ну, приехали мы на катере в город, мне говорят: пароход ваш через час отходит. Я и заметалась: то ли на пароход бежать,

то ли Матвея в больницу везти? А он вдруг спрашивает: «Куда ты меня?»

Взглянула я на него, и так мне стало страшно. Господи, думаю, не жилец он на свете. Сдам я его в больницу, он там себя враз порешит. Не больница ему нужна, а мать... Только мать ему тогда нужна была, а мать у него, я слышала, незадолго перед тем померла. «Берите,— говорю,— свой рюкзак, поедете со мной в леспромхоз работать». Взяла чемодан и узел с постелью, иду к пристани, не оглядываюсь. Может, думаю, он и не захочет ехать, может, он уже свернул за угол и не пойдет за мной? Глянула через плечо — бредет, торопится, боится, видать, отстать от меня, словно собака бездомная, приблудная...

Пять дней мы пароходом на низ шли. И всю дорогу он лежал; сильно он истощенный был, то ли от водки, а может быть, от побоев. Лежит, молчит и все нет-нет пальцами губу потрогает, где дыра на месте выбитых зубов прощупывается. Дашь ему поесть — ест, не дашь — не просит. Молчит и курит страшно; махорки у меня с собой большой запас был. Я ведь тогда тоже курить приучилась, помните, как вы меня ругали? Сижу я около него, как пес цепной, и отойти боюсь. Компания на пароходе подобралась оторви да брось; подъемные получили хорошие, водкой в городе запаслись, пьют беспросыпно. Ну, а пьяный человек — он ведь добрый, угощать всех хочет. Я уговариваю, прошу, вру бог знает что. «Брат это,— говорю,— мой сродный; контуженый он, припадки его бьют, видите, как весь побился; от вина,— говорю,— он может совсем ума лишиться».

Ну люди и верят, хоть пьяные, а понимают, пожалеют и отойдут.

В леспромхозе пошла я в кадры. Документы у меня хорошие, оставляют меня в центральных мастерских, бригаду предложили, комнату отдельную в бараке дают. И поселок очень мне нравился: на берегу, кругом лес, а в поселке улицы прямые, тротуары везде, кино звуковое, а главное — библиотека хорошая, и библиотекарша даже немножко на вас похожа. Очень мне хотелось там остановиться, но как гляну на Матвея, сразу все планы мои насмарку. Пропадет он здесь. Начнет помаленьку в себя приходить — сразу у него здесь «дружки» найдутся, все снова начнется. Пошла я к парторгу и рассказала ему всю правду про Матвея. Человек попал добрый; подумали они, посоветовались и отправили нас зимовать на новый участок, его так и называли — «Дальний».

Дорога к нему была только летняя — рекой. От Центрального больше восьмидесяти километров. До ближнего участка — до Половинки — километров тридцать бездорожья, таежной глухоманью. Летом срубили на Дальнем избу, баню, сарай; на зиму там оставался один старший лесоруб — Стойлов Иван Назарович. Вот меня к нему в помощь и послали. Должны мы были заготовить лес на постройку поселка, ну и план заготовок тоже дали подходящий. Матвей неоформленный был, но продуктов и на него выделили, посулили зачислить, если сможет работать. Это уж как Иван Назарович скажет. Вот так-то и сплыли мы последним катером, забереги-то по ночам уже льдом схватывало. Везли мы продукты на всю зиму, оборудование кое-какое.

Перед отъездом попросила я одного славного парня — он Матвея в баню сводил и в парикмахерскую. Деньги у меня были, купила я ему одежу теплую, сапоги, валенки, брюки простые с гимнастеркой, белье. Стал он немножко на человека походить, но вел себя все так же: лежит, молчит, курит. Таким и привезла я его на Дальний к Ивану Назаровичу.

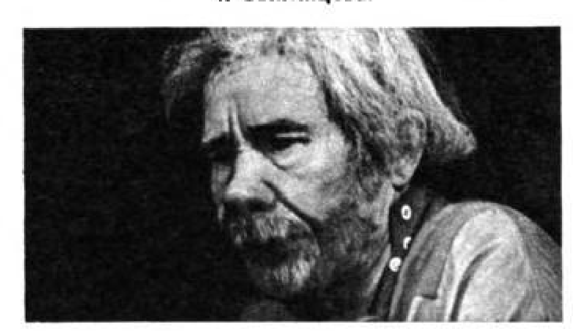
Продолжение следует.

Анисья — К. Ефремова и Матрена — Г. Загурская в спектакле «Власть тьмы».

«Полк идет». Артисты М. Мансуров (справа) и П. Дроздов в ролях воинов Стрельцова и Звягинцева.

Акима играет Е. Яворский.

Фото И. Галанюка.

ТЕАТР и МУЖЕСТВО...

Н. ТОЛЧЕНОВА

На сцене МХАТа гастролировали гости Москвы из Ташкента — Русский драматический театр имени М. Горького.

Актеры отважного города никак не могли пожаловаться на равнодушие либо негостеприимство столицы. Невзирая на отчаянную жару и духоту нынешнего лета, ни одно место в зрительном зале не пустовало, часто звучали аплодисменты, артистам вручали цветы...

Чего же тут было больше — благодарности за хорошие спектакли или уважения к высокому нравственному подвигу людей, сильных духом?.. Да, пожалуй, одно не отделишь от другого. Публика искренне восхищалась, видя, как мужественные люди играют мужественных людей.

Ощущением такого подлинного мужества проникнут прежде всего шолоховский спектакль «Полк идет».

Дав сценическое рождение роману М. Шолохова «Они сражались за родину» в инсценировке П. Демина, так называемая «театральная периферия» уже в который раз опередила столичные театры. Но это — к слову...

В спектакле, осуществленном главным режиссером театра М. Спиваком, захватывают не столько различные постановочные эффекты — всевозможные проходы на поворотном круге (их, быть может, многовато, да и сказывалась непривычка коллектива к «не своей», необжитой сцене),— сколько покоряют характеры главных героев. Характеры живые, крупные и разные. Единственная очень важная общая их черта — то, что все они безусловно русские. И безоговорочно советские.

За их ростом, раскрытием, становлением следишь не отрываясь. И запоминаешь их, несмотря на обилие других окружающих лиц, на многочисленность массовок, где полностью участвует студия, созданная театром в прошлом году,— совсем еще молоденькие юноши и девушки в военных пилотках и гимнастерках. Несколько напряженная манера держаться, испуганные глаза и взволнованные лица как-то вдруг очень удачно — для этого именно спектакля,— естественно и органично контрастируют с твердым, волевым обликом Николая Стрельцова — его играет М. Мансуров,— Ивана Звягинцева в исполнении П. Дроздова и Петра Лопахина — В. Русинова.

Эти трое солдат, а потом еще и четвертый, Некрасов, чудесно сыгранный Ф. Котельниковым, показывают извечное чудо жизни, ее главную красоту: зарождение глубокой человеческой привязанности, дружбы. На наших глазах люди постепенно обретают то взаимное доверие, которое поднимает их в собственных глазах, а главное, помогает им оставаться людьми и поддерживать друг друга в жестоком аду отступления. Ну, а если человек и на войне человек, то в таком случае он может найти в себе силы противостоять врагу, говорит М. Шолохов своим романом. Русский ташкентский театр, идя в глубь шолоховской темы, представившей на поверку столь же сложной психологически, сколь кажется она по первому взгляду освоенной и простой, рисует образы, дышащие неподдельной искренностью и правдой.

Соколиные брови и глаза, молодецкие ухватки, любовь к острому словцу — вся эта выигрышная внешность бронебойщика Лопахина не помешала актеру В. Русинову наделить своего героя еще и внутренней жизнью, отзывчивым и горячим сердцем. Ладно скроенный, подбористый, Лопахин-Русинов прячет за шуткой лютую злость на немца, а на своего напарника-мальчишку Копытовского — его играет очень способный молодой актер Владимир Портнов—рявкает устрашающе, но вовсе не злобно. Пусть, мол, к моей строгости привыкает!.. Круглолицый автоматчик Николай Стрельцов печален, замкнут и мягок. Но в нем есть то суровое упорство и вера, которые рождают волю к победе. Артист М. Мансуров наделяет Стрельцова обаянием, задушевностью. Герой его кажется человеком кротким и тихим, но вместе с тем он решителен и упрям. Стрелок Иван Звягинцев П. Дроздова космат, как медведь, умен, кряжист, до поры до времени добродушен и принимает с неистощимым терпением тяготы войны, мучительное ранение...

Легко, впрочем, заметить, что характеры обнаруживают себя такими, какими сложились они еще до военных испытаний. В огне войны грани этих характеров лишь еще прочнее закаливаются; мужество солдат радует, но не удивляет... А вот мужеству Некрасова, ледащего, замученного немолодого солдатика с почерневшим лицом и унылым, тоскующим взглядом, артист Ф. Котельников заставляет буквально изумиться! Решительность, стоицизм, возникшие из неведомых глубин души, трогают до слез.

Своеобразием, незаурядностью своих героев запоминаются в эпизодических ролях Г. Загурская, Э. Дмитриева, С. Аулов и многие другие артисты; но, конечно, только по этим ролям вряд ли удалось бы нам догадаться обо всех их творческих возможностях. Чтобы получить представление о превосходной актрисе Г. Н. Загурской, работающей в Ташкенте 32 года, надо увидеть, например, ее строгую, решительную тетю Жанну в пьесе Г. Мдивани «Украли консула». Молодой В. Портнов тоже очень хорош в этом спектакле. Он отлично играет «холодного сапожника», мальчишку Пэпино, и становится живым «мостиком» от актеров к зрителям. Пэпино задуман и решен как правая рука Чино — главаря студенческого заговора, веселого, но собранного и деловитого в исполнении И. Ледогорова.

Интересную, неожиданную актерскую трактовку дает своему Консулу артист Е. Яворский. Его «герой» нисколько не притворяется, когда ругательски ругает фашистское правительство Франко. Видно, что Консул, маленький, неряшливый, хитроватый и жуликоватый человечек, действительно лишь чудом добрался до сравнительно высокой ступеньки на жизненной лестнице и теперь, глядя на студентов-медиков, может быть, даже завидует им, а что симпатизирует, так это уж точно!.. Обзавестись капиталами он не успел, и его «караты» в брильянтовом якобы кольце — чистейшее фанфаронство и похвальба...

«Полк идет» и «Украли консула» поставлены театром в Ташкенте год назад, а «Сердце на ладони» и «Власть тьмы» только что выпущены.

Спектакль «Сердце на ладони» по пьесе И. Шамякина в театре зовут шутя «аварийным»: ведь сразу же после премьеры, состоявшейся 25 апреля, начались катаклизмы природы, сделавшие город Ташкент в мирное время героем.

— Как же театр пережил эти события?

— Как все, так и мы,— отвечают актеры. Отвечают просто, безо всякой рисовки.— Сначала очень страшно было! А потом притерпелись...

— Я вообще трусиха, наверное,— признается Клавдия Григорьевна Ефремова,— потому что испугалась до смерти!.. Началось все это ночью, кругом гремит, трещит; темно, жутко... Ничего не соображая, всем телом навалилась на трехлетнюю Олечку — спросонок мелькнула мысль, что надо прикрыть ребенка,— а от чего прикрыть, еще и сама не знаю!.. Потом выбежала на улицу — тут уж чуть легче стало. Утром Олю отдала соседке, сама — в театр, где пешком, где как придется... А кругом все люди тоже шли к себе на работу — весь город! От этого в душе как-то прояснилось. Уже с утра в театр пришли актеры — все до единого пришли без звонков, без приглашений... Тут же начали репетицию очередного спектакля. Хотя выбегать из помещения приходилось много раз: подземные толчки продолжались, а здание театра ночью сильно пострадало. Позже мы его отремонтировали, но ремонт оказался ни к чему: новые толчки принесли новые разрушения...

— Все равно мы считаем, что нам повезло!— говорит немногословный Михаил Филиппович Мансуров.— Ни один актер не выбыл из строя. Да и семьи все живы, все целы. Ну, а без крова над головой не останемся...

М. Мансуров и К. Ефремова только что сыграли Никиту и Анисью в толстовской пьесе «Власть тьмы».

На этот спектакль попасть трудно; главный администратор Григорий Григорьевич Казарьянц вежливо разводит руками, отбиваясь от зрителей, чающих правдами и неправдами добыть хоть входной билет... Спектакль радует мощью страстей, сшибкой натур крутых, неуступчивых, властных. И вот уж никогда не поверишь, глядя на Анисью К. Ефремовой, что такую женщину может открыть и сыграть «трусиха». Эта Анисья — русская красавица, с гордой статью и лицом королевы, неспешно прядущая грубую овечью кудель в деревенской избе,— заставляет вспомнить о леди Макбет Мценского уезда, думать о таких же неистовых страстях, о такой же неумолимой, всепоглощающей власти невежества, духовной ограниченности.

Хотя при всем своем бесчеловечии Анисья-Ефремова отнюдь не зла! На чудовищные поступки ее толкает, как ни странно, любовь. Анисья любит исступленно, неистово. Но и самое чувство это рождено «тьмой». Оно столь же безоглядно, сколь эгоистично. Захвачен-

ная своей любовью, Анисья ни перед чем не остановится — она из тех женщин, которые испокон веков удивляют решимостью, отвагой. Смотришь, смотришь на нее и вздохнешь: этой бы женщине да другую жизнь! Недаром Анютка ластится к ней, жалеет ее...

Каждым шагом Анисьи руководит Матрена — настоящий Яго в юбке, мать Никиты... Вот где развернулся талант Г. Загурской! Матрену она показывает человеком, притерпевшимся к тьме и злу необратимо. Ее лукавство и стяжательство прикрыты мягкой, истовой манерой, сладенькой улыбочкой. И сын ее — это впрямь ее сын, ее плоть и кровь. Он и похож на мать—красивым лицом, складным крупным телом, жизнелюбием, жадностью. Похож своим умением любого обмануть и провести, не задумываясь над тем, хорошо это или плохо, как задумывается Аким, его отец.

Сыграть Акима после Игоря Ильинского трудно. Еще труднее удивить новым решением. Однако постановщик спектакля Михаил Львович Спивак и исполнитель роли Акима Евгений Григорьевич Яворский (мы уже видели его в роли Консула) не стремятся к новому ради «нового». Режиссер вообще не добивается новаций в толстовской пьесе; не его мечта — «модерновый» спектакль, говорящий о прошлом на современный лад... Несколько лет назад Спивак ставил «Власть тьмы» в русском театре Минска. Ташкентская постановка толстовской пьесы оказалась более зрелой и точной. То ли новый актерский коллектив живее воспринял режиссерский замысел, то ли, что верней, самому постановщику удалось, как он рассказывает, дальше проникнуть в суть конфликта, в скрытую жизнь образов...

На сцене оживает прошедшая эпоха, но оживает не этнографически; весь образный строй спектакля подчинен острому творческому решению — показать «тьму» как отсутствие внутреннего, нравственного закона, морального начала, которое только и придает всем поступкам человека, его облику и его мужеству смысл и благородство.

Отсюда контрасты: бесчеловечие смелой и сильной Анисьи, человека любящего и незлого... И отсюда же высокая душевная красота маленького, встопорщенного, нахохлившегося, как воробей, старикашки Акима, пытающегося сказать людям об их моральном долге, о совести своими косноязычными «тае» и «не тае»...

Аким-Яворский борется в этом спектакле за душу своего сына. Борется с Анисьей и Матреной, борется с ним самим...

Сыгранный М. Мансуровым Никита тоже не столько зол, сколько слаб,— где-то уступил, поддался... И вот финал. Безо всяких ухищрений, он звучит более чем современно. Никита уже принял решение: он покается в своих злодеяниях всенародно. А довольная, веселая, счастливая Анисья еще не знает об этом. Она идет к мужу, заливаясь смехом, радуясь и ликуя. Анисья говорит, что вот теперь наконец-то все у них идет по закону, идет так хорошо, так честно-благородно...

Вновь и вновь повторяет актриса эти страшные слова, заставляя содрогаться не только за свою Анисью. Именно здесь кульминация спектакля, образный смысл «тьмы» и власти этой «тьмы»... Страшные преступления, кровь, обман, поругание чести и совести — отныне для Анисьи все это прикрыто «законом». Значит, можно жить и любить, забыв о содеянном.

Но в Никите, который до сих пор плыл по течению жизни, одерживает верх отцовское, человеческое начало.

Нельзя не заметить в спектакле чудесную Анютку, сыгранную С. Пашинской, худенькую, крохотную девчушку с огромными глазами. Молодая актриса недавно окончила Ташкентский ГИТИС. На гастроли в Москву она приезжала с годовалым сыном, любимцем всей труппы. Как шутили актеры, он уже сейчас больше своей мамы!

Света Пашинская обрела известность в Ташкенте как способная «травести». Но ее Анютка — не просто деревенская девчонка, которой нет еще и десяти лет. У Анютки совестливое и мужественное сердечко, протестующее против неправды, неясная жажда жизни иной, лучшей.

Свет этих спектаклей ташкентцев, их мысль и рождали зрительское спасибо.

В заглавной роли — девушки с голубыми глазами—актриса Н. Энгель-Утина.

ДЕВУШКА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

Композитор Вано Ильич Мурадели обратился к оперетте, жанру для него новому.

— Мне хотелось сделать антифашистский спектакль,— рассказывает Вано Ильич.— Хотелось средствами музыкальной комедии, живо, без назидания рассказать о судьбах детей, которых война оторвала от родителей, от родины; рассказать о затаившихся убийцах, маскирующихся чужими именами, об антифашистах и о советских людях, их неустанной борьбе за мир, за счастье на земле.

В постановке Свердловского театра музыкальной комедии оперетта В. Мурадели «Девушка с голубыми глазами» (либретто В. Крахта и В. Винникова) — произведение злободневное и актуальное. При этом спектакль отнюдь не утрачивает ни жизнерадостности, ни лиричности. Многие характеры предстают на сцене, и каждый запоминается своей музыкальной темой, интонациями. Одна из героинь, модная кинозвезда Мэри Ив — ее играет Н. Энгель-Утина,— и есть девушка с голубыми глазами, вывезенная ребенком из России в Германию. В детстве ее звали просто Машей, но от этого времени у нее ничего в памяти не осталось, кроме колыбельной песни. Эта колыбельная — нежная, ласковая, чуть грустная, очень красивая — и становится основной темой образа.

Роль веселой уралочки Тани Ляпиной — ее исполняет студентка Свердловской консерватории Э. Шабельникова — построена на народных напевах. Бойкие и задорные частушки и песни, которые распевает Таня, всегда рождают ответную реакцию зала.

Г. СМЕТАНИНА

ЮБИЛЕЙ КОМПОЗИТОРА

Действие героической музыкальной комедии «Особое задание» происходит в Петрограде. События свершаются зимой 1918 года.

Об этих суровых днях создано немало книг, драматических спектаклей, кинофильмов, а вот героической музыкальной комедии еще никогда не было! Это первая попытка. Первая и, как нам кажется, удачная! Премьера спектакля состоялась в Омске. Она совпала с юбилеем композитора: Анатолию Григорьевичу Новикову в этом году исполняется 70 лет.

В спектакле заняты ведущие актеры Омского театра музыкальной комедии.

Д. УХТОМСКИЙ

«Особое задание». Гриша-моряк — артист Е. Хандан.

АФИША УРАЛЬЦЕВ

Легенды, окружающие имя великого Калидасы, драмы и поэмы которого вошли в сокровищницу мировой поэзии, приписывают ему несметное количество произведений. Лучшая из тех, что, несомненно, принадлежат ему,— драма о Шакунтале.

Поэму о любви Шакунталы — девушки из народа — к молодому царю Душианте поставил Челябинский театр оперы и балета имени Глинки. Трудно сказать, что больше пленяет в этом спектакле. Великолепна музыка Сергея Баласаняна, радостная и скорбная, то струящаяся, то звенящая. Пластичны, полны страсти и обаяния танцы.

Первым поставив этот балет, театр сумел в хореографии раскрыть очарование древнеиндийского эпоса. Лаконичные, изящные и в то же время яркие костюмы и декорации передают настроение и колорит древней Индии.

Театр имени Глинки молод, ему всего 10 лет. Большинство актеров — недавние выпускники театральных училищ Москвы, Ленинграда, Перми. Но на афише театра соседствуют Прокофьев и Равель, Верди, Чайковский и Мусоргский...

Г. КОВАЛЕНКО

Шакунтала — Галина Борейко, Душианта — Юрий Сидоров.

Фото В. Шаталова.

НОВАЯ, ДОНСКАЯ...

В Ростовском театре музыкальной комедии режиссер Л. Вилькович и художник А. Шелковников поставили новый спектакль — «Жених моей невесты», повествующий о событиях, происходящих на донской земле. Авторы Н. Петрова и Б. Привалов показывают «всамделишную», а не условную жизнь острых на язык, веселых и благородных людей тихого Дона. Музыка С. Заславского рождена казачьим песенным фольклором, наряду с ним слышатся и «городские» напевы; в любовных ариях пленяет глубокая, берущая за душу лирика, в комических номерах — живой юмор.

Новая донская оперетта полюбилась публике.

Сергей ЗВАНЦЕВ

Сцена из спектакля «Жених моей невесты».

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Анатолий ДАРЬЯЛОВ

Я люблю свой город.

Эка невидаль! А кто у нас не любит свой город? Спросите любого жителя Ярославля или Красноярска, Ростова или Горького (я уж не говорю о москвичах, ленинградцах, киевлянах), и каждый с жаром станет говорить о необыкновенном прошлом и удивительном настоящем родного города.

И все же рассказ о Калининграде я начинаю именно этими словами: «Я люблю свой город».

Совсем недавно мы целый день колесили с приезжими кинематографистами в машине по калининградским улицам. Гости прибыли с вполне определенной целью: им нужно срочно начать съемки фильма, где действие происходит в годы войны на фоне разрушенных артиллерийским обстрелом и бомбежкой домов.

— Ну, где, где развалины? Ведь они же были! — удивлялся режиссер.

Да, были. Здесь рождались десятки фильмов — от «Встречи на Эльбе», до «Судьбы человека» и «Отца солдата». Ведь никакие декорации не могли бы воссоздать страшной картины разрушенного — а попросту говоря, стертого войной с лица земли — города.

Развалины, столько лет олицетворявшие Калининград, исчезли. Возник новый, утонувший в зелени город. И лишь руины замка прусских королей, оставленные в назидание наследникам идей бесноватого фюрера, мрачно чернеют в центре цветущего, улыбающегося города.

Новая история Калининграда началась в тот апрельский день последнего года войны, когда почерневший от дыма русский солдат забрался с красным флагом в руках на самую вершину неприступного форта «Дер Дона». А флаг означал: крепость Кенигсберг сокрушена. Но какой ценой!

В нашей области на площадях городов и вдоль проселочных дорог, на крутом берегу Балтийского моря и просто в поле, среди колосящейся пшеницы, высятся монументы. Триста с лишним памятников над братскими могилами. Это много, очень много для небольшой области. А сколько солдатских могил не отмечено гранитом, стерто временем!

Прочитайте таблички на стенах калининградских домов: «Аллея смелых», «Площадь павших героев», «Гвардейский проспект», «Площадь Победы». Так начиналась биография города. Там, где я работаю, проходит улица лейтенанта Катина. Здесь герой принял свой последний бой... А живу я на улице космонавта Леонова, на улице, по которой столько раз бегал калининградский школьник Леша Леонов. Катин и Леонов — два калининградца, и в их именах судьба моего города...

Многое, очень многое связано в Калининграде с морем.

Идут из рыбного порта бородатые парни. Нет, это не ультрасовременные пижоны: просто кожа на лице не так трескается от ветра, да и бриться в море недосуг. Вот доберутся до дома — тогда другое дело.

«Откуда пришел, от Фарер?», «Нет, ловили рыбу на банке Джорджес», «А мы в Африке, у Дакара», «Что слышно о Сергее?», «Он сейчас в Антарктиде»,— такой разговор нередко можно услышать на улицах нашего города. И названия Сингапур, Гибралтар произносятся здесь таким же обыденным тоном, каким москвичи говорят о Люберцах или Малаховке.

Почти двадцать лет назад пришел в Калининград на одно из первых рыболовных суденышек матрос Иван Алексеев. Тянул на Балтике сети с первыми килограммами рыбы.

И вот мы идем вдоль пирса рыбного порта с капитаном дальнего плавания Героем Социалистического Труда Иваном Ивановичем Алексеевым. Завтра он уводит к берегам Африки на долгие восемь месяцев свой большой морозильный траулер, целый завод. Не случайно руководитель этого комбината носит звание капитан-директора...

Знаете ли вы, что означают три буквы — СРТ? Средний рыболовный траулер. Сейчас они уже не сходят со стапелей заводов. Но их еще много в порту, они вовсю трудятся на промысле, «черпают рыбку». Их и по именам-то редко зовут, все больше по номеру. Мужественные это суденышки. Заржавленные, с помятыми бортами, насквозь прокопченные, пропахшие рыбой приходят они в порт. Приходят после четырехмесячного плавания. На Балтике говорят: если ты на СРТ не плавал — значит, не моряк. А вот старший мастер добычи Виктор Михайлович Астраханцев ходит на таких суденышках уже четверть века.

Сегодня его СРТ покидает порт. Сотни раз уходил в море рыбак, пора бы привыкнуть. А тоска нет-нет да и подступит к горлу. И огрубевшие руки и сердце, что стало сдавать последнее время, знают цену двадцатипятилетнему рыбацкому труду, труду, отмеченному орденом Ленина.

Над портовыми сооружениями возвышаются гигантские плавучие базы, стоят белоснежные красавцы траулеры, юркие китобойцы с зачехленными пушками на носу. Более чем у шестисот рыбацких судов всех типов стоит на корме порт приписки — Калининград.

Море властно напоминает о себе даже на центральной площади города. Справа здание технического рыбного института. Несколько лет назад он сменил московскую прописку на калининградскую. Перебрался подальше от Чистых прудов, поближе к Атлантическому океану. Рядом — межрейсовый дом отдыха моряков, прямо — здание одной из экспедиционных рыболовных баз, чуть в глубине — отделение Института океанологии Академии наук СССР, и, наконец, слева — красное здание, приютившее главный штаб всей калининградской рыбной промышленности — производственное управление.

Отсюда, из Калининграда, флотилии рыболовных судов направляются за тысячи миль в места, именуемые районами промысла. А как находили эти самые районы?

Александр Николаевич Пробатов на первый взгляд кажется типичным домоседом. Пожилой, полный, седой, в движениях неторопливый. И должность у него солидная, спокойная — заведующий кафедрой ихтиологии рыбвтуза. Но мне Александр Николаевич Пробатов запомнился совсем другим. В расстегнутой рубашке, в брюках, засученных до колен, с диковинной, только что вытащенной из трала рыбой в руках — таким я увидел его на киноленте, привезенной восемь лет назад с берегов Африки. Трудно было тогда угадать в нем профессора, доктора биологических наук.

В пятьдесят восьмом году мало кто верил в африканский промысел. Стоит ли тащиться в этакую даль? Да и есть ли еще там рыба! И тогда на первенце крупного рыболовного флота, большом морозильном траулере «Казань» к берегам Африки ушел со своими помощниками профессор Пробатов. Вернувшись спустя три месяца, сказал: рыба есть, ловить стоит. И теперь к западным берегам Африки круглый год посылают свои суда многие рыбные бассейны страны.

Сегодня профессор читает лекции. А его ученики, ихтиологи, бороздят моря и океаны, заглядывают в толщу вод. И на морских картах появляются новые кружки, эллипсы: наносятся новые районы промысла.

Но разве мой город славен только тем, что это самый западный порт страны?

В старом иллюстрированном журнале я видел вечернюю панораму довоенного города. Остроконечные шпили кирх, зубцы средневековых фортов и крепостей четко вырисовывались на фоне предзакатного неба.

Теперь, подъезжая к Калининграду, я вижу десятки заводских труб и кварталы домов — высоких, светлых. Новые люди на новой мирной земле построили новый город, наполнив его новой жизнью. Старое гнездо прусской военщины уничтожено навсегда.

Но очень бережно хранится все, что связано с именами людей, которыми гордится народ Германии и все прогрессивное человечество. Одна из красивейших улиц города носит имя Эрнста Тельмана. У памятника Шиллеру девушки назначают свидание, и молодежь и пожилые любят бродить по тихим улицам Вагнера и Канта. У мавзолея великого немецкого философа Иммануила Канта всегда много посетителей, к надгробию ложатся живые цветы...

Калининград — удивительно молодой город. И не только потому, что он вырос за последние двадцать лет. Придите в цех любого завода, и вы сразу окажетесь среди парней и девушек, для многих из которых Калининград стал родиной. Вот, например, Галя Семейкина, монтажница завода «Газприборавтоматика». Для нее жизнь только началась: еще предстоит закончить одиннадцатый класс вечерней школы. Но в трудовую биографию комсомолки уже занесено первое почетное звание — ударник коммунистического труда.

Приведу несколько фраз, сказанных людьми, совсем не похожими друг на друга.

Строки из школьного сочинения пятиклассника Валеры Кубицына: «Я люблю свой город потому, что он очень красивый и очень зеленый. И море люблю, в нем хорошо купаться. А еще люблю Калининград потому, что родился в нем».

А вот слова, которые сказал человек, потерявший руку в последний день штурма Кенигсберга и решивший, выйдя из госпиталя, навсегда остаться здесь.

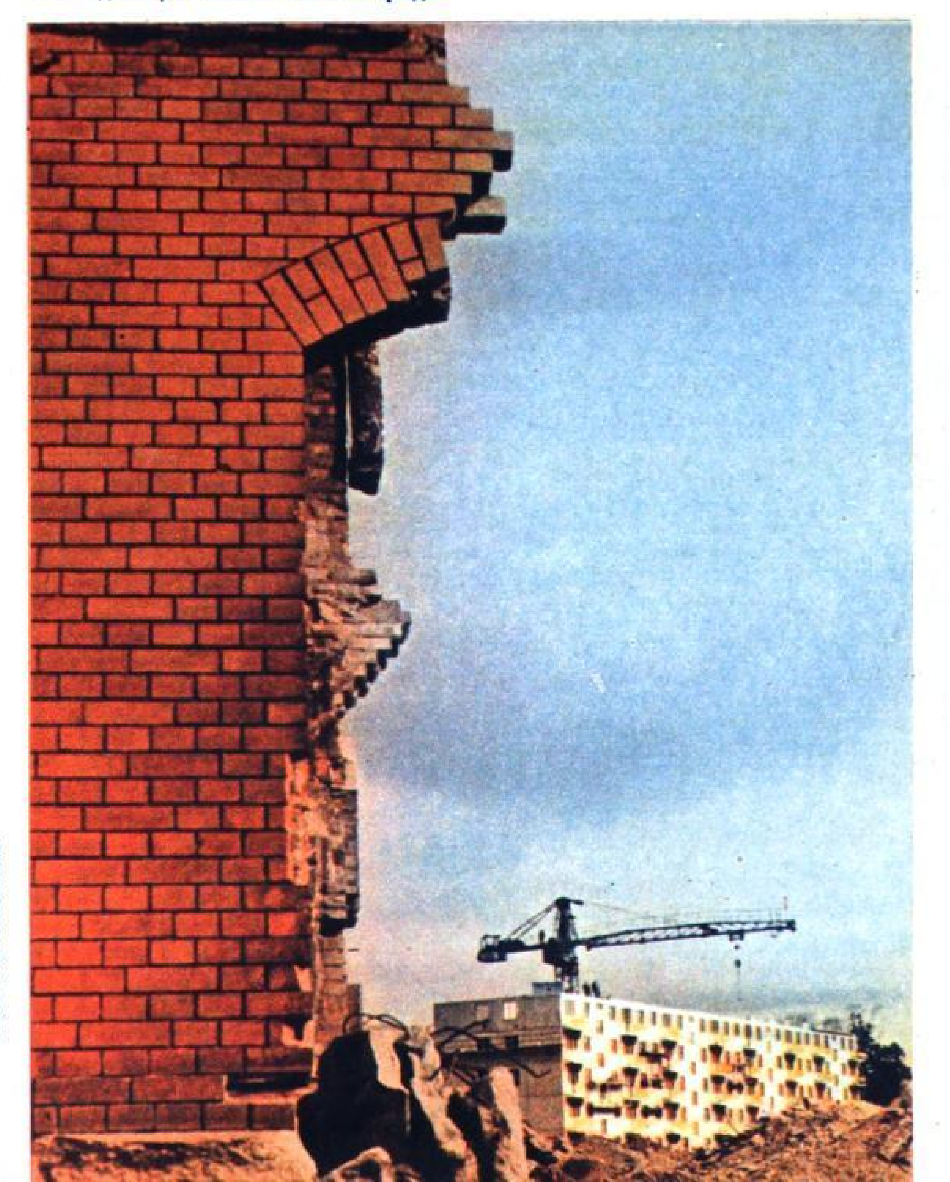
— Чем мне дорог Калининград? Друзья мои в этой земле остались. Чтоб мирной была, чтоб со страхом люди на нее не смотрели. Это раз. Все, что вокруг, нашими руками сделано. Не предки построили, а мы сами, всего одно поколение. Это два. Одной рукой много не наворочаешь, но и мое тут есть — в улицах, домах, заводах. И дети наши на калининградской земле родились — это три.

...Затихает шум вечернего города, центра области, недавно награжденной орденом Ленина. Лишь из морского порта доносятся гудки пароходов.

Прислушиваюсь к вечерним звонкам, всматриваюсь в очертания домов, бреду по залитым огнями улицам. И снова повторяю: «Я люблю тебя, мой город».

Монтажница Галина Семейкина.

Последние развалины Калининграда.

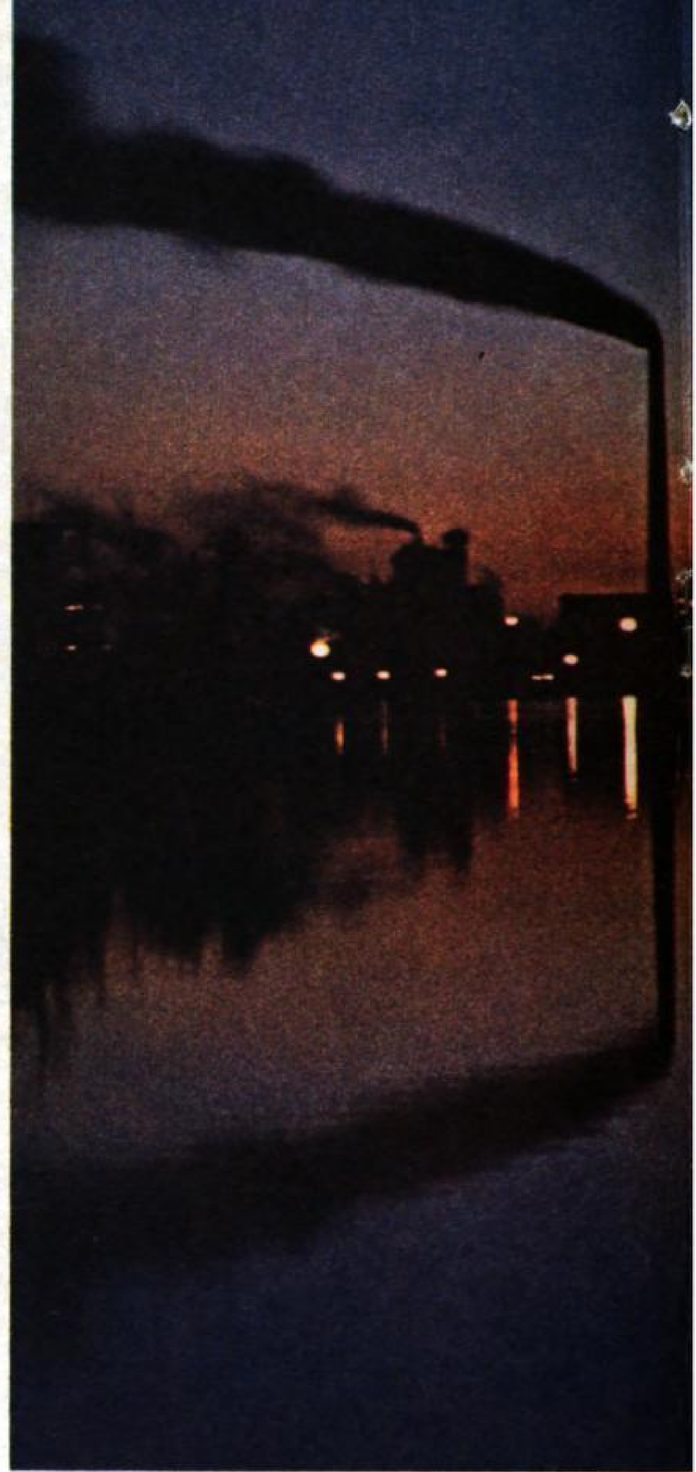

В Парке культуры и отдыха. Качает посильнее, чем на море!

Фото М. САВИНА.

Старший мастер добычи Виктор Михайлович Астраханцев «черпает рыбку» уже четверть века.

Вечер в рыбном порту.

Юные калининградцы. Для них жизнь только начинается: этим летом они окончили школу.

Ленинский проспект.

Питомцы школы-интерната № 10 у пионерского костра.

Иван БАУКОВ

Места родные

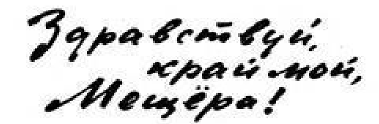
И каждый раз,
Когда к Рязани
Я подъезжаю, сердце бьется,
Как будто бы сдавать экзамен
Мне здесь, в родном краю, придется
Друзьям-товарищам, всем близким,
С которыми я жажду встречи,
Которым кланяюсь я низко
За слово нашей русской речи.

Познал его я не за партой —
На пашне, и на сенокосе,
И в кузнице,
Когда с азартом
В три молота ковали оси.

Слова ядреные срывались,
Каких и не найдешь у Даля.
Там первые стихи слагались,
Хоть их в печати не видали.

Стихам не главное, быть может,
Чтоб их печатали повсюду.
Поэта мысль одна тревожит:
«Нужны ли строчки будут людям —
Друзьям-товарищам, всем близким,
С которыми я жажду встречи,
Которым кланяюсь я низко
За слово нашей русской речи?»

Здравствуй, край мой Мещёра
С журавлиными зорями!
Медный колокол бора
Гудит над лесными озерами.

Пахнет в воздухе брагой
И медом весенних травинок.
Косачи за оврагом
Устроили свой поединок.

Кулики по соседству
Пируют в кустах голубики.
Я люблю тебя с детства,
Край, недавно совсем еще дикий.

Здесь охота на диво!
Березы и ели на диво!
И Ока в час разлива,
Словно Черное море, бурлива.

Я гляжу жадным взором
На край с журавлиными зорями.
Медный колокол бора
Гудит над лесными озерами.

Встреча с односельчанами

Односельчане встретили с почетом,
Мой брат, конечно ж, их предупредил.
День на исходе.
Все пришли с работы.
— Кто он?—
В толпе промолвил кто-то.
— Сын кузнеца, что до войны здесь жил.

Мальчишки, прибежавшие из дома,
На «Волгу» главным образом глядят.
А я ищу друзей своих, знакомых:
Не видел их я двадцать лет подряд.

Но сколько ни гляжу я,
Что за диво —
Где вы, что в рощу бегали со мной?!
Война односельчан не пощадила;
Их больше тридцати на фронте было,
И только двое вот пришли домой.

Но в юношах, которые подходят,
Я узнаю знакомые черты:
Так на друзей моих они походят,
Что одному я крикнул:
— Петя, ты?!
Нет, это сын его,
А сам он где-то
В Румынии сражался, как герой...
Умолкли все.
Плывет начало лета
Медвяным соком липы вековой.
И говорить о прошлом неохота.
Мы говорим о том,
Что наконец
И о селе проявлена забота,
Что мой отец хороший был кузнец.

Отца уж нет
Давным-давно на свете.
Он так любил
В селе встречать рассвет!
Гляжу вокруг:
Лишь старики да дети.
От ста дворов — и половины нет.

Кого винить?
Я сам бежал отсюда,
Из этого родимого села.
Потом оно мне снилось, словно чудо,
Былинка каждая к себе домой звалá.

И юноши уедут, верно, в город,
Расставшись с домом и селом легко.
И лишь потом поймут свою Мещёру,
Поймут,
Что край один лишь сердцу дорог,
Где ты ребенком бегал босиком.

Преданья моего детства

В моем селе
На целый век
Преданий хватит для потомков.
«Здесь вырос крест...
Там человек
Выходит по ночам с котомкой.

А в том бору — всегда печаль,
Хотите верьте иль не верьте,
Там дуб стоит,
В нем по ночам
С огнем в дупле играют черти...»

Так в праздник,
От отца тайком,
Шептались бабы у кровати.
А я,
От страха сжавшись в ком,
Лежал и слушал на полатях.

И если позже в тех местах
Над головою сыч засвищет,
Я, вспоминая прежний страх,
Летел, зажмурившись, к жилищу.
...Теперь,
В ночи услышав крик,
Я знаю, филин зайца душит.
Я знаю, здесь зарыт лесник,
А этот дуб грозой разрушен.
И больно мне, что я средь тьмы
Не обращусь, как прежде, в бегство.
Не потому ль так любим мы
Таинственные годы детства!

ПОЭЗИЯ ДОБРАЯ И ГНЕВНАЯ

В нынешнем году вся мировая общественность отмечает столетие со дня рождения классика румынской поэзии Джордже (Джеорджe) Кошбука.

Кошбука называли поэтом крестьянства. Это и так и не так. Широко введя в поэзию естественную разговорную речь, поэт не перепевает фольклор, а воссоздает его на очень высоком поэтическом уровне, во всеоружии мастерства и культуры. Тем самым он поднимает поэзию крестьянства до общенародного звучания.

Кошбук — тонкий живописец слова. Его поэзия, воспевающая румынскую землю, напоминает ликующий поток красок: «в синеве — круг солнца алый», «луга на заре, как янтарь», «желтых солнечных потоков по холму стекает мед»... Природа у него одушевлена, пантеистична: небосклон облачен в рубаху, ветер — резвый мальчик, шалун; «вихрь, как бык взбешенный, ревет и рвется с цепи», река то блещет слезой, то, «рыдая, у брега томится», «месяц раздумьями объят»...

Но Кошбук воспевает свою землю не просто как поэт, упоенный ее красотами, а как глашатай народа — его героического прошлого, его обрядов и обычаев, чувств и переживаний, труда и борьбы. Первым в румынской поэзии, как некогда русский живописец Венецианов, Джордже Кошбук открыл богатство души, благородство чувств и моральную чистоту крестьянина.

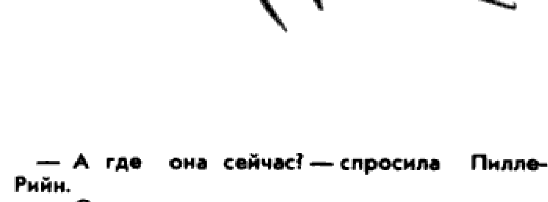
Кошбук — отнюдь не слащавый поэт, рисующий идиллические картинки из крестьянского быта. Стихи его дышат гневом, когда поэт говорит о бесправной жизни крестьян, их непосильном труде и жестокой эксплуатации («Ни печи, ни скамьи», «Трехцветный флаг»). Во многих из них открыто звучит осуждение общественного неравенства, социальный протест против угнетателей («Дойна», «Мы хотим земли», «Против угнетателей»), ненависть к чужеземному гнету.

Стихи Кошбука будили сознание народных масс, звали на борьбу против социальной несправедливости, против угнетателей и даже против самого короля (антимонархическое стихотворение «Подлец он?! Вешайте скорей!», направленное против первого короля Румынии Карола I, приехавшего из Германии). Таково одно из его лучших стихотворений — «Мы хотим земли», в котором звучит грозный хор угнетенных: «Что, если станет невтерпеж ходить нам с нищенской сумой, что, если встанем мы стеной и спрятанный достанем нож! Вы до того нас довели, что кровь земле мы предпочли».

Свободолюбивая, гуманистическая поэзия Джордже Кошбука, пронизанная любовью к народу, протестом против его социального и чужеземного угнетения,— сегодня достояние не только румынского народа, но и всех народов мира.

Л. ДОЛГОШЕВА

ИЗ РАССКАЗОВ О ПИЛЛЕ-РИЙН

Эллен НИЙТ

Рисунки Виктора ОРЛОВСКОГО.

ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Пилле-Рийн — это девочка. У нее есть папа и мама. Вернее, у папы и мамы есть Пилле-Рийн. А у нее у самой есть кукла Анне и резиновая собака. Из собаки можно выпустить воздух, и тогда она как неживая. Когда в собаке воздух, ее зовут Понту. А когда она пустая, у нее имени вообще нет.

У самой Пилле-Рийн даже два имени — Пилле и Рийн. Это потому, что, когда Пилле-Рийн родилась, мама хотела назвать ее Пилле, а папа — Рийн. Оба имени были красивые, вот и получилось: Пилле-Рийн. Так и осталась — Пилле-Рийн.

Пилле-Рийн пять лет. Это очень важно, потому что как раз позавчера у нее был день рождения, и дедушка подарил ей копилку. Эта копилка — четырехугольная деревянная коробка. В крышке у нее щель, туда можно просунуть монетку. А еще на крышке картинка: серая башня Длинный Герман, зеленые деревья, синее небо, а на башне флаг. Флаг красный и развевается, как настоящий.

Пилле-Рийн копит пятаки, потому что ей самой пять лет. Их там уже три штуки. Но от всего этого у Пилле-Рийн новая забота: в будущем году ей исполнится шесть лет, а шестикопеечных монет вообще не бывает, это точно, потому что так сказал папа. И когда Пилле-Рийн спросила, что же тогда будет, папа только улыбнулся и сказал, что тогда будет видно.

Папа Пилле-Рийн пишет книги. Но только для взрослых, а не для Пилле-Рийн.

Мама по утрам учит детей в школе, а вечерами она дома. Днем Пилле-Рийн с папой, только папа в своей комнате работает, а Пилле-Рийн в другой комнате играет. А третья комната пустая. Когда Пилле-Рийн уходит гулять, тогда и вторая комната пустая тоже.

У Пилле-Рийн две желтые, как солома, косички, на их концах ленты. Ленты синие, или красные, или в клеточку — какие мама утром завяжет.

Глаза у Пилле-Рийн серые, а когда светит солнце, в них золотые крапинки. Так сказал дедушка, и так оно, наверно, и есть.

АННЕ

Куклу Пилле-Рийн зовут Анне.

Анне живет в углу за шкафом. Там она спит на кровати под серым шерстяным одеялом, которое соткала для нее тетя Юули.

В этом углу хорошо. Почти так же хорошо, как идти в гости к Ану и Юри.

Анне не какая-нибудь обыкновенная кукла. Она как живая. Все понимает, что Пилле-Рийн ей говорит, и ни одной тайны Пилле-Рийн не выдает, как Юри. Под матрац к Анне Пилле-Рийн прячет для мамы конфеты, которые приносит ей дедушка. Анне никогда их тайком не съест. И самой Пилле-Рийн брать их неудобно, раз уж она отдала их на сбережение.

Пилле-Рийн получила куклу в подарок от тети Юули, когда жила у нее в деревне. Папа и мама тогда уехали в Тарту, а Пилле-Рийн осталась у тети Юули.

Был дождливый день. С неба лилась и лилась теплая вода и шуршала в листьях сирени. Пилле-Рийн забралась с ногами на кухонную скамейку и глядела в окно.

Тетя Юули мыла у плиты посуду. Жужжали мухи, и капли ударяли в стекло, и Пилле-Рийн так хотелось, чтобы мама была здесь. Когда светило солнце, об этом так не думалось. И она спросила у тети Юули:

— Мама уже села в поезд?

— Нет еще,— ответила тетя Юули.— Маму будем встречать через неделю.

Пилле-Рийн стало грустно. И дедушка тоже не приходил навещать, и неделя — это очень долго. А дождь все шумел, и теперь Пилле-Рийн вспоминала дедушку.

— А кто дедушкин ребенок? — спросила она.

— Дедушкин ребенок? Ну, конечно, твой папа,— ответила тетя Юули.

— Но папа ведь не ребенок. Он взрослый,— сказала Пилле-Рийн.

— И он был ребенком, а потом вырос,— ответила тетя Юули.

— А дедушка тоже чей-нибудь ребенок? — спросила Пилле-Рийн.

— Конечно. Дедушка — ребенок моей мамы,— сказала тетя Юули.

— Почему твоей? Разве у него своей мамы не было? — опять спросила Пилле-Рийн.

— Просто моя мама была и его мамой,— сказала тетя Юули.— Дедушка — мой брат. А наша мама — Аэт из Пахклепа.

— А где она сейчас? — спросила Пилле-Рийн.

— Она уже давно на том свете,— сказала тетя Юули.

— Это далеко? — спросила Пилле-Рийн.

— Очень далеко,— ответила тетя Юули.— Оттуда дорога в двадцать лет.

Пилле-Рийн хотела спросить еще, но почему-то не стала.

Ей опять вспомнилась мама. Дождь все шел. По стеклу бежали светлые струи, встречались и снова разбегались.

— А кто твой ребенок? — спросила она у тети Юули.

— Мой? Мой ребенок Анне.

— Какая Анне? Где она у тебя?

— Маленькая Анне,— сказала тетя Юули. И Пилле-Рийн были видны в темноте кухни добрые глаза тети Юули.— Она у меня всюду. Зимой — дома, летом — на улице, и в огороде, и на чердаке, в свежем сене.

— Как? — удивилась Пилле-Рийн.— А почему я ее никогда не видела?

— Ты плохо смотрела,— сказала тетя Юули.— Она часто приходит ко мне.

— Она живет там же, где твоя мама? — спросила Пилле-Рийн.

— Нет, она живет здесь.

— Так покажи мне ее. Мы будем вместе играть!

— Нет, я не могу. Она показывается только мне.

— Как гномы?
— Да, как гномы.
— А какого цвета у нее волосы? — спросила Пилле-Рийн.
— Волосы у нее светлые. А глаза темные,— ответила тетя Юули.
— Я хотела бы такого ребенка, как твоя Анне,— сказала Пилле-Рийн.
— Такого невозможно,— ответила тетя Юули.— Но пойдем в комнату, посмотрим. Может, я сделаю тебе тоже Анне.
Тетя Юули вытерла руки, а таз, в котором мыла посуду, поставила вверх дном на край плиты.
И они пошли в комнату. Тетя Юули открыла ящик комода, где у нее лежат всякие интересные вещи. Она достала из-под чистого белья фотографию какого-то дяди. Дядя был там в милицейской одежде. И сам улыбался.
— Он милиционер? — спросила Пилле-Рийн.
— Нет, он отец моей Анне,— сказала тетя Юули.— Он был солдат. А теперь он давно умер.
— Почему умер? — спросила Пилле-Рийн.
— На первой войне умер,— сказала тетя Юули,— это было очень давно.— И она положила фотографию обратно, под кипу чистого белья. А из ящика достала белую материю, и красную шерстяную пряжу, и еще разные лоскуты.
Из белой материи она сделала тело куклы.
Голову, руки и ноги она сделала из розовой рубашки.
Глаза — из пуговиц.
Рот вышила красной шерстью.
Брови — коричневой.
Нос и уши — розовой.
Потом тетя Юули покопалась в нижнем ящике комода и достала оттуда что-то странное: не то пряжу, не то волосы, не то вату.
— Это лен,— сказала тетя Юули.— Из него будут волосы у нашей Анне!
И она сделала волосы Анне изо льна.

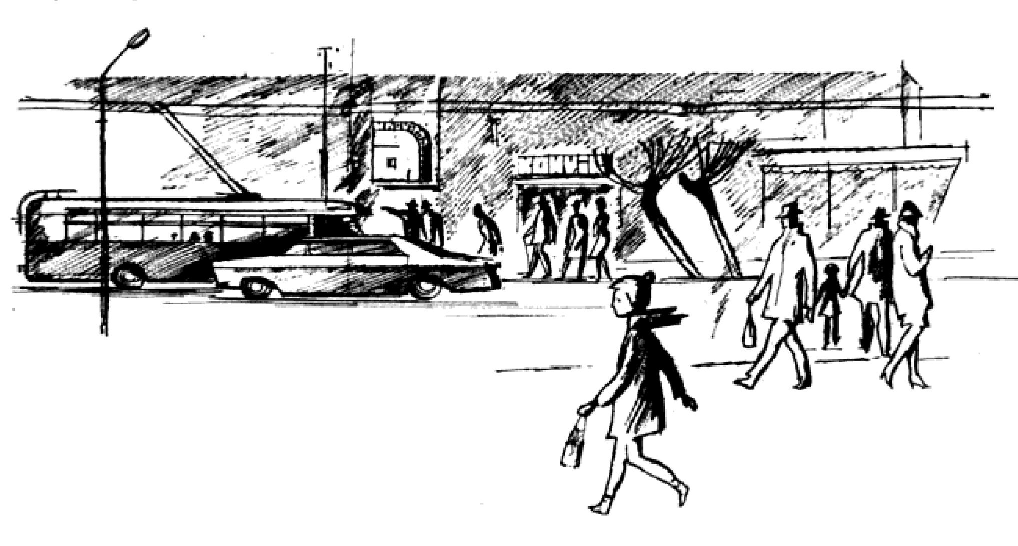
ТРИСТА ГРАММ СМЕТАНЫ

Деньги Пилле-Рийн положила в варежку, банка для сметаны была в сетке, а ручку сумки она два раза обмотала вокруг ладони. Так она шла и повторяла вполголоса:

Один маленький батон
И триста грамм сметаны.
Один маленький батон
И триста грамм сметаны,—

чтобы не забыть, потому что до магазина далеко.
Раньше ее не пускали в магазин. А вот теперь она шла, и встречные улыбались ей, а она размахивала сумкой, чтобы все видели, куда она идет.
Раньше Пилле-Рийн боялась ходить одна, а сегодня не боялась. Кроме того, мама сказала, что собаки, которые бегают по улицам, не кусаются.

Один маленький батон
И триста грамм сметаны,—

и вот она на углу Скворечной улицы. Пилле-Рийн быстро оглянулась: дом уже был за поворотом, а забор еще виднелся. В воротах стоял Юри, и Пилле-Рийн было приятно, что он видит, как она идет в магазин.

Один маленький батон
И триста грамм сметаны,—

сейчас начнется тротуар из каменных плит и рядом с ним зеленый забор. За забором живет эта страшная желтая собака, огромная, как теленок. Она лает хриплым голосом: «Краух-краух»,— и зовут ее Инспектор. Пилле-Рийн свою собаку никогда бы так не назвала. А назвала бы лучше Пеку. И подзывать легче — Пеку, Пеку! А кошка могла бы быть Интс.

Один маленький батон
И триста грамм сметаны,—

вот уже первая плитка каменного тротуара. Пилле-Рийн пошла поближе к мостовой — ведь собака может неожиданно выскочить, и тогда сразу забудешь, что́ мама велела купить в магазине.
Пилле-Рийн уже почти прошла мимо зеленого забора, и казалось, что все обойдется, как вдруг скрипнула калитка. «Вот теперь она выскочит!» — подумала Пилле-Рийн и припустилась бежать! Но лая не было слышно, и она оглянулась: вдоль зеленого забора шел высокий человек в синем шарфе. Он тоже свернул к магазину.
Пилле-Рийн шагала впереди него, размахивала сумкой и повторяла вполголоса:

Один маленький батон
И триста грамм сметаны.
Один маленький батон
И триста грамм сметаны.

Начался песчаный тротуар. Теперь только завернуть за угол улицы Лахе — и вот он, магазин, три больших окна, и над ними надпись «Здоровье». Но за углом было препятствие, и Пилле-Рийн остановилась.
Незнакомый мальчик, чуть побольше Пилле-Рийн, копал лопатой канаву посреди тротуара. Когда подошла Пилле-Рийн, мальчик встал на ее пути и сказал, что за канавой запретная зона. Пилле-Рийн объяснила, что ей надо в магазин, но мальчик сказал, что трехлетних вообще в магазин не пускают. Тогда Пилле-Рийн сказала, что ей уже пять, но мальчик сказал «нет» и загородил ей дорогу лопатой.
Но тут из-за угла вышел человек в синем шарфе. Мальчик убежал в свой сад, а Пилле-Рийн пошла за синим шарфом.

Один маленький батон
И триста грамм сметаны,—

и скоро пришла к магазину. Около магазина стояла машина, с нее сгружали хлеб и уносили в магазин.
В магазине Пилле-Рийн пошла сначала к тому прилавку, где продавали конфеты и разные фигурки из марципана. Но хлеба там не продавали.
Пилле-Рийн осмотрела конфеты. Они были разные — с васильками и с медведями и некоторые в серебряной бумаге.
Потом Пилле-Рийн пошла туда, где продавали хлеб, и масло, и сметану. Там стояло много народу, потому что хлеб еще только вносили. Пилле-Рийн тоже стала ждать. И скоро очередь дошла до нее.
Продавщица спросила, чего желает девочка, и Пилле-Рийн сказала:
— Один батон, пожалуйста, и сметану,— и поставила банку на край прилавка.
Продавщица спросила, сколько сметаны, но Пилле-Рийн никак не могла вспомнить и молчала. Тогда продавщица спросила, сколько у нее денег, и Пилле-Рийн достала из варежки деньги — там был рубль и копейки были тоже, но продавщица так и не поняла, сколько же надо сметаны.
И вдруг тетя, которая стояла много дальше Пилле-Рийн, стала сердиться, почему так долго, а другие тети стали подбадривать Пилле-Рийн, чтобы она вспомнила. И Пилле-Рийн совсем собралась заплакать, как вдруг человек с синим шарфом громко сказал:
— Что вы там путаете? Дайте ребенку один маленький батон и триста грамм сметаны.
Тогда все стали глядеть на человека в синем шарфе и говорить, что отцам нельзя доверять детей и пусть бы сам сразу сказал, что нужно купить, а не отнимал времени у других. Но некоторые тети были за него, и Пилле-Рийн сметану отвесили.
Она взяла банку со сметаной и батон, и еще ей дали деньги обратно: все копейки, что были в варежке, и новые вдобавок. И Пилле-Рийн поскорее пошла к двери, потому что ей было стыдно, что она так плохо покупала. Но никто уже не сердился, а человек в синем шарфе, который знал, сколько ей надо сметаны, улыбнулся и крикнул:
— Осторожней переходи дорогу!

УТРО

Утром Пилле-Рийн открыла глаза и сначала совершенно не поняла, где она. Комната была другая, со светло-зелеными стенами. Под окном стоял большой березовый стул, который очень свободно мог быть из сказки. Только он был не такой крошечный, как у гномов. Но трем медведям он вполне мог принадлежать, особенно самому большому медведю. На стуле сидела кукла Анне, льняные волосы растрепаны, сама без платья — и, значит, это все было настоящее, а не в сказке, потому что в сказке на Анне непременно было бы новое розовое платье.
Пилле-Рийн медленно нагнула голову, чтобы все это вдруг не пропало, и поглядела на пол.
Маминого серого ковра возле кровати не было. Но вместо него там было большое желтое пятно. Оно было от солнца и двигалось и переливалось, и в нем были маленькие светлые волны, которые убегали друг от друга.
Окно тоже было не ее. Оно было немного меньше, но зато открытое, и занавеска вздувалась от ветра. Занавеска была белая, и на ней крошечные фиолетовые цветы. А на окне в коричневой маминой вазе стояли желтые цветы — златоглавы.
Теперь Пилле-Рийн все вспомнила. Она была в деревне. И эти златоглавы сама собирала вчера вечером, когда они с мамой шли на пастбище встречать тетю Юули.
В деревню они приехали только вчера, и Пилле-Рийн видела корову так близко, что могла бы до нее дотронуться, если бы только захотела.
Потом еще она стирала во дворе платье куклы Анне, и воду можно было лить на землю, потому что в деревне за это никто не ругает.
Пилле-Рийн быстро вскочила с кровати, схватила со стула Анне и прыгнула обратно в постель.
Пол под ногами был прохладный, только

солнечное пятно было теплое, и на ступнях осталась теплота.

Когда Пилле-Рийн снова была под одеялом, она крикнула:

— Мама, я проснулась! Мама, ты знаешь, мы в деревне!

НЕПРИЯТНОСТЬ

Все началось с того, что на Пилле-Рийн надели платье с яблоками.

Папа сказал, что солнцу пришлось встать рано, чтобы высушить оба платья—платье куклы Анне и платье Пилле-Рийн, которое вчера вечером постирала мама. И тетя Юули встала на полчаса раньше, чтобы их выгладить.

Туфли Пилле-Рийн не обула, потому что в деревне можно ходить босиком. И мама сказала, что Пилле-Рийн может идти гулять, только пусть не шалит.

На улице было красиво. Перед домом цвели яблони, и куст лиловой сирени тоже уже немножечко цвел. На небе были белые облака, похожие на цветы.

Рядом с кустом сирени стоял колодец, а на нем — ведро с цепью. Колодец был покрыт крышкой, но вставать на него все равно нельзя. Папа вчера сказал, что так и до смерти рукой подать, если лазить на колодец.

Возле колодца была зеленая ванна с водой.

Пилле-Рийн любит воду и поэтому сразу подошла к ванне. В ванне был еще бидон с молоком. Это для того, чтобы молоко не скислось и чтоб было холодное.

Пилле-Рийн присела у ванны на корточки. Вода в ванне блестела и была черной, потому что солнце сюда не доходило, ему мешал сиреневый куст.

Пилле-Рийн потрогала воду пальцем. Вода была холодная, как лед. И ванна была тоже холодная, потому что она из жести. А стенка ванны была сплошь покрыта пузырьками и каплями.

Пилле-Рийн наклонилась над ванной и посмотрела в воду. Там были видны и ветки сирени, и небо, и белые облака. Так смотреть было даже лучше, потому что настоящее небо было очень уж светлое и от него было больно глазам.

Но самое интересное было то, что среди этого неба, и веток, и облаков виднелась еще одна Пилле-Рийн — в платье с яблоками и с красными бантами в косичках.

Пилле-Рийн сказала:

— Здравствуй.

И водяная Пилле-Рийн тоже сказала: «Здравствуй».

Пилле-Рийн наморщила брови, и водяная Пилле-Рийн наморщила брови. Пилле-Рийн засмеялась, и водяная Пилле-Рийн — тоже.

Тогда Пилле-Рийн обмакнула одну косичку в воду.

Водяная Пилле-Рийн протянула ей навстречу свою косичку. И когда их косички встретились, вода покрылась рябью. Лицо водяной Пилле-Рийн стало неровным и расплылось в разные стороны, так что Пилле-Рийн опять засмеялась.

Когда водяная Пилле-Рийн опять стала гладкой, настоящая Пилле-Рийн показала ей язык. И та показала в ответ. И они обе смеялись и говорили друг другу:

«Ты смешная! Ты смешная! И у тебя веснушки на носу!»

Веснушки — это хорошо. Правда, маме они не нравятся, но папе нравятся. И тетя Юули говорит, что солнце дает их на лето только тем, кого оно любит, а другим не дает ничего.

Потом Пилле-Рийн взяла палочку, что лежала у колодца, и сказала:

— Хочешь, я сделаю тебя неровной?

И водяная Пилле-Рийн спросила то же самое.

Пилле-Рийн сказала:

— Сделай! А ты меня не достанешь!

И водяная Пилле-Рийн сказала:

— Ты меня не достанешь.

Тогда Пилле-Рийн тихонько покрутила палочкой в воде, так что водяная Пилле-Рийн распалась на разноцветные кусочки, и эти кусочки убежали к краям ванны. И молочный бидон отплыл к краю ванны и сделал — тук! Пилле-Рийн подождала, когда водяная Пилле-Рийн вернется, и сказала:

— Смотри, я вовсе и не была неровной, а ты была!

И водяная Пилле-Рийн сказала то же самое. Но она говорила неправду, потому что Пилле-Рийн видела, до чего водяная Пилле-Рийн была неровной.

И все-таки Пилле-Рийн сунула руку в воду, чтобы помириться. И они обе стали смотреть на небо.

Пилле-Рийн смотрела на небо, которое в ванне. А водяная Пилле-Рийн — на небо, которое наверху. В ванне плавали белые облака. Но когда Пилле-Рийн захотела их потрогать, они расплылись.

Тогда Пилле-Рийн пошла в комнату и принесла ведерко для песка. Она снова села на корточки возле ванны и сказала небу:

— Я твои облака поймаю.

И водяная Пилле-Рийн сказала настоящему небу то же.

Пилле-Рийн стала черпать ведерком воду из ванны. А что делала водяная Пилле-Рийн, этого не было видно, потому что вода перемешалась.

Пилле-Рийн черпала долго, так что даже трава кругом стала мокрой. Но облака все еще были в ванне. Тогда Пилле-Рийн кинула туда камешек, чтобы узнать, глубоко ли до неба. Но камешек только сделал — щелк! — и Пилле-Рийн ничего не поняла.

Тогда Пилле-Рийн бросила в ванну горсть песку. Но от этого замутилось небо. Пилле-Рийн вытерла измазанные песком руки о платье, подождала, когда небо в ванне снова стало голубым и среди веток появилась водяная Пилле-Рийн. И стала черпать дальше.

Но тут случилось плохое дело. Водяная Пилле-Рийн толкнула своим ведерком молочный бидон. Бидон сделал — бульк! — и все молоко растеклось между облаками.

Пилле-Рийн испугалась и заплакала. На крик прибежали мама и тетя Юули и наконец вышел папа. Папа и мама ругали Пилле-Рийн и хотели отправить обратно в город. Но тетя Юули сказала, что неприятности всегда могут случиться. И что если теперь Пилле-Рийн будет хорошей девочкой, то корова даст еще молока.

Пилле-Рийн долго плакала на руках у тети Юули и только ей одной сказала, что бидон перевернула как раз водяная Пилле-Рийн, а не она. Пилле-Рийн другим этого не говорила, потому что жаловаться вообще нехорошо. И тогда они вместе с тетей Юули постирали платье с яблоками, то самое, с которого все началось.

ВЕЧЕР

Вечером желтые ноготки собирают все свои лепестки в зеленый домик. А яблоне нечего собирать, потому что она отцвела. Зато у нее среди листьев маленькие яблоки. Пилле-Рийн на них уже насмотрелась и некоторые даже надкусила, потому что яблоня низкая и ветки ее почти на земле, так что яблоки легко достать.

Мама говорит, что Пилле-Рийн должна ложиться вместе с желтыми ноготками, чтобы яблоня могла ночью спокойно растить свои яблоки и не бояться, что Пилле-Рийн увидит и съест те, которые побольше.

А папа сказал, что зеленые яблоки в животе будут громко звать на помощь, потому что у них было полное право расти дальше.

И дни теперь раньше собирают свои лепестки, и сумерки входят в сад и в комнату, потому что уже август, месяц плодов.

Пилле-Рийн уложили в кровать. Папа велел ей быстро закрыть глаза и постараться, чтобы сон пришел раньше, чем тетя Юули подоит корову. А сам ушел из дому. И мама вместе с ним.

Пилле-Рийн осталась одна. Из сеней еще донеслись шаги, скрипнула дверь, было слышно, как мама и папа прошли мимо окна и папа тронул рукой ветку яблони. Потом стало тихо. Только часы тикали громким голосом.

Пилле-Рийн прижала к себе куклу Анне и сказала ей:

— Ты глупая, если боишься, потому что кикимор вообще нет.

Потом чуточку помолчала и добавила:

— А чужие собаки не могут войти, ты ведь слышала, что папа закрыл дверь.

А часы стучали все громче, точно у них колотилось сердце.

Пилле-Рийн приложила губы к уху Анне и сказала:

— Усни. Тогда яблоки будут расти.

Вдруг часы заскрипели, и Пилле-Рийн испугалась. Но они ничего плохого не сделали, только пробили: «Бомм!»

И Пилле-Рийн сказала Анне:

— Ты зря испугалась. Часы отбили от часа кусок, и теперь осталась половинка.

Пилле-Рийн уселась на кровати и увидела, что по стене рядом с окном движутся странные черные пятна вперемежку с белыми. Она подтянула одеяло повыше и сказала Анне:

— Ты не бойся. Это луна. Она светит сквозь ветки яблони. А то, что прыгает по стене,— это тени.

За окном была яблоня. Даже яблоки были видны, потому что еще не совсем стемнело.

Пилле-Рийн сказала Анне:

— Хочешь, я покажу тебе, как растут яблоки? Это можно видеть только ночью.

Она взяла куклу под мышку, вылезла из постели и пошла на цыпочках к окну.

Тут было лучше. И светлее было тоже. И по другую сторону стекла качалась ветка яблони. На ней было два яблока.

Пилле-Рийн усадила Анне на подоконник, а сама забралась с ногами на стол, что стоял у окна, и на ноги натянула ночную рубашку. Она прижала нос к стеклу и долго рассматривала ветку яблони и яблоки. Одно было маленькое и зеленое, а другое — с кулак Пилле-Рийн — было уже с розоватой щекой.

Вдруг Пилле-Рийн испугалась и поскорее отлепила нос от стекла. На хвостике розоватого яблока сидел большой блестящий жук.

Пилле-Рийн взяла Анне под мышку и сказала:

— Этот жук ничего плохого не сделает. И потом, он за стеклом. Смотри, это он и надувает яблоко через хвостик, видишь, какое оно большое. Только нос к стеклу не прижимай, потому что некрасиво прижимать нос к стеклу.

А большой жук все сидел и сидел на яблоке, и качался вместе с веткой, и блестел при свете луны.

Пилле-Рийн сказала Анне:

— А плакать я тебе не позволю. В сказочной стране у каждого яблока свой жук, который его надувает. Пойдем спать, а то жук нас боится и яблоко не может расти.

Но Пилле-Рийн не успела слезть со стола. На крыльце задребезжал подойник тети Юули, и сладко скрипнула дверь. И вместе с тетей Юули в комнату вошел запах свежего сена. А руки ее пахли парным молоком, когда она обняла Пилле-Рийн. И Пилле-Рийн заплакала неизвестно почему.

Потом она лежала в кровати, и кругом было тихо. Часы не стучали. Их голоса совсем не было слышно.

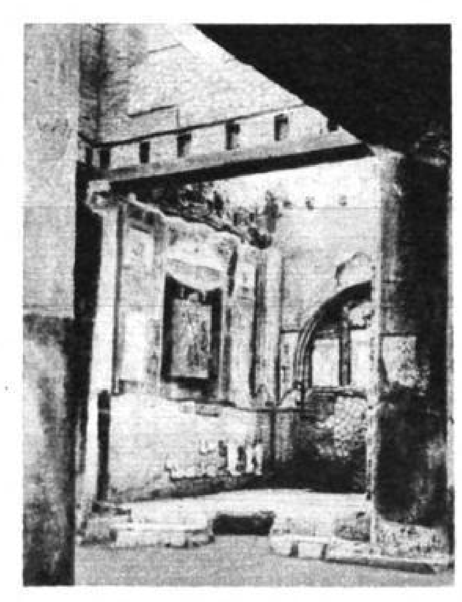
Пилле-Рийн, наверно, задремала. А может, это было наяву, но она увидела, как большой жук улетел вместе с яблоком. И сквозь его жужжание было слышно, как тетя Юули зовет кошку пить молоко:

— Кис-кис-кис.

С эстонского перевели Г. Демыкина и Л. Ольшак.

Геркуланум сегодня.

Римский дом.

Сервизу 19 веков

Ю. КАГРАМАНОВ

Улицы древнего города Помпеи обычно заполняют разноязыкие толпы туристов. Вероятно, здесь не было так людно даже до того, как этот город погиб при извержении Везувия в 79 году н. э. Тогда трагическую участь Помпей разделил и Геркуланум. Посмертная слава Помпей долго оставляла в тени Геркуланум, большая часть которого до сих пор не раскопана. Между тем этот город обещает рассказать историкам больше, чем Помпеи, хоть он и уступал им по размерам и богатству.

...Тот злополучный день, 24 августа 79 года, начался в Геркулануме обычно. В гавани было, как всегда, оживленно. Разгружались прибывшие суда.

Ящик со стеклянной посудой с надписью, соответствующей нашему «Не кантовать!», был бережно выгружен на пристань и доставлен в патрицианский дом, расположенный неподалеку от форума. Дорогое стекло было тщательно упаковано в солому. Обитателям дома не терпелось оценить приобретение, так что они, может быть, и не обратили внимания на первые подземные толчки. Потом небо внезапно потемнело и послышался грозный, нарастающий шум. Это проснулся Везувий.

Классическое описание катастрофы оставил нам Плиний Младший, который был ее непосредственным наблюдателем. Его дядя — Плиний Старший, известный натуралист и римский флотоводец, погиб в этот день, руководя спасательными работами.

Со временем склоны Везувия опять покрылись садами и виноградниками. На том самом месте, где был погребен Геркуланум, возникло новое поселение (теперь пригород Неаполя) — Резина. В самом начале XVIII века местные крестьяне, роя колодец, наткнулись на то, что они приняли за богатые залежи редких сортов мрамора. «Месторождение», как выяснилось впоследствии, было античным театром. В 1738 году в Геркулануме и Помпеях начались более или менее систематические раскопки. Однако в Геркулануме работы велись вяло и с перерывами, так что почти ничего не было сделано до начала шестидесятых годов нашего века. Только совершенная техника, появившаяся в самые последние годы, позволяет широко развернуть раскопки.

Хотя сейчас откопана лишь небольшая часть города, но уже первые находки представляют большой интерес. Так, обширные термы (бани) сохранились значительно лучше, чем все другие, известные нам. Бронзовые трубы функционируют до сих пор, а дрова, сложенные для топки, сохранились необуглившимися.

Парные, душевые, бассейны соседствуют с комнатами отдыха, украшенными мозаикой и фресками. Ведь римские термы были, по словам советского историка М. Сергеенко, «своеобразным сочетанием бани, сада отдыха и дворца культуры», и, хотя в домах был водопровод, редко кто имел ванну, все ходили в бани, причем, как правило, каждый день. К термам прилегает палестра — спортивная арена, украшенная портиками и колоннадами.

Римский быт предстает в Геркулануме так полно, как нигде больше. Сохранились хлеб в печах, яйца в кастрюлях, кули с бобами и зерном, исписанные папирусы. Хорошо сохранились деревянные части, например, панели, а в некоторых зданиях — деревянные подпорки, поставленные после землетрясения 63 года.

Ящик со стеклянной посудой, привезенный в самое утро катастрофы, распакован только теперь, через 19 веков. Изящный сервиз попал сразу в музей, минуя обеденный стол.

В мастерской по ремонту медных изделий найдены бронзовые канделябры и статуя Геркулеса, так и не дождавшиеся починки. Геркулес считался отцом-покровителем города, и его изображения встречаются во множестве.

Обитатели нынешних трущоб Резины могут утешаться тем, что жилищный кризис существовал и в 79 году. Традиционные римские дома с атриумами обрастали всевозможными надстройками и пристройками. Нередко хозяева этих домов — разорявшиеся патриции — сдавали верхние этажи внаем, а нижние приспосабливали под лавки и мастерские.

Сейчас основные раскопки ведутся в районе форума. Однако недостаточность ассигнований, выделяемых правительством, не позволяет широко развернуть работы. В итальянской печати появлялись сообщения, что некоторые из откопанных построек подвергаются угрозе разрушения под действием дождей.

Загадка эвкалиптов

В дни, когда мир взволновала находка «фанчуллы» — мумии девочки из древнего Рима,— итальянские ученые определили, что в состав веществ, применявшихся при ее бальзамировании, входило и эвкалиптовое масло. Но 1 800 лет назад (предположительное время ее смерти) эвкалипты не росли ни в Европе, ни в Африке. Европейцы узнали о них всего два столетия назад, когда экспедиция Джеймса Кука возвратилась из Австралии. Откуда же античные врачи брали эвкалиптовое масло?

С этим вопросом мы обратились к ученому, большому знатоку эвкалиптов Михаилу Васильевичу Герасимову, члену общества «СССР — Австралия». Он рассказал об этих деревьях. Австралийцы называют эвкалипты алмазом лесов, деревом жизни, деревом чудес. Растут они чрезвычайно быстро. За короткий период — с весны по осень — молодая поросль поднимается на 4,5 метра.

Эвкалипты, подобно насосам, выкачивают огромное количество влаги из почвы.

Паркет, сделанный из древесины эвкалипта определенной породы, не нуждается в мастике. Его натирают и без нее, потому что древесина выделяет маслянистые вещества. Древесина некоторых эвкалиптов не горит даже при соприкосновении с открытым пламенем. Ею облицовывают внутренние стенки каминов.

Летучие вещества, выделяемые листьями эвкалипта, хорошо влияют на легочных больных. В лаборатории, которой руководит профессор Б. П. Токин, поставили такой опыт: на лист, сорванный с дерева, капнули жидкость, в которой плавали тысячи опасных золотистых стафилококков. Через несколько часов они погибли. Листья эвкалипта выделяют фитонциды, убивающие бактерии и грибки. Достаточно обрызгать настоем этих листьев зараженные семена, чтобы спасти от гибели посевной материал.

Лекарственное эвкалиптовое масло продается в аптеках. Его покупают с такой же охотой, как и эвкалиптовый сушеный лист. Достаточно накапать в нос эвкалиптовое масло, чтобы уменьшился насморк. Листья заваривают и вместе с паром вдыхают летучие вещества. Это помогает бороться с простудами. Цинеол, содержащийся в эвкалиптовых листьях, конкурирует с такими испытанными антисептиками, как карболовая кислота, и такими антибиотиками, как пенициллин и стрептомицин.

Слушать об этом было очень интересно. Но что скажет Михаил Васильевич по поводу заявления ученых, обнаруживших следы эвкалиптового масла при исследовании «фанчуллы»?

— До ледникового периода эвкалипты росли повсюду. Ископаемые остатки их найдены в Египте, Португалии, Чехословакии, США, Новой Зеландии. Советские палеоботаники отыскали следы эвкалиптов в верхнемеловых отложениях на реке Чулым вблизи Ачинска, на восточном склоне Южного Урала, в районе реки Аять, в бассейне рек Исеть и Синара, в меловом склоне Даралагеза, в Южной Армении, в палеогеновых отложениях Днепра и в других местах.

Но эвкалипты росли тут за много тысяч лет до римской «фанчуллы»... Как попало эвкалиптовое масло к древним бальзамировщикам, — загадка, которую пока разрешить мы не можем.

В заключение нашей встречи М. В. Герасимов рассказал об удивительных цветущих эвкалиптах.

— Есть такая порода в Австралии. Весною на деревьях появляется множество алых цветов. В эту пору посмотреть на них съезжается множество туристов, любующихся прозрачными рощами, как бы объятыми пламенем. Посмотрите, что пишет об этих деревьях австралийская писательница Катарина Сусанна Причард.— Он протянул мне письмо.

«Дорогой мистер Герасимов, благодарю Вас за то, что Вы прислали мне свою книгу «Эвкалипт». Мой русский язык не очень хорош, но я смогла просмотреть Вашу работу об этих красивых деревьях, которые очень разнообразны по типам в различных частях нашей страны. Надеюсь, что она станет еще одним связующим звеном между Австралией и Советским Союзом...

В 1933 году, будучи в Москве, я подарила семена цветущих эвкалиптов различным организациям. Помню только «Комсомольскую правду». Зацвели ли эвкалипты из моих семян в Советском Союзе?»

— Мне не приходилось встречать эвкалипты с алыми цветами ни в одном ботаническом саду,— заметил ученый.— Но, может быть, все же эти семена не пропали?

Генриэтта АЛОВА

СЕЛО: КАКИМ

К нам в редакцию пришли люди, занятые сельским строительством. Это архитекторы. И первые же цифры, названные начальником Главсельстройпроекта при Госстрое СССР Деомидом Константиновичем Бреславцевым, убедили нас, что проблемы дома, улицы, квартала становятся ныне актуальными проблемами села.

В предстоящем пятилетии село получит десятки миллионов квадратных метров жилой площади. Это не считая 2—2,5 миллиона домов, которые будут построены колхозами, сельскими тружениками.

Речь за круглым столом «Огонька» шла о строительстве на селе жилых домов, школ, детских садов, больниц, клубов, библиотек, кинотеатров, магазинов, о существенном подъеме уровня жизни народа, предусмотренном Директивами XXIII съезда КПСС.

Наши гости принесли макеты спроектированных ими зданий. Мы увидели кварталы, улицы, ничем не уступающие городским. Получили реальное представление о том, как изменится облик современного села. И тут сразу возник вопрос о связи этих квадратных метров с гектарами. Незадолго до прихода в редакцию архитекторы побывали во многих республиках и областях и всюду наблюдали, как по-новому ныне решают проблему переустройства села. Речь теперь идет не об отдельных новых домах, а о новом архитектурном облике советской деревни. Сейчас в разных зонах страны идет застройка ряда крупных селений, которые станут как бы эталоном. В этой работе принимают участие не только колхозы и совхозы, но и многие промышленные предприятия.

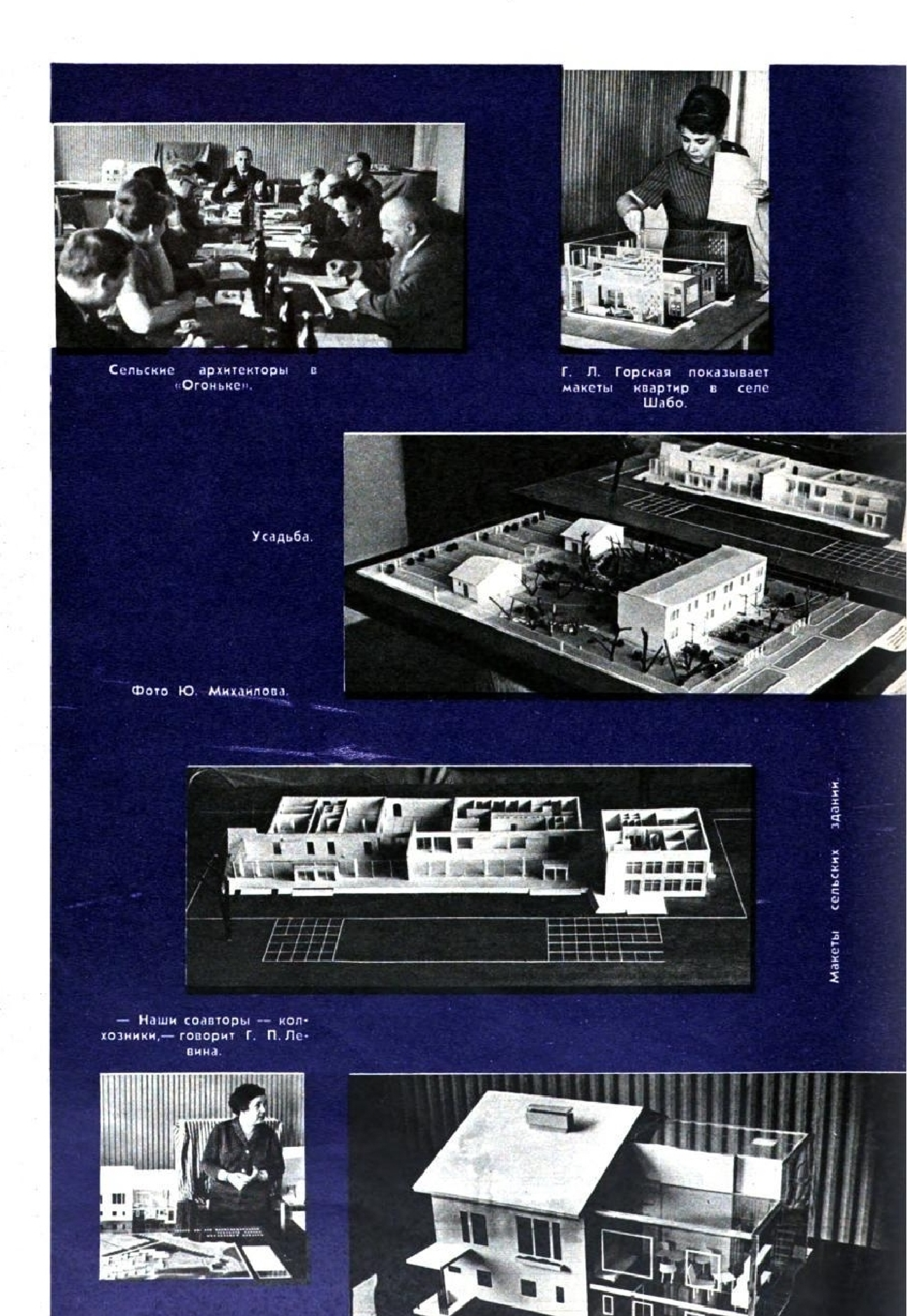
Как дальше строить на селе? Как преодолеть главный недостаток — распыленность капиталовложений? Считалось, что дело архитектора — только проект, планировка. А это привело к тому, что строили без учета перспектив района или целой отрасли хозяйства. У нас в стране много тысяч сельских населенных пунктов, причем небольшие деревни преобладают. Учитывать надо многие особенности. В Прибалтике, например, и поныне встречаются хутора, а на Кубани иная станица ничем не уступает городу. Архитектор и планировщик озабочены тем, чтобы и дети с хуторов и дети из станиц учились в одинаково хороших школах, чтобы там и здесь жители имели возможность посещать клуб, кинотеатр, пользоваться библиотеками.

— Я побывал во многих селениях,— сказал Игорь Иванович Егоров, начальник отдела сельских зданий и сооружений.— Ведь в каждом из них не построишь кинотеатр, школу. Значит, речь идет о радиусе, о том, сколько же придется пройти ребенку до школы, взрослому — до клуба. Одни считают, что этот радиус не должен превышать двух-трех километров, а другие допускают десять — пятнадцать. Как видите, вопрос остается спорным, а мы сейчас создаем генеральные планы каждого селения. И на спорные вопросы надо дать ответ. Пока таких генпланов еще немного, но медлить нельзя, потому что отсутствие планов задерживает строительство.

Опыт показывает, что нельзя отрывать строительство крестьянского жилья от хозяйственных проблем не только каждой зоны, каждого района, но и буквально каждой семьи.

Суть ряда выступлений такова.

— Да, колхозник приветствует в своей квартире ванну, горячую и холодную воду, паровое отопление,

Сельские архитекторы в «Огоньке».

Г. Л. Горская показывает макеты квартир в селе Шабо.

Усадьба.

Фото Ю. Михайлова.

Макеты сельских зданий.

— Наши соавторы — колхозники,— говорит Г. П. Левина.

ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ?

газовую плиту. Но ведь у каждого своя корова, поросята, куры, утки, свой огород. Как архитектор учитывает все это? Горожанину, скажем, не придет в голову мысль о кладовой для хранения годового запаса продовольствия, его запасы свободно уместятся в холодильнике. А вот колхозник должен обязательно иметь помещение для картофеля, овощей и других продуктов. Да, конечно, в иной 9-этажный дом можно поместить жителей целой деревни. В доме этом будут все городские удобства, а между тем новоселы ничего, кроме огорчений, испытывать в новых стенах не будут. Некоторые не очень дальновидные плановики и архитекторы предлагали всю эту деревенскую специфику решить просто. Скажем, коровники организовать по принципу городских индивидуальных гаражей, причем гаражи-коровники обязательно поместить подальше от жилых домов, чтобы, так сказать, не портили вида. Но так может решать этот вопрос человек, никогда не живший в деревне. Ведь корова требует ухода и внимания и всегда должна быть, как говорится, под рукой: ее нужно кормить, поить, доить. Не все предусмотрели и в отношении приусадебных участков, кладовых и т. д. Все это свело бы на нет благие намерения архитекторов.

Возникают попутно и другие вопросы. Редакционное задание занесло меня как-то в небольшое украинское село. Белые мазанки, соломенные крыши с гнездами аистов, ивовые плетни. Смешно было здесь и подумать о какой-либо планировке, современной архитектуре и т. д. Между тем в это же самое время здесь трудилась группа архитекторов. Они показали мне проекты будущих сельских квартир, клуба, магазинов. В проектах была учтена вся та специфика, о которой речь шла выше. И все-таки, когда с проектами познакомились колхозники, возникло много непредвиденного.

— Как же это: хата и без ставен? — спросил колхозный сторож.

Он дежурит ночью и домой возвращается утром, позавтракает и ложится отдыхать. Но какой там сон, когда солнце вовсю палит из окна! Значит, нужны ставни, чтобы укрыться от солнца. Ставни нужны и маленьким детям.

— Какого цвета будут новые дома? — спросили женщины.

Им ответили:

— Красного, строить будем из кирпича.

Вновь последовали возражения. Все привыкли видеть украинское село белым.

К слову сказать, отдавая дань моде, многие отказались от использования на селе кирпича и других строительных материалов. И тут нельзя не вспомнить опыт наших друзей в Болгарии. Там, когда парень девушке делает предложение, соседи говорят: «Скоро будут глину вместе жечь». И это значит, что прежде чем обвенчаться, молодые изготовят своими руками столько кирпича, сколько понадобится на строительство дома. Затем с помощью родни, соседей, друзей строят дом и справляют в нем свадьбу. Прекрасная традиция. Мы о ней писали в «Огоньке». Получили сотни одобрительных отзывов читателей. А вот некоторые наши строительные организации считают кирпич «устаревшим», применяют панели и блоки там, где в том никакой необходимости нет.

В другом селе я оказался свидетелем горячего спора между колхозниками и архитекторами. Строился там клуб, спроектировали для него печное отопление. А колхозники сочли, что выгоднее будет центральное, и архитекторы с ними согласились. Такое же недоразумение возникло со зрительным залом. Спроектировали на 225 мест, а требовалось на 400.

Сейчас за нашим круглым столом вспомнилось мне все это. Да, разговор ведется о строительстве крупных масштабов. Но тем не менее нельзя сбрасывать со счетов эти вот на первый взгляд мелочи. На этом сходятся все участники встречи.

Архитекторы Галина Леонидовна Горская и Галина Петровна Левина показали предложенные Гипросельстроем проекты деревенских домов. Своими соавторами они считают многих колхозников и колхозниц, с которыми приходилось советоваться.

С большим интересом рассматриваем макеты новых домов, улиц, кварталов. Все выглядит очень нарядно, комфортабельно. Действительно, рождается совершенно новое село. Но тут же возникает опасение: а не превратятся ли наши живописные села в однообразные, городского типа, современные микрорайоны?

— Нет,— отвечают нам,— такая опасность не грозит.

...Мы как бы совершаем экскурсию в дома. Не пропускаем ни одной комнаты, заглядываем в каждый уголок. Нас знакомят с макетами жилищ. Дома состоят из блоков. На первом этаже кухня, прихожая, санузел, на втором — спальня. По совету колхозников увеличили площадь кухни. Кроме того, в домах, предназначенных для юга, есть лоджии. Мы «входим» в квартиры для маленьких семей. Комната в 16 квадратных метров для двоих и в 12 квадратных метров на одного.

Знакомимся с интерьерами, дополнительным оборудованием кухонь.

Многое нас тут интересует. Начать с того, что все мы привыкли к одноэтажной деревне. А тут авторы показали нам крестьянское жилище, как называют его архитекторы, в двух уровнях. Вот мы «вошли» в дом. Внизу, если это квартира трехкомнатная,— прихожая, кухня, столовая. «Поднимаемся» по внутренней лестнице на второй этаж. Здесь тоже небольшая прихожая, а от нее дверь в спальню, в детскую, в ванную. Тут выясняется одна немаловажная подробность. Долгое время оставался нерешенным вопрос о квартирах для малосемейных. Будто на селе нет молодоженов, нет холостяков, нет семей с одним ребенком! Все проектировалось для многосемейных. А ведь, как выяснилось, проблема однокомнатной и двухкомнатной квартир не менее остра в деревне, чем в городе. И интересуется подобными квартирами главным образом сельская молодежь. И вот мы увидели, правда, пока в макетах, подобные маленькие квартиры. Кухня, прихожая, санузел, спальня, душ.

Архитекторы не забыли и про личные хозяйства колхозников. В каждом доме предусматривается специальная дверь на приусадебный участок. Поблизости от жилья — сараи для скота.

Заглянули в кухню. Бросается в глаза, что она по своей площади больше, чем в городских квартирах. Но есть и ряд особенностей: стол разделки кормов, место хранения дров. Да, пока это все еще деревенская специфика.

Мы уже сказали, что планировщики учитывают и климатические особенности. Вот и на этих макетах увидели мы, что в домах, предназначенных для южных районов страны, есть открытые террасы, лоджии, выносные кухни.

Мы имели возможность узнать, как по этим проектам уже строятся дома.

Анатолий Владимирович Годзевич руководит проектированием крупного сельского населенного пункта Шабо, в центре винодельческого района юга Украины. Там рыболовецкий колхоз, винкомбинат. Население Шабо — 6,5 тысячи человек. Сейчас здесь воздвигаются новые кварталы, новые улицы. А. В. Годзевич рассказал нам о планировке двухэтажных домов для колхозников и рабочих, о том, как создавались проекты этих зданий, о школе, клубе, детском саде. Все, что мы услышали из уст архитектора, говорило о преодолении социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней.

Нельзя механически переносить в деревню опыт городской стройки. Долгое время полемизировали по поводу того, можно ли строить на селе многоэтажные дома. Теперь все убедились, что подобные здания не удовлетворят колхозников. Но ведь и в одноэтажные дома нужно провести водопровод, канализацию, газ. Значит, повысится стоимость квадратного метра жилья в деревне. Значит, надо находить рациональное и экономное решение.

Мы легко представляем себе генплан столицы, крупного промышленного центра, знаменитого курорта, но, увидев это слово перед названием небольшой деревушки, приходим в недоумение. Между тем и там у строителей и архитекторов возникают не менее острые проблемы, чем, скажем, у градостроителей.

— Да, генплан нужен и применительно к селу,— говорит Александр Николаевич Кондухов.— Сегодня это неприметная деревушка, через несколько лет она может оказаться крупным поставщиком очень нужной городу сельскохозяйственной продукции. Между тем и поныне многие к генпланам относятся скептически. Часто стройка идет хаотически, без учета перспектив.

Кондухова дополняет руководитель одного из секторов Научно-исследовательского института градостроительства кандидат архитектуры Владимир Сергеевич Рязанов:

— Выбор перспективных поселков — самая слабая сторона нашей деятельности. Чаще всего полагаются на инструкции, методические указания, устаревшие статистические данные. Проектируют по штампу. Принято на вооружение такое злополучное слово, как «примерно»: примерное число населения, примерный выпуск продукции, примерный урожай и т. д. и т. п. А требуется строго научное обоснование, строгий индивидуальный подход к каждому селению. Все признают, что строители и архитекторы обязаны учитывать особенности каждой зоны. Но практически делается в этом отношении еще очень мало.

Мы тут показали вам проекты поселков. Но поймите, суть дела не в том, чтобы красиво расставить дома, речь идет о гармоническом сочетании плана строительства с планом развития производства, с ростом или уменьшением населения в данном пункте. Да, мы за добротную архитектуру. Но в это понятие входит и экономика. Заодно хотелось бы сказать, что, когда речь идет о строительстве на селе, надо обязательно иметь в виду дороги. Это едва ли не один из самых трудных вопросов. Потребность в дорогах очень велика. Схема районной планировки должна предусмотреть создание новых дорог, ремонт старых, определение кратчайших путей, соединяющих город с селом, наиболее рациональную систему транспорта.

Вполне естественно, что возник вопрос о том, кто же непосредственно в деревне решает сегодня архитектурные проблемы. На периферии не хватает даже инженеров-землеустроителей. Планировкой и застройкой занимаются случайные люди. А из того, что мы услышали за круглым столом, нетрудно понять, что профессия сельского архитектора должна занять в деревне такое же прочное место, как профессия агронома и зоотехника. Министерство сельского хозяйства СССР решило организовать факультет архитектуры. В будущем году село получит первых сельских архитекторов. Их будут готовить в Москве, Харькове, Целинограде. И все-таки этого недостаточно. Видимо, нужно создать специальный институт, о чем и сказал декан архитектурного факультета Московского института инженеров землеустройства Михаил Степанович Осмоловский, занимающийся сейчас подготовкой сельских архитекторов. Но говорил он и о других острых вопросах.

Главсельстройпроект, по его мнению, недостаточно глубоко изучает местные условия. Необходимо иметь в виду две стороны дела: проекты и непосредственную стройку. Можно разработать красивые и оригинальные проекты, но, если не принять во внимание реальные возможности, ничего путного не получится. Уже сейчас нужно позаботиться о широкомеханизированном производстве местных материалов, о создании сырьевой базы, о подготовке строителей. Речь идет о невиданном в истории предприятии. Впервые государство берет на себя строительство крестьянских жилищ, причем не мазанок, не бедных хатенок, а современных домов, кварталов, улиц. Это очень сложная проблема. Нужно со всей откровенностью сказать, что в типовых проектах еще не всегда учитываются особенности каждого района. Вот мы часто говорим о создании центральных усадеб, при этом как бы не замечаем, что они будут удалены на 10—15 километров от ферм, полей, садов. Мы требуем вести хозяйство строго научно, по зонам. Значит, этого же принципа следует придерживаться и нам. На мой взгляд, неправильно планировать только крупные селения, надо позаботиться и о таких, где жителей не более 300—400 человек. Ни в коем случае нельзя копировать городские микрорайоны. Каждое село должно иметь четкий и ясный план, в котором учитываются все особенности земледелия. Нигде на земном шаре нет и не было никогда подобного размаха переустройства сел. У нас нет опыта. Идет поиск, и тут возможны ошибки. Хотелось бы, чтоб их было как можно меньше.

От сельских архитекторов ждут сейчас многого. Слушая наших гостей, мы убедились, что они не мыслят своей работы без самого тесного сотрудничества с теми, для кого они проектируют дома, а также с экономистами, со строителями, с промышленными предприятиями. Не будет преувеличением, если скажем, что всех волнует качество новых зданий. Впереди громадная работа. Привычная для глаза горожанина строительная техника шагнула на сельские просторы.

Репортаж за круглым столом вел

З. ХИРЕН

А. ТИХОМИРОВ

ЕСТЬ ВЕЧНЫЕ ДВИГАТЕЛИ

«Лет пять назад, после госэкзаменов, собрались человек тринадцать и поехали куда-то в глухомань в новую школу преподавать. Виталий Костромин у них директором поехал. С тех пор о нем ничего не слыхали. Канул в Лету...»

(Из воспоминаний однокурсников.)

Еду сейчас в ночном поезде Карпинск — Свердловск, ворочаюсь с боку на бок и не могу уснуть. Час назад мы расстались с Костроминым. Он уже спит, наверное, в своей удивительной комнате, где будильник соединен с репродуктором, где стены расчерчены треугольниками и квадратами, как классная доска, а на широких полках расставлены сказочные фигурки. Вот обезьяна повернула к свету свое плоское глупое лицо, стоит на трех «ногах», а кажется, все в норме, и прилепи четвертую — лишняя будет. Вот канадский матрос пляшет на баке, а палуба так и ходит под ним. И даже не верится, что это всего лишь чуть тронутый ножом еловый корень — настолько выразительна его развинченная фигура.

Я вижу сейчас лицо Костромина, задумчивое, скуластое, с глубоко посаженными глазами — в уголке левого играет лучик. Он вертит в руках причудливый корень — «сырец», то близко подносит к глазам, то отодвигает, то поднимает высоко и разглядывает фантастическую тень на стене.

— Каждый вечер гляжу, а еще не рассмотрел. Это часто бывает: таится внутри какое-то движение, какой-то смысл, но не бросается в глаза... Вот смотришь, смотришь, а однажды вдруг такое увидишь, что дух захватывает. Берешь тогда ножик и отрезаешь лишнее.

Он снимает с полки фигурку. Ух ты! Сила, давящая изнутри, налила корень жизнью. Нет ни ног, ни рук — только наметки, но сколько женственности в линиях и сколько затаенной энергии в движении!

— «Русалка». Я из-за нее целый пень выкорчевал. Полгода

искал подставку. Иду однажды по мостику через Туру — вода прозрачная, каждый камень виден со всех сторон. И вижу этот, с ложбинкой. Сразу понял, что это он. Приметил и дальше пошел. Километра два отошел — не могу; а вдруг, думаю, кто-нибудь его возьмет? Побежал бегом обратно и вынул.

У Виталия есть архив—пачка бумаг, которую он после настоятельной просьбы небрежно бросает на стол. Но по тому, как сам берет каждый листочек и читает с улыбкой, видно, что эти записки дороги ему.

Тут целая картотека оригинальных мыслей, наспех записанных поэтических образов, меткие зарисовки, стенограммы подслушанных детских разговоров.

Ночевал где-то в деревенской избе и слушал перешептывание двух ребят на печи:

«Витька! Давай смиримся. Ну, поцарапай! Ведь ты мне брат? Брат! И я тебе брат. Ну, поцарапай спину, а?»

Нужно уметь ценить живое слово, чтобы не пропустить его мимо ушей, чтобы собирать по крупицам и не давать теряться в пространстве и времени.

Нужно иметь меткий глаз и чуткую, как струна, душу, чтобы увидеть и оценить малюсенький эпизодик, мимолетную ситуацию и почувствовать в ней теплоту и ласкающий юмор.

Он пишет. Потихонечку пишет маленькие рассказы и зарисовки.

— Иногда не запишешь, а потом жалеешь. Не так уж часто услышишь свежую мысль. Слишком деловитыми и сухими становятся взрослые. Даже учителя порой похожи на титульный лист учебника. Но если считается требовательным — в районо сердца тают. А что он требует, этот учитель? Почему он требовательный, если сам ничего не может дать? Когда такой уезжает,— не жалко. Но немало ведь и хороших и талантливых... И бывает обидно, если не могут найти себя...

Он ходит по школе в светлом костюме, белоснежной сорочке и серых узконосых туфлях. Каждый день вносит в класс праздничное настроение.

Не хватает учителей. Преподает и русский язык, и литературу, и историю, и физику. Он рисует на доске широкий ручей с тремя рукавами и, сравнивая электрический ток с водой, объясняет параллельное соединение проводников. Машет руками, приседает, чертит пальцем в воздухе фигуры и буквы, хохочет, сверкая белыми зубами, ловит чутким ухом с последней парты подсказку и любезно передает ее адресату. А потом в учительской объясняется с унылой молоденькой учительницей тоном старшего-престаршего, искренне забывая, что и он один из самых молодых директоров школ в области. «Неужели учебник — это безнадежная догма? Неужели вы не можете найти простых и понятных слов для детей? Ведь шутите, острите же вы с подругами!»

Учительница на него не обижается. Он очень терпелив к людям.

И еще я видел, как в школьный радиоузел — детище Костромина — несут заметки из всех классов, от первого до последнего. «...Костя Маркин дергается за косички...» И в каждой сохраняется авторский, «рабкоровский» стиль — так Ленин учил.

* * *

Их приехало сюда тринадцать. Собирались создавать новую школу. Такую, чтобы все по-настоящему, чтобы работа в ней была творчеством, чтобы все силы вкладывать в труд и видеть плоды этого труда в ясных глазах учеников. Без косности, без формализма, без натянутых процентов.

Через год половина уехала.

— Дезертировали, значит?— спрашиваю я.

— Ну-ну, не надо горячиться...— усмехается Костромин.— Сам бы попробовал здесь пожить. Что может удержать тут девчонку, которая всю жизнь ходила по асфальту и каждую субботу — в музкомедию? Созерцание монастырей? Здесь нет клуба. Вот город — нет клуба! Фильмы старые. Куда идти? Из дома — в школу, из школы — домой. Веришь: бывает в комнате у девчонок бутылка водки на столе!

— Ты оправдываешь тех, кто сбежал?

— Нет. Но и не удерживал.

— А почему же сам не уехал?

Он нагибается низко к столу, и я не вижу его лица. Только огонек сигареты вспыхивает, освещая лоб и прядь темных волос, зачесанных назад.

— И я уеду... Когда-нибудь.

Мы сидим в комнате, устроенной с большим вкусом. Наигрывает магнитофон. Не верится, что за окном, завешенным пестрой шторой, спит старый деревянный Верхотурск, а не шумит Арбат. Тишина, и нет света в окнах. В маленьких окнах деревянных домов.

Костромин укладывает меня спать на раскладушку. Справа, над головой, акварель в духе Чюрлёниса — подарок заезжего московского художника, а прямо перед глазами широкий бок печи, разрисованной кольцами, рыбами и человечками.

Костромин специально не гасит свет, смеется, указывая на печь.

— Лежал я однажды, смотрел сюда — торчит белая мразь, мысли всякие нагоняет. Взял и разрисовал кольцами. И вдруг в сплетении колец увидел очертания рыбы. Нарисовал и рыбу. Потом пририсовал человечка. Попробуй-ка составить рассказ по картинке. Сможешь?

Темнота. Лишь одинокие машины пробивают лучом фар шторы, и тогда я вижу угловатый силуэт Костромина и блеск глаз.

— Я ведь долго думал тогда. Когда шестеро откланялись. Этакое перронное настроение... «Еще один звонок, и поезд отойдет...» Видел у меня корень на этажерке, страшный такой, в пружину закрученный? Произведение тех времен. Называется «Самовыражение». Для нас с тобой ничего, в сущности, не выражает. А изнутри так и давит его. Подумал я: приезжает молодой специалист в глушь. В вузе вобрал в себя видимо-невидимо, распирает его от культуры. Туда-сюда... Нет театра. Ван Гога нет и Брехта. И собеседника нет. Вот и начинает «отбывать срок». Свой мир, свою тоску загоняет глубоко... В одиночестве постепенно гаснет и теряет блеск. Жизнь шепчет: нужно объединиться. Тогда духовный мир каждого обогатит жизнь всех. И я сел писать гимн для будущего клуба. Знаешь, какая первая строчка на ум пришла? «Не отдадим себя без нýжды червям тоски и пустоты...» Перл. Особенно «нýжды». И все же я ее оставил. Что страшнее было...

Б. Щербаков. ПРУД САВИНОЙ.

Из серии «Спасское-Лутовиново». 1962—1963.

НАЛИВАЕТСЯ РОЖЬ.

Б. Щербаков. СИРЕНЬ ЦВЕТЕТ.

Из серии «Ясная Поляна». 1960—1961.

МЕСЯЦ НАД РОЩЕЙ.

Один, как ноль, неинтересен.
Один способен одичать.
Мир одного угрюм и тесен,
И на устах его печать.

Это куплет из гимна «Веклумса» — Верхотурского клуба молодых специалистов, предприятия грандиозного по замыслу. Это не просто клуб отдыха молодежи, а организация, способная ощутимо влиять на жизнь всего района. У нее четкая и стройная структура. При такой структуре клуб просто не может бездействовать. Каждая из шести секций работает в отведенной ей области и подталкивает соседнюю. Как будильник и репродуктор в комнате у Костромина: подходит стрелка — включается радио.

«Дядьки» — нештатные воспитатели, друзья подростков и воспитанников детских домов. Контролируют работу школ и детских садов.

Секция «катализаторов» контролирует систему оплаты в колхозах, помогает составлять и осуществлять планы НОТ, следит за культурой обслуживания населения сел и вообще «ускоряет процессы».

«Вездеходы» организуют туристические походы. «Философы» подводят научную основу под деятельность клуба, ведут социологические исследования, разрабатывают темы диспутов. Есть «пресс-группа» и группа «творчество».

У «Веклумса» своя программа и свой устав. Я целый день посвятил разбору клубных бумаг и документов и всюду находил «почерк» Костромина по маленьким, порой почти неуловимым деталям. Вот гриф в углу анкеты: «Заполнять строго оригинально!» И люди ищут, острят, порой неудачно, а иногда великолепно. Но главное — думают. И чувствуется, что им интересно.

Девиз клуба — «Молодость — вот перпетуум мобиле жизни!».

В Верхотурье начал работать вечный двигатель. Это чувствуется и по приподнятой обстановке в райкоме комсомола, где секретарь Гена Саитов, один из главных организаторов клуба, озабоченно и очень долго разглядывает самодеятельный проект помещения «Веклумса». Хлопает по нему ладонью, прячет в стол, потом снова и снова достает, бережно расправляет и показывает многочисленным посетителям.

Это заметно и на улицах городка, где время от времени появляются стенгазеты в стеклянных рамках с подписью: «Издание пресс-группы».

Это улавливается в лицах молодежи и в разговорах:

— Маркс сказал, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. А ты ревешь о потерянной перчатке. Сходи-ка Костромина послушай...

Меня поразила эмблема клуба. На фоне земного шара молодой профиль и рука на его затылке. Упругая толкающая рука. Вгляделся и удивился — профиль сам себя двигает за затылок. Как так? Единственный аналогичный случай был в истории: барон Мюнхаузен тянул себя из болота за косичку.

— Смеешься? Зря смеешься,— буркнул Костромин. — Это, между прочим, и есть вечный двигатель — собственная пятерня на собственном затылке.

* * *

А были ведь и раньше в Верхотурье люди, которые, глядя по вечерам на безмолвные улицы города, подумывали порой: «Хорошо бы сделать что-нибудь эдакое... Чтобы собираться вместе, петь, истории разные рассказывать...»

И, верно, немало было таких людей. Носили они радужные мечты в голове, вздыхали. Но вздыхать — одно, а делать — другое. Между мечтой и делом огромное расстояние, огромный шаг. И слава человеку, который делает этот шаг. Он как первый камень горного обвала. За ним два, три... Потом лавина.

Мы долго говорили с Костроминым в ту ночь про клуб и вообще про жизнь.

Я слушал и боялся позабыть, обронить потом, в спешке слова и отточенные мысли, стреляющие в меня из темноты.

Я прислушивался к его голосу, к уральскому выговору, который нет-нет а проскальзывал в некоторых интонациях. Простой ведь парень. Уроженец маленького поселка, почти села под Свердловском. Что там? Железнодорожный переезд, две улицы домов с палисадниками, огороды... Сутулый отец в потрепанном пиджачке, накинутом на плечи... Каждую весну крышу своего дома выкладывает битыми стеклами, чтобы издали сверкала. Соседи смеются. Зато в солнечные дни крыша ослепительно сияет, пассажиры смотрят в окна вагона и удивляются. А ночью лунный свет ударяет в стекла и отражается в них синими иголочками. И с самолета это, наверное, тоже видно.

* * *

Над заснеженным Верхотурьем плывут купола церквей. Знаменитые монастыри поглядывают свысока на деревянные домики и времянки.

Под самым куполом картина, местами обвалившаяся: среди леса воздетых рук, шагнув из мрака, движется по воздуху Иисус, излучая мягкий свет.

— Столько икон отсюда поворовали!— зло говорит Костромин, указывая на пустые иконостасы.— Утащили старухи, попрятали по подвалам и ходят туда со свечой. А говорят, хорошие были. Итальянские. Надо бы их разыскать... Разыщем!

В глубине решетчатого окна виден кусок города. Луч солнца, пробив серые тучи, заиграл в снежных сугробах, скользнул по раскрашенным изразцам, позолотил резные ставни домов, и вдруг сердце замерло: словно в глубь веков вдвинулось решетчатое окно, словно не окно это, а экран, на котором мелькает фильм из истории народа.

За зубчатой стеной монастыря стоит терем, построенный для Гришки Распутина. Настоящий русский терем с красным крыльцом и петушками на крыше. Некогда вдоль зубчатой кирпичной стены шли, сгорбившись, со всей Руси странники — целовать мощи Самсона Праведного. Старики до сих пор помнят эти мощи, белое, вытертое тысячами губ пятно на лбу черепа. По лесам, которые и сейчас окружают Верхотурье плотным кольцом, шли люди в город церквей и отшельников.

— Что, увидел видение?— словно издалека слышу я голос Костромина.— Красиво! Я отсюда много снимал: хочу панораму города сделать. А здорово умели одурманивать, сволочи!

Его голос гудит под сводами, и со стен сыплется штукатурка. Он стоит, расстегнув пальто, крепко упираясь в заиндевевший пол протекторами ботинок.

— Была бы возможность отапливать — мы бы здесь «Веклумс» устроили, у Христа за пазухой. Такое бы устроили, чтобы и те, шестеро, завидовали!

Мне на всю жизнь запомнится эта фигура в распахнутом пальто, вполоборота к огромному, рыхлому телу Христа, расстеленному по стене.

Я буду скучать о Костромине в сырые осенние вечера, когда появляется неуверенность в самом себе, когда хочется обернуться и увидеть дружественный огонек сигареты в полумраке комнаты.

Мне приятно будет сознавать, что когда-нибудь снова приеду к нему, потолкую с ним о разных разностях и просто помолчу рядом... Переберу его архив, путевые записки, дневники, цепкие зарисовки из окружающей жизни... Потрогаю громадный рог козерога на стене — трофей путешествия по Тянь-Шаню, загляну в ствол старого безотказного ружья...

Вот тебе и «отшельник». А здорово быть таким — написать стихотворное прощание с флотскими клёшами, услышать в детском разговоре острую мысль, зажечь сердца идеей, увидеть жизнь в мертвом корне...

— Эти штуки еще нужно чистить и доделывать,— сказал один «умник», разглядывая коллекцию Костромина.

Не этот ли «умник» воздвигнул в Верхотурском сквере фигуру шахтера, одетого в мешковатые каменные штаны? Не он ли выставил гипсовых медвежат с барабанами? Не он ли, суетясь в административном рвении, возводит безвкусицу в эталон красоты и способен любой уголок земного шара превратить в глубокую провинцию?

А люди потом приезжают и разочарованно разводят руками:

— Ну и ну... Глухомань!

Костромин любит свою коллекцию. Вертит в руках сказочные фигурки, щурится, задумчиво трет подбородок.

— Я сначала не мог рассмотреть движения, видел только частями —головы, руки, ноги. Нужно постараться, чтобы увидеть законченную форму. Везде есть красивое, во всем. Нужно только приглядываться, чтобы среди бутафории увидеть и понять настоящее.

* * *

Еду из Верхотурья в ночном поезде. Ворочаюсь. Грохочут колеса под вагоном, и за окном что-то вспыхивает и сияет. Может быть, стекла на крышах?

Вспоминаю плывущие над городом купола церквей, комнату с человечками на печи, склоненные над столом головы веклумсовцев.

Есть вечные двигатели. Вопреки всем законам природы есть.

Верхотурье—Свердловск.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

О первых двух встречах майора Советской Армии Алексея Глебова и чешского паренька Вани Клима уже рассказывалось в «Огоньке» № 15 за 1965 год.

— Первая встреча с Ваней и его семьей у меня произошла в Чехословакии в мае 45-го. Ване тогда было,— улыбается Алексей Гаврилович Глебов.— ноль часов ноль минут...

Советская часть, в которой воевал Глебов, освободила чехословацкое село Стара Вес. Оказалось, что в доме, где решили разместить раненых советских солдат, рожала женщина. Алексею Гавриловичу, который тогда командовал санитарным взводом батальона, пришлось стать акушером. Мальчика назвали в честь русских освободителей Иваном. Было это 3 мая 1945 года. Тогда же майор Глебов написал своему крестнику Ване Клима письмо. На конверте стояло: «Вскрыть через 15 лет». В письме вместе с добрыми пожеланиями гражданину свободной Чехословакии Глебов оставил и свой адрес. И вот ровно через пятнадцать лет Алексей Гаврилович получил письмо от Вани и его родителей. Так началась дружба двух семей. В 1963 году Глебов побывал в Чехословакии, в тех местах, где 18 лет назад воевал, где началась биография Вани Клима. Родные Вани, все село Стара Вес встречали Глебова и его семью, как дорогих и желанных гостей, как родных. Обо всем этом рассказал Алексей Гаврилович на страницах «Огонька» в очерке, который назывался «Человек родился». После появления этого очерка Глебов получил много писем от старых боевых друзей, с которыми вместе воевал и которых потерял из виду после окончания войны. Пришло письмо и от пионеров Стара Вес. Они решили назвать свою организацию именем майора Глебова. Кончался этот очерк так: «С Ваней и его родителями мы по-прежнему переписываемся. Надеемся на новую встречу у нас, на советской земле».

И вот эта встреча состоялась. Ваня Клима, студент металлургического института, вместе с сестрой Елой, которая учится в техникуме, приехал в Советский Союз. Неделю гостили они в городе Ефремове, где живет Алексей Гаврилович и его семья.

— Эти дни мы никогда не забудем,— говорят Ваня и Ела.— Как нас принимали пионеры, молодежь города! Мы успели и на танцах побывать и на рыбалку ездили. Побывали и в Ясной Поляне, в музее Льва Толстого. И вот теперь Москва. Мечта сбылась. А впереди у нас интересное путешествие: вместе с Алексеем Гавриловичем, его женой, сыном Володей и дочерью Олей едем по туристическим путевкам на Черное море.

Недавно брат и сестра Клима и автор очерка «Человек родился» А. Глебов были гостями «Огонька». Здесь и был сделан снимок, который скоро займет место в семейных альбомах Клима и Глебовых.

Слева направо: Ваня Клима, Володя Глебов, Алексей Гаврилович, Оля Глебова и Ела Климова.

В. ВИКТОРОВ

Фото Е. УМНОВА.

ХРУСТ

От частого употребления слова стираются. Это известно. Но если бы вам захотелось убедиться в том, что одно из самых распространенных слов нашего времени от частого упоминания не только не тускнеет, но, наоборот, приобретает хрустальную звонкость, представьте себе (с помощью фотографий, напечатанных на этих страницах) стадион в Артеке.

Мы с вами на территории пионерской республики, на новом стадионе, поднявшем свои трибуны не только над беговой дорожкой, но и над самим Черным морем. И на этом стадионе слово «дружба», многократно выписанное на всех языках, вдруг приобрело весомую трехмерность хрустального кубка.

История этого кубка могла бы лечь в основу романтической повести. Судите сами: в 1955 году, когда юным спортсменам разных стран, которые сегодня собрались в Артеке, было всего лишь по два-три года, польские специалисты по физическому воспитанию и журналисты пионерской газеты «Свят млодых» придумали пионерское четырехборье — бег на 60 метров, прыжки в длину, прыжки в высоту и метание стопятидесятиграммового мячика! Вскоре хрустальный Кубок Дружбы был впервые разыгран на международных соревнованиях по четырехборью.

За это время, до своего нынешнего прибытия в Артек, Кубок успел совершить путешествие по многим странам Европы. Он побывал дважды в ГДР, трижды в СССР, в Болгарии, в Румынии, дважды в Чехословакии, а теперь из Крыма снова отправился в Болгарию. Такое путешествие связано с увлекательными событиями в жизни юных легкоатлетов многих стран.

...Так прошло уже десять лет. Сколько поколений юных спортсменов сменилось! Первые вла-

Победители десятых юбилейных соревнований по пионерскому четырехборью — школьники из Пловдива (Болгария) вместе со своим учителем Стефаном Минковым. В руках у них хрустальный Кубок Дружбы. Дипломы победителям вручает почетный главный судья соревнований, заслуженный мастер спорта Нина Пономарева.

1

2

3

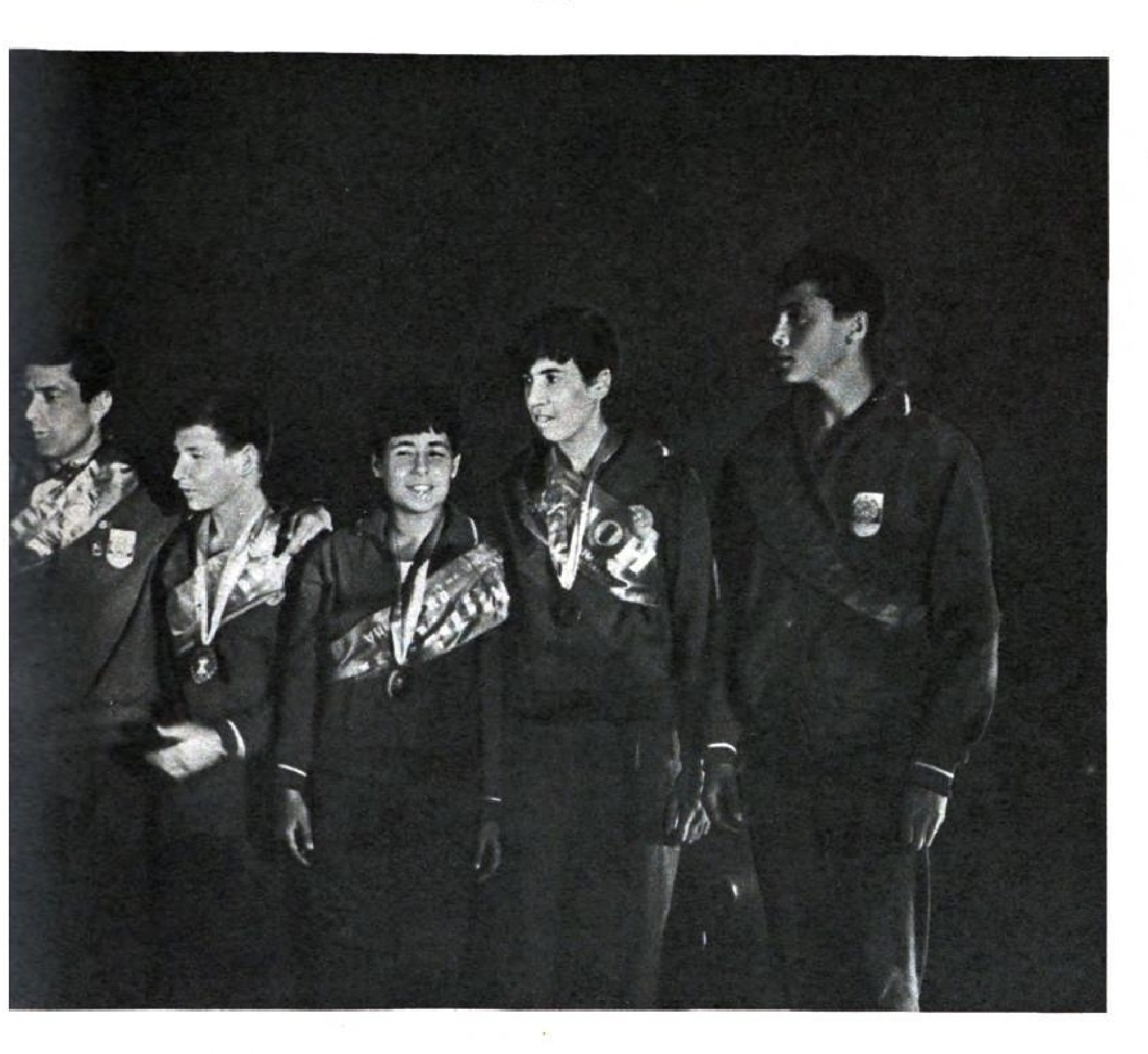

4

5

аль дружбы

дельцы Кубка стали взрослыми и многие из них — известными атлетами, а дружба, зародившаяся во время первых соревнований в польском городке Цетневе, прошла испытания на берегах Шальмютценского озера в ГДР, в Праге, в Артеке, Будапеште, Софии, в польской Зеленой-Гуре, снова в Праге, в Магдебурге и снова в Артеке.

В 1965 году в борьбе за Кубок в предварительных соревнованиях приняло участие 13 миллионов ребят из разных стран! В финале, разыгранном в ГДР, почетный хрустальный приз был вручен спортсменам из московской 75-й школы, которые дважды были призерами в борьбе и за кубок «Огонька» среди столичных школ. И вот питомцы преподавателя Александра Ивановича Волкова (читатели «Огонька» имели возможность познакомиться с ним, прочитав в № 3 журнала за этот год очерк «Обыкновенный ваятель») встретились на берегу Черного моря со своими друзьями из многих стран.

Снова развернулась яркая, интересная борьба, и снова, как в Магдебурге, право владеть Кубком оспаривали прежде всего советские и болгарские ребята. Но это были уже не те спортсмены, которые выступали год тому назад. Многие потеряли право участвовать в пионерском четырехборье (по статуту соревнования возраст участников ограничен 12—14 годами). Вот и среди спортсменов 75-й школы все новые лица. Александр Иванович целый год напряженно готовил свою команду. Москвичи, проигрывая после бега и прыжков в длину спортсменам Польши и Болгарии, сумели почти наверстать упущенное в прыжках в высоту. Питомцы Волкова великолепно владеют современным прыжком и чувствуют себя на высоте, как маленькие Брумели...

И все же хрустальный Кубок Дружбы вручен команде пловдивской школы, которая закрепила свой успех в метании мяча. Москвичи заняли второе место, а польские ребята из 33-й варшавской школы — третье.

Руководитель болгарской команды Виктор Алексиев, которого я поздравил с победой, поблагодарил меня и сказал, улыбаясь:

— А вы знаете, какой вопрос мы хотим поднять? Чтобы соревнования на Кубок Дружбы проводились всегда в Артеке. Ведь здесь мы второй раз добились успеха!..

Мы посмеялись, но я подумал, что многие гости, наверное, присоединились бы к этому шутливому заявлению. Первоклассный стадион на берегу теплого моря, просвеченные солнцем здания Олимпийской деревни, красочная природа Крыма, горячий интерес артековцев к соревнованиям — все это радовало ребят. И сейчас, когда дни, проведенные рядом с молодыми спортсменами девяти стран, уже позади, мы все еще видим парящий бег Яцека Маковского и Ирены Валукевич — ребят из 33-й варшавской школы, отличные прыжки в высоту нашего Евгения Репина, прекрасное выступление юного метателя из ГДР Лотара Бургхора. Но мы видим не только победителей, рослых, атлетически развитых. Перед нами стоит и невозмутимый, не знающий ни страха, ни сомнений маленький финский мальчик Кари Мяенпя и венгерская девчушка Маргит Ковач, которые не сдавались до последней минуты. Мы видели, как побежденные восторгались успехами победителей и трибуны встречали громом аплодисментов и тех и других. А потом был апофеоз — вечер закрытия, сверкающие под лучами прожекторов полированные грани призов, учрежденных многими редакциями газет и журналов, и ночной фейерверк, взмывающий над стадионом, над морем...

Пусть же продолжает свой добрый путь хрустальный Кубок Дружбы!

1 Побеждает Яцек Маковский, но монгольский спортсмен Баянтугс Насанбуянгийн борется до самого последнего метра.

2 Учитель 75-й московской школы А. И. Волков поздравляет своих питомцев Витю Степанова, Женю Репина и Володю Надточиева.

3 Вот он, мальчик из Финляндии Кари Мяенпя, не знающий ни страха, ни сомнений в спортивной борьбе.

4 Сейчас мячик взлетит в воздух.

5 Ирена Валукевич отлично пробежала 60 метров.

6 Артековцы были на такой же высоте, как и их гости.

7 Болгарке Теменужке Варимезовой и мальчику из ГДР Лотару Бургхору были вручены кубки «Огонька» за лучшие результаты в метании мяча.

6

7

«САША ПЛЮС МАША...»

— Присаживайтесь, рассказывайте. Каким ветром в Москву принесло? Потревожили?

Они сидят друг против друга, уже хорошо знакомые теперь люди. Профессор держится легко, несколько даже непринужденно. В тот день, когда он выплеснул все накипевшее, наболевшее, породившее кошмары, страхи, тревоги, перед ним раскрылось все лучшее, чем богато человеческое сердце. Невозможное, страшное, угрожающее стало простым и удивительно ясным. Да, опростоволосился! Но удержался от шага, за которым начиналась пропасть. А вскоре пришло еще одно облегчение — развеялся гестаповский кошмар, рухнула клеветническая легенда. Однажды его вызвали в местный орган Комитета госбезопасности и сообщили, что из Москвы получена весьма приятная для него весть. Сравнительно недавно на юге России был арестован гестаповский холуй Михаил Пузанов, который на следствии, между прочим, показал, как он пытался спровоцировать на предательство молодого парня по имени Костя, как по указанию гестаповцев пустил в городе слух, будто этот Костя выдал фашистам своих сообщников по подполью. Вот и все, конец легенде! Но это потом, а пока...

Пока он подробно рассказывает, как все было.

— Почти год прошел. Никто не тревожил меня. И вдруг заявился «гость». Это случилось недели две назад, в воскресенье. Я возвращался с охоты. Иду лесной опушкой, и на самом повороте шоссе меня кто-то сзади тихо окликнул. Я обернулся. Человек протягивает мне значок с видом Эйфелевой башни: «Это не вы обронили?» Протягивает и улыбается. А я едва на ногах стою. Кровь хлынула к лицу: «Значит, все-таки вспомнили!» Спрашиваю: «Кто вы такой?» «Вам это не надо знать. Завтра меня уже не будет в этом городе. Слушайте и не возражайте: под любым предлогом вам надо приехать в Москву. Не дадут командировку, сошлитесь на болезнь близкого человека. Вот вам деньги на поездку. Если через две недели не приедете в Москву, пеняйте на себя». «Я не могу сейчас уехать. Меня не пошлют в Москву...» «Возьмите отпуск за свой счет. Выдумайте подходящий предлог. Когда приедете, сразу дадите знать: на внутренней стене будки-автомата в вестибюле кино «Ленинград» напишете: «Саша плюс Маша = любовь». Не вздумайте вилять. Вас найдут».

Слушаю я эту директиву, а самому, честно говоря, так не хочется ехать, так не хочется встречаться с этой гадиной. Схватил бы сейчас вот этого... Но понимаю: нельзя. Помню ваши советы. Вернулся домой и думаю — честно, как на духу, говорю вам: «Эх, задержал бы меня директор, не пустил бы!» И вдруг, представьте, прихожу утром в институт, а мне директор говорит: «Срочно выезжайте в Москву. Звонил Алексей Михайлович, соглашается консультировать вас». Я аж обомлел.

Профессор повез на консультацию Круглова проект новой схемы управления сложной установкой, работающей на том же принципе, что и установка, известная в узком кругу ученых как «эффект К». Настроение приподнятое. Дела в институте идут отлично. Вот если бы только не предстоящая встреча.

— Волнуюсь, не знаю, смогу ли разыграть все так, как требуется. Я ведь человек не очень способный по этой части. Не подвести бы вас.

— Нет, нет, вы не то говорите. Раз надо, значит, сумеете. Думаю, что на связь с вами кто-то выйдет. И очень скоро. Вы уже отметились в будке телефонного автомата? Нет еще? Напрасно. Я бы на месте резидента отчитал вас за такую недисциплинированность. Сегодня же отмечайтесь. Помните: «Саша плюс Маша...» После встречи с резидентом на следующий же день звоните мне. А увидимся мы с вами уже не здесь. Я вам скажу где...

Резидент не заставил долго ждать себя. Кто сообщил ему, что он, Константин Петрович, сегодня в «Эрмитаже» слушает какую-то южноамериканскую звезду, сие для профессора осталось загадкой. Но при выходе из театра, в саду, к нему подошел высокий, широкоплечий, атлетического телосложения дядя с несколько приплюснутым носом и так же, как там, в сибирском лесу, протянул значок с видом Эйфелевой башни: «Это не вы обронили?..»

Профессор, уже давно подготовленный к такой встрече, тем не менее вздрогнул, испуганно шарахнулся в сторону и даже задал какой-то глупый вопрос:

— Кто вам сказал, что я сегодня в «Эрмитаже»?

— Не ставьте дурацких вопросов. Это я должен вас спросить: почему вы опоздали с подачей сигнала? Будем считать инцидент исчерпанным. Отнесем на счет рассеянности ученого и займемся делами. Их у меня два. Первое — меня просили передать вам этот небольшой сувенир. Красочный альбом... В память о той ночи — фотографии, запечатлевшие вас не в лучшем виде. Извольте — получайте.— Он было протянул альбом, а потом резко отдернул руку.— Простите. Послушайте раньше еще об одном деле. Они, эти дела, близнецы, двойняшки, и один без другого жить не могут...

Атлет хихикнул, довольный своей остротой.

— Теперь слушайте внимательно. Вы в курсе намеченных профессором Кругловым экспериментов. Нам известна проблема и еще кое-что. А нам нужны точные данные о последних его исследованиях. Плюс такие же точные сведения о работах вашего сибирского института, которые, надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам... Через три дня мы встретимся у остановки троллейбуса номер три на улице Чехова, возле Пушкинской площади. В девятнадцать ноль-ноль.

Птицын слушает профессора, а в голове уже складывается очередное уравнение с неизвестными. О, их, к сожалению, еще многовато. «Кое-что» им уже известно, просят точные данные. А кто же поставляет это «кое-что»? Не тот ли, кто сообщил резиденту, что профессор пошел в сад «Эрмитаж»?! «Кое-что»?

Птицын задумался. Он сам был в свое время причастен к науке. И хорошо знал цену этого «кое-что». Птицыну, когда он был аспирантом на кафедре радиоэлектроники, профессор частенько говорил: «У вас дар исследователя, аналитический ум. Это очень важно для ученого».

Птицын вспомнил своего учителя и улыбнулся. Что поделаешь? Его «дар исследователя и аналитический ум» были по достоинству оценены людьми, работавшими совсем в другой области... Вначале не очень-то было по душе. Смирился лишь постольку, поскольку партия приказала,— шла мобилизация на работу в органы госбезопасности. Но потом вошел во вкус. Дар исследователя, оказывается, и здесь требуется не меньше, чем в радиоэлектронике...

Итак, что же получается?..

Он достал из папки запись бесед с Петром Максимовичем. Вновь и вновь перечитывал строки, уже давно привлекшие его внимание: Егоров вторично встретил человека, приходившего к нему за спиннингом... Неужели это случайность — из магазина вышла она, близкий друг Петра Максимовича, а через несколько минут вслед за ней — он, Атлет... Резидент... Если это не случайность, тогда...

— Вот что, Константин Петрович. При встрече с Атлетом скажите ему, что последние данные о работе института Круглова вы можете получить от самого Круглова, вашего доброго знакомого, но что вам при беседах с шефом очень мешает его ближайший помощник Егоров: при нем профессор менее откровенен, более сдержан...

— Что же от меня требуется? Скажу я ему это... А дальше...

— Спокойствие и выдержка. Атлет должен вам верить во всем. Скажите ему, что в четверг вы задержитесь подольше с Кругловым... Конечно, если вам не помешает Петр Максимович... Желаю успеха...

ОНИ ПЛЫЛИ РЯДОМ

В пятницу с утра Птицын позвонил Петру Максимовичу и условился о встрече.

...Все стало на свои места. Да, это она, девушка, к которой Егоров спешил в памятное воскресное утро, та самая девушка, что вышла тогда из «Гастронома» на две минуты раньше резидента. В четверг она точно выполнила задание: как Егоров ни сопротивлялся («Пойми ты, Наташа, мне надо завтра шефу докладывать. Сегодня я никак не могу уйти пораньше»), она все же увела его в театр («Пусть это будет моим капризом. Я ведь не так часто капризничаю. Не правда ли?»).

Теперь Птицын вынужден сказать Егорову всю правду. А это нелегко. Петра Максимовича уже, видимо, терзают тяжелые предчувствия. Но иначе нельзя. Он должен все знать. Так требует план операции.

...Они гуляли по набережной — это любимое место их прогулок: здесь, собственно, все и началось у них. Первое пожатие руки, первое объяснение в ту безлунную ночь.

А сейчас он смотрит на нее глазами, перед которыми открылся весь ужас свершившегося. Он думает о том, хватит ли у него сил выдержать и не выдать себя. Должен, обязан выдержать, не имеешь права выдавать себя — это ничтожно малая расплата за все... За что? В чем т в о я вина, Петр?

— О чем ты думаешь, Петя? Ты меня не слушаешь...

— Прости, пожалуйста, Наташа, я действительно задумался. Меня все же тревожит визит иностранца и его предложение насчет статьи. И потом неожиданный отбой...

— Меня тоже что-то тревожит... После визита этого джентльмена... Петя, вспомни, ты за рюмкой водки не сболтнул ли чего-нибудь лишнего?— испуганно спросила она.

— Успокойся, Наташа. Ты ведь знаешь, какой я пьяница... Я, конечно, ответил на некоторые его вопросы...

И Петр Максимович вслух стал вспоминать вопросы, которые ему задавал Карл, и свои ответы.

— А по-моему, Петя, ты был слишком откровенен с ним...

— Ты не волнуйся за меня. Главное в нашем открытии совсем не то, что я ему рассказал. Ведь мы нашли...— И он долго говорил о последних исследованиях института. Однако Наташа не слушала его и довольно откровенно позевывала.

Майор как в воду глядел: «Ни одного вопроса она не задаст вам»,— вспомнил Петр Максимович.

— Прости меня, пожалуйста, Наташенька... Для тебя это, конечно, скучная материя, а для меня — вся жизнь...

Был жаркий субботний вечер. Они зашли на «поплавок» поужинать. Наташа была очень весела, ласкова.

— Мне всегда недостает тебя, Петя... Знаешь, поедем завтра в Химки, искупаемся, пообедаем...

На следующий день сразу после работы Наташа поехала в Химки. Петр Максимович задержался в институте, и они условились встре-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 30—32, 34.

— Голубчик, переклей обои! Я тебе еще и на вытрезвитель дам.

Рисунок В. Воеводина.

— Но ведь я ей поклялся достать Луну...

Рисунок Е. Шабельника.

титься в семь часов вечера у входа в речной вокзал и вместе пообедать.

...Она уплыла далеко. Рядом с ней неожиданно появился мужчина. Кругом — ни души. Какую-то минуту плыли молча, бок о бок. Достав из-под купальника спрятанный на груди непромокаемый мешочек, она протянула его пловцу.

— Тут последние данные. Я их записала со слов Егорова.

— Хорошо. Изучим, решим, что дальше делать. Инструкцию и вознаграждение получите через тайник номер два.

И они поплыли в разные стороны.

В семь вечера Петр Максимович ждал ее у подъезда речного вокзала.

За ужином Наташа говорила Петру ласковые слова, которые его уже не согревали. Но он помнил, что ему надо улыбаться... И он улыбался...

«ДЕЙСТВУЙТЕ БЫСТРЕЕ ТЕМ ЖЕ СПОСОБОМ»

Переводчица была арестована через десять дней после того, как в Москву пришел журнал с сенсационной пятидесятистрочной заметкой. В этот же день в момент свидания с сибирским профессором был арестован и Атлет. Он оказался ягодкой того же поля, что и Серж. Для окружающих — он плановик одного из московских учреждений.

Их обоих могли арестовать сразу же, в Химках, где Атлет принял от переводчицы мешочек с «сенсационной информацией» на 50 строк — момент этот был зафиксирован должным образом. Но сотрудники органов госбезопасности решили подождать несколько дней («Посмотрим, как будут развиваться события»).

Все эти десять дней они, что называется, не спускали глаз с Венеры и Атлета. Венера снова вышла на связь с Атлетом. Была перехвачена шифровка в их тайнике: «Требуем новых данных о работах профессора. В полученной информации оказались неточности. Нужны уточнения. Используйте благоприятную ситуацию: после публикации в зарубежном журнале секретность темы ослабеет. Действуйте быстрее тем же способом».

И она продолжала действовать. Шел уже девятый день после прихода журнала в институт. Именно в этот день утром из тайника была изъята шифровка Венеры с какой-то формулой и схемой.

Все! Рисковать дальше нельзя. Надо просить у прокурора санкцию на арест Венеры и Атлета.

КАК ЭТО БЫЛО

Она не отпиралась и поведала печальную историю своего падения.

Это случилось во время практики. Наташе в «Интуристе» поручили работать с иностранным гостем-ученым. Она должна помочь ему познакомиться с нашей страной, услуги ее могут потребоваться и днем и вечером: в научном институте, и в театре, во время прогулки по городу или на встрече с советскими коллегами за ужином.

Наташа с волнением приступила к новому для нее делу и быстро освоилась с ним. Ей понравился необычный для нее образ жизни — машины, приемы, театры. И еще одно немаловажное обстоятельство: иностранец был сравнительно молод, обаятелен и очень внимателен к ней.

Нет, она не поедет к Димке в тайгу. К чему, зачем? «С милым рай и в шалаше» — это выдумка неудачливых девиц. Теперь она это уже твердо решила и даже написала Диме: «Не сердись, кактус! Ты должен понять меня».

Однажды в холле гостиницы студентка встретила сотрудницу «Интуриста», помогавшую практикантам. «Рада сообщить вам, ваш подшефный весьма доволен своим гидом».

Тогда Натали еще не догадывалась, что у ученого были серьезные для этого основания: его вполне устраивала болтливая, веселенькая, падкая на комплименты и сувениры девушка. Тогда она еще не догадывалась, почему так участливо иностранец расспрашивал ее о погибшем отце, о матери, бабушке, дяде. У девушки учащенно билось сердце, когда гость, будто невзначай, задерживал ее тоненькие пальчики в своей большой руке...

Однажды он познакомил гида со своим другом юности («Мы вместе учились в колледже»), работником посольства. Они втроем несколько раз были в Большом театре, ездили в Загорск, в Лавру. И в тот прощальный вечер, когда ученый собирался улетать домой, когда он горячо благодарил свою переводчицу (не только словом, но и прекрасным сувениром), сотрудник посольства тоже был тут, вместе с ним. Ученый дружески похлопывал его по плечу.

— Я прошу тебя, мой друг, не оставлять без внимания мисс Натали. Она заслуживает этого.— И он галантно поцеловал ей ручку.— Вспоминайте меня, когда будете вместе... Я даже разрешаю вам когда-нибудь выпить за мое здоровье... Но ни шагу дальше...— И ученый весело хохотал, обнимая своего друга.

И Натали смеялась. А ученый продолжал:

— Мисс Натали, я вас тоже прошу не забывать моего друга. Он пишет книгу о русской науке, и, может быть, ему потребуются какие-нибудь справки, или официальные справочники, или устная консультация. Если это вас не очень обременит, помогите ему. Я заранее благодарю вас.

«Друг» дал о себе знать через неделю после отъезда ученого: позвонил Наташе домой и пригласил ее в ресторан.

— Я хотел бы воспользоваться вашим любезным согласием помочь мне... Вы как-то говорили, что читали о последних открытиях советских пушкинистов. Мне хотелось бы побеседовать с вами на эту тему...

Они пили кофе по-турецки и французский коньяк. Говорили о русском балете и венском айс-ревю. Ну, конечно, и о пушкинистах. Дипломата очень заинтересовал тот факт, что какие-то потомки Пушкина оказались в родстве с английской королевой.

Они встретились раз, другой, третий. Как всегда, Наташа без умолку щебетала о маме, бабушке, дяде, институте, рассказывала о студенческих вечерах, на которые приезжают ребята из МГУ и МВТУ, о парне из МВТУ, который зачастил к ним на вечера и танцует только с нею. Так разговор зашел об МВТУ.

— Я хочу рассказать об этом великолепном институте в своей книге. И был бы очень признателен вам, если бы вы разузнали для меня некоторые детали обучения в нем. Вы, кажется, говорили, что ваш поклонник учится там? Или я ослышался?..

Даже не очень сметливый человек, услышав такую просьбу иностранного дипломата, должен был насторожиться. Но девушка выполнила и эту просьбу: поклонник ее оказался парнем весьма болтливым.

Наташа охотно встречалась с сотрудником посольства. Бывала у него дома. Иногда у нее появлялась потребность в диалоге с собственной персоной. «К чему это тебе?» «Ну просто так... Приятно время провести. К тому же это прекрасная разговорная практика». В ходе «практики» Натали с удивлением обнаружила, что сотруднику посольства хорошо известно имя ее дяди. Поначалу это несколько озадачило переводчицу. Но ненадолго. Посыпались комплименты. И в ее адрес и в адрес дяди: «Блестящий ученый, острый ум, смелый экспериментатор...» Наташа прервала собеседника и сама стала рассказывать об исследованиях Федора Степановича все, что запомнилось из его рассказов,— старика иногда одолевала словоохотливость. Иностранец рассеянно слушал и незаметно переводил разговор на какую-то другую тему, хотя к исследованиям дядюшки, словно невзначай, они возвращались несколько раз...

И вот наконец... В тот вечер он ее встретил у себя дома с подчеркнутой галантностью. Когда они сели за стол, он достал из кармана коробочку, раскрыл ее, и на красном бархате ослепительно блеснуло золотое кольцо с бриллиантом.

— Вася, полный вперед!

Рисунок Ю. Черепанова.

— Это ты только один раз попробовал постирать сам...

Рисунок Е. Шабельника.

— Мисс Натали, я буду с вами откровенен. Вы сообщили мне сведения, очень ценные для нашего правительства. Я хотел бы от его имени отблагодарить вас...

Она растерялась, засуетилась, стала отталкивать протянутую коробочку, вскочила с места...

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

Он стоял перед ней, этот сухопарый, с виду еще молодой человек в щеголеватом костюме, с матово поблескивающими, гладко прилизанными волосами и нагло рассматривал ее красивое лицо.

— О, не надо так... Я мог бы сейчас включить магнитофон и предоставить вам возможность выслушать, например, ваш рассказ о работах дяди... Или об МВТУ... Передавая вам этот скромный подарок, я хотел бы попросить вас помочь мне узнать некоторые дополнительные данные, касающиеся дядюшкиной лаборатории. Поверьте, это важно для всемирного прогресса. Наука не может замыкаться в рамках одной страны.

Она, как затравленный зверек, металась по комнате.

— Как вы смеете!.. Вы хотите, чтобы я занялась...

Он подошел к ней и мягко прикрыл ее рот своей большой ладонью.

— Не надо, не надо так говорить, мисс! К чему такие слова? Вы умная девушка. И мы всегда найдем с вами общий язык. Это случается, когда стоит дилемма: или пойти с повинной в Комитет государственной безопасности, или... Не будем больше говорить об этом... Я хочу выпить за здоровье очаровательной мисс Натали.

Терзания легкомысленной девушки длились недолго. У Наташи не хватило воли пойти с повинной.

— Ваша главная задача,— наставлял иностранец,— отлично учиться, чтобы заслужить право на интересную работу после окончания института. Что я считаю интересной работой? Переводчица большого научного института... Для начала... А в будущем? О, у вас прекрасное будущее, вы должны стать и переводчицей и ученой. Да, да. Вы одаренная девушка, вы будете работать и учиться в институте. Ваш дядя позаботится об этом. Вы пойдете в науку... Вам ясно?..

С того дня Натали перестала быть «Натали» — она теперь «источник информации». У нее есть строгий хозяин, который перестал быть галантным мужчиной,— он приказывает, требует. Они не должны больше встречаться. И вообще ей следует держаться подальше от иностранцев, поближе к советским ученым.

— Ваша главная задача: постарайтесь попасть в отдел Алексея Михайловича... Старик нас очень интересует... Меня вы, возможно, больше никогда не увидите. Связь со мной будете поддерживать через человека, который сам найдет вас в удобном ему месте. Пароль: «Где тут ближайшая булочная?» Вы ответите: «Сейчас я вам покажу». Запомнили? Дальше будете действовать по приказу этого человека. Если вы мне потребуетесь лично, я вас сам найду. Если вы когда-нибудь встретите меня, то не вздумайте по собственной инициативе подойти ко мне.

И он посмотрел на нее своими серыми прищуренными глазами, пренебрежительно скривив губы.

«Человек» дал о себе знать только через полгода. На привокзальной площади к Наташе подошел крепыш атлетического телосложения, в бежевом спортивном костюме. По ней скользнул взгляд холодных, зорких зеленых глаз, широко посаженных на лице с тяжелым подбородком и приплюснутым носом.

— Где тут ближайшая булочная?

На секунду она растерялась, метнула взгляд то в одну, то в другую сторону (позже резидент строго отчитывал ее за это), посмотрела на шагающего рядом с ней человека испуганно и с трудом выдавила:

— Сейчас я вам покажу.

Однако Наташа быстро нашла себя в амплуа «источника информации» под кличкой «Венера». В течение месяца она уже успела заслужить благодарность Атлета — так он приказал называть себя, предупредив:

— Не пытайтесь узнавать мое имя, отчество, фамилию. И фамилию нашего шефа забудьте — он для нас «Аристократ».

Она передала сведения о преподавателях института иностранных языков; о пианисте Ф. из маминой бригады («Часто выезжает на гастроли за границу»); о своем однокурснике Саше («Его посылают работать в торгпредство... Любит крепко выпить и волочиться за девушками»). А вот что касается Димки, его рассказов о строительстве химкомбината в тайге — на это у нее не хватило духу... Почему? Наташа сама не могла в этом разобраться...

Уже была отработана техника связи, облюбованы тайники, один из них в парке, в дупле старого дуба, где Наташа оставляла коробочку или конверт, который потом забирали. Уже было освоено искусство тайнописи и шифра. Она научилась слушать своих собеседников с безразличным видом и в то же время накапливать в памяти целый ворох фактов. Кое-какие сведения о работах Алексея Михайловича уже были переданы иностранной разведке. Но еще недостаточно точные и полные. Разведка ждала более глубокой и квалифицированной информации.

— Хозяин доволен вашей работой. Но пора подниматься на новую ступень,— требовал Атлет.

— Каким образом? Что я еще могу сделать?

— Аристократ просил вам напомнить о вашем самом сильном оружии.

— Каком?

— Вы красивая женщина... Вы рассказывали про Петра Максимовича...

Наташа не подвела Аристократа. Все развивалось так, как было задумано. Она отлично вошла в роль...

И вдруг первая осечка. В назначенный день и час она должна ждать Атлета у метро «Сокол». Он редко прибегал к таким встречам, предпочитая связь через тайники. Но в последнее время «работа» стала напряженной, требовала оперативной связи и даже непосредственных контактов. Задания поступали срочные, самые неожиданные.

— Немедленно сообщите о приезде ученого из Сибири. Его зовут Константин Петрович... Постарайтесь дать знать в день приезда: возвращаясь домой, держите одну перчатку в руках.

— Дайте знать, где, как, когда сибиряк собирается провести вечера. Если в театре — сообщите, в каком.

А потом она получит еще более странное задание:

— В четверг Петр Максимович не должен после работы оставаться в лаборатории. Вместе с вами или один, как хотите, но он должен покинуть институт. Держите... Билеты в театр на этот вечер могут пригодиться.

Вот и сегодня, видимо, что-то срочное побудило Атлета назначить ей свидание у метро «Сокол». «Стойте на трамвайной остановке. Я сам подойду к вам».

Он действительно появился на остановке в точно назначенное время. Но к Наташе не подошел. Значит, что-то случилось... Несколько дней она провела в тягостном предчувствии беды.

Нет, все в порядке! Атлет снова дал о себе знать. Он не подошел тогда к Наташе из осторожности: ему показалось, что кто-то следит за ним.

В тайнике шифровка: «Аристократ обеспокоен неудачей туриста и требует энергичных действий. Надо достать более точные данные об игрушке старика».

Турист — Карл. Старик — Круглов. Игрушка — новая установка, сконструированная в институте.

Венере повезло. Егоров, кажется, проболтался. Энергичных действий не потребовалось. И вот Химки. Пляж. Заплыв. Непромокаемый мешочек... И арест.

* * *

Птицын перечитывает протоколы допросов Венеры и Атлета. Что касается состава их преступлений, ему все ясно. Он обеспокоен другим: получено сообщение о какой-то новой затее Карла и Сержа. Кого-то опять снаряжают в «туристскую поездку» к нам, в Советский Союз. И в протоколах допроса его интересуют все детали, касающиеся Карла, методов его работы.

Атлет не единственный резидент. Может, довоенные друзья Сержа, Виолетты? Посольство? Кто? Аристократ? Нет. Противник не так уж глуп: после провала Атлета хозяин его уйдет со сцены. На время, но уйдет. И еще вопрос, пожалуй, самый важный — направление атаки. Профессора Круглова, вероятно, больше не будут атаковать. Тогда кого? На что надеются?

Сколько таких вопросов терзают сейчас майора. Сколько их, таких неизвестных в одном уравнении!

Птицын аккуратно складывает все дела в сейф и уезжает домой. Завтра утром завершающий допрос Венеры...

— Когда вы в последний раз видели Аристократа?

— Полгода назад...

— Где?

— В театре.

— Вы поздоровались с ним? Беседовали?..

— Нет. Это мне строжайше запрещено.

— Он узнал вас?

— Кажется, узнал...

— Кто из друзей Аристократа известен вам?

— Никто. Я никогда не видела его вдвоем с кем-нибудь.

— А с Карлом вы встречались?

— Нет.

— Но вы были в курсе планов Карла?

— Да, меня посвятил в этот план Атлет. Нужно было провести первую разведку лаборатории профессора Круглова. По плану «турист» Карл должен был установить контакт с Петром Максимовичем, воспользовавшись их давним знакомством.

— В чем заключалась ваша роль в этой, как вы говорите, первой разведке?

— Пожалуй, что ни в чем... Пассивный наблюдатель.

— Так ли?!

— Мне кажется, что так.

— Позвольте заметить, что, судя по установленным фактам, ход событий нам представляется несколько другим... Телефон? Кто передал Карлу телефон Петра Максимовича?

— Ну, это же мелочь. Не правда ли?

— Предположим...

Птицын встал из-за стола, подошел к окну, посмотрел на улицу, потом обернулся, тяжело вздохнул,— видимо, в ответ на какие-то раздумья — и спросил:

— Скажите, вам действительно было безразлично, как обернется вся эта история с господином Карлом для Петра Максимовича?

— Мне кажется, что иногда я начинала верить, будто действительно люблю Петра. И у него не было никаких сомнений в моей искренности. И тогда, когда перед поездкой в Химки я спрашивала его: «Не выболтал ли ты лишнего?»; и тогда, когда он подробно рассказал мне все то, что я передала потом Атлету в Химках... У Петра уже не было тайн от меня.

— Вы уверены в этом? — улыбнулся Птицын...

Забавные мелочи забавные

ЧАСЫ ПЕТРА ПЕРВОГО

Ленинградский мастер Василий Иосифович Бобейко отремонтировал часы, принадлежавшие Петру Первому. До Великой Отечественной войны они украшали камин Парадного, или, как его еще именуют, Дубового кабинета Петра в Большом дворце Петергофа.

Эти часы сделаны в баварском городе Аугсбурге в конце XVII или начале XVIII века. На их механизме выгравировано имя мастера — Иоганнес Беннер. Часы имеют лишь одну стрелку. Механизм отбивает каждый час, а раз в сутки, ровно в полдень, сообщает о времени веселым перезвоном.

Часовые механизмы подобной конструкции были известны еще в XVI веке. Несколько позднее их стали называть часами путешественников. Они хранились в деревянных ящиках, обтянутых кожей, что позволяло любителям дальних странствий брать их с собой в дилижанс.

Есть основание предполагать, что Петр Первый пользовался этими часами во время своих путешествий.

Сейчас завершается восстановление Дубового кабинета, и старинные часы снова украсят его.

М. ФРИДМАН

ВАЯТЕЛЬ СТАРИНЫ

Гамбургский торговец Вильгельм Зифке сменил свою профессию. Он переквалифицировался в специалиста по выделке инструментов, применявшихся в каменном веке. Зифке конструирует старинные орудия, используя обнаруженные при раскопках образцы. На снимке: Зифке за изготовлением модели каменного сверла, с помощью которого наши предки пробивали отверстия в каменных топорах.

ПОЛУСИДЯ

В Великобритании вводится новый тип сидений для пассажиров автобусов и троллейбусов. На них путник полусидит. Новые сиденья, занимающие значительно меньше места, позволяют перевезти в полтора раза больше пассажиров.

КТО — КТО?

«Чем невероятнее, тем моднее!» — таков девиз английского модельера Джона Стивна. Последнее его изобретение — совершенно одинаковая одежда для юношей и девушек. И действительно, глядя на этот снимок, на котором изображена шествующая по лондонской улице парочка, трудно определить, кто из них мужчина, а кто — женщина.

ДОМАШНИЙ НОСОРОГ

Каких только зверей не держат люди в своих квартирах! Но домашний носорог — явление необычное. В семье Кирни в Найроби (Кения) по комнатам разгуливает маленький носорог — любимец девочки Морин и большой друг собаки.

САМОДЕЛКИ В ВОЗДУХЕ

Большой размах в Калифорнии приобрел необычный вид спорта — полеты на вертолетах собственного изготовления. Клуб самодеятельных вертолетчиков насчитывает уже более 250 человек.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский писатель. 8. Угол, измеряющий видимое смещение светила. 11. Утка. 13. Музыкальное произведение. 14. Город в США. 15. Ткань с начесом. 16. Наклонная площадка для въезда транспорта. 18. Приманка для ловли рыбы. 21. Остров у берегов Великобритании. 24. Камера для работ под водой. 25. Рыба семейства карповых. 26. Польский ансамбль народной песни и пляски. 28. Тропическое дерево. 29. Продукт, применяемый для производства красок, лаков. 30. Народный поэт Киргизии. 31. Земная кора.

По вертикали:

1. Планета. 2. Устав, положение. 3. Предприятие общественного питания. 4. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 5. Французский ученый XVII века. 6. Проверочное испытание. 9. Испарение воды растением. 10. Порт на Северном море. 12. Прибор для измерения твердости металлов. 17. Черноморский курорт. 18. Кредитно-финансовое учреждение. 19. Союзная республика. 20. Картина В. М. Васнецова. 22. Река в Канаде. 23. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 27. Каменноугольный период. 28. Сельскохозяйственное орудие.

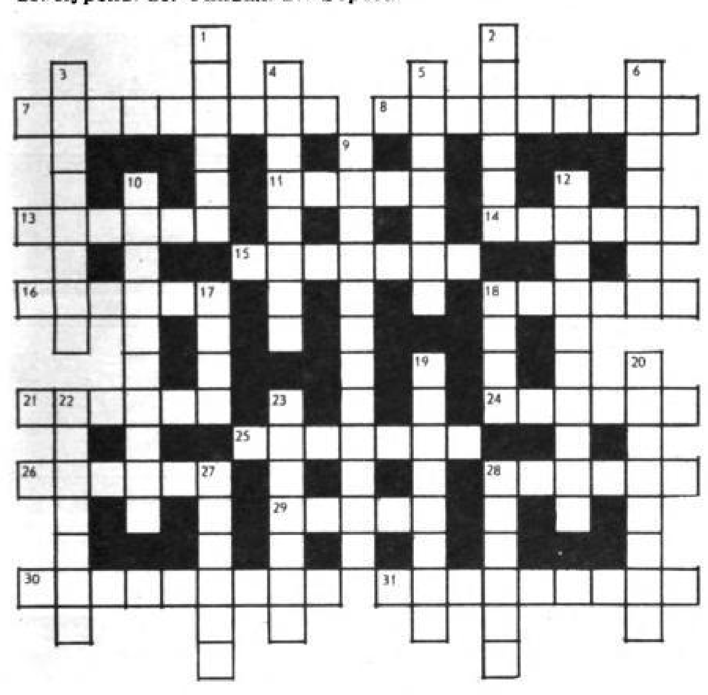
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

5. Кубань. 8. «Разлом». 9. Лейпциг. 11. Черномор. 12. Ирландия. 14. Нюанс. 16. Ламарк. 18. Карьер. 19. Александруполис. 20. Дикция. 22. Регата. 24. Гашек. 28. Кинетика. 29. Родригес. 30. Солярий. 31. Баренц. 32. Кольза.

По вертикали:

1. Руднев. 2. Анаконда. 3. Радиатор. 4. Ковнир. 6. Перрон. 7. Сириус. 10. «Прозаседавшиеся». 13. Самарий. 15. Неясыть. 17. Кисея. 18. Копер. 21. Цистерна. 23. Гидрофон. 24. Глагол. 25. Курсив. 26. Финвал. 27. Береза.

На первой странице обложки: Маленькие ташкентцы резвятся среди белых берез Подмосковья.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Калининград. У памятника Ф. Шиллеру.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), **Б. В. ИВАНОВ** (заместитель главного редактора), **Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ** (ответственный секретарь), **И. Ф. СТАДНЮК** (заместитель главного редактора), **Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10683. Подписано к печати 24/VIII 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печатн. листов 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1361. Заказ № 2220.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Необычное задание корреспонденту

ПАТРУЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Мотоциклы, сердито жужжа, вылетают за ворота. Наша колонна вытягивается на добрый километр. Потом от нее постепенно отделяются по нескольку машин, группы разъезжаются в разные районы, там каждый экипаж уйдет на свой участок патрулирования.

Эту неделю мне предстоит работать в составе оперативной мотомеханизированной части милиции города Горького. На сегодня я зачислен в экипаж старшего сержанта Алексея Тришкина.

— Ока-четыре, я девятнадцатый, выхожу на связь, следую в свой сектор,— докладывает по рации Тришкин.

— Вас понял, желаю успешной работы! — отвечает радист дежурной службы.

В динамике один за другим слышатся голоса командиров экипажей из разных концов города.

Наш сектор довольно большой, в него входят и центр города с его широкими улицами и тихие кварталы старого Нижнего, сохранившиеся такими, какими их видел Алеша Пешков.

Медленно объезжаем улицу за улицей, заглядываем во дворы, в парки и скверы. Люди сидят на лавочках перед домами, мирно беседуют. Ребятишки гоняют мяч. Вдруг Тришкин резко дает газ и мчится к магазину на площади. Там толпа. Драка. Впрочем, пока мы подъехали, драка уже погасла. Виновник пытается удрать, но его держат двое парней. Разбираемся. Шофер Вагиз Гемальдинов напился и полез с кулаками на идущего со смены рабочего.

— Ударил и порвал куртку,— объясняет тот.— Согласно новому указу, пришлось принять меры к обороне и задержанию. Правда, при этом слегка попортил ему внешность. Не взыщите!

Окружившие одобрительно кивают:

— Правильно!

Увозим хулигана в штаб дружины, там он распускает нюни и кается. Дальше им займутся другие...

Затишье. Стоим на площади, перекуриваем. Прибегает женщина с грудным ребенком.

— Помогите! Муж пришел пьяный, дебоширит, выгнал меня с ребенком из дому!..

Заходим в квартиру. Дебошир заперся в комнате. Заставляем открыть дверь. Говорим жене:

— Пишите заявление, заберем его в милицию.

— Писать не буду, пришлют штраф, а это опять от ребенка отрывать.

— Тогда отвезем в вытрезвитель.

— Нет, это тоже штраф!

— Так что вы предлагаете?

Женщина раздумывает, всхлипывает:

— Ладно, оставляйте, может, утихомирится.

Делаем строгое внушение. Тот вроде смиряется:

— Хорошо, больше не буду, пусть укладывает ребенка.

Продолжаем патрулирование. Задерживаем двух хулиганов. Они избили прохожего и пытались убежать, но по команде дежурной службы несколько мотоциклов блокировали квартал. На все это ушло пять минут.

— Девятнадцатый, я Ока-четыре. Адрес: улица Лядова, пятьдесят четыре, квартира восемь. Разберитесь по семейному...

Это значит, семейный скандал. Адрес уже знакомый.

— Ока-четыре, мы только что там были.

— Вызов получен сейчас.

Шофер военторга Лев Светлов, видимо, уверившись в своей безнаказанности, точка в точку повторил дома прежние художества. На этот раз жена решилась:

— Все равно жизни нет с ним. Забирайте, и пусть его судят по всей строгости. Сейчас напишу заявление. Видно, с хулиганом либеральничать — это вроде ему еще стакан водки налить.

Берем заявление и выводим буяна из комнаты. В коридоре он бросается на нас. Мужчина не из слабых, приходится применить к нему специальные средства воздействия и самообороны, после чего он становится как шелковый...

...На стене электрифицированная карта города. Светящиеся значки показывают магистрали, районы и секторы, места расположения постов, патрульных машин и мотоциклов. Здесь штаб спокойствия города — дежурная служба Управления охраны общественного порядка. Пульты дежурного и его помощника усеяны десятками кнопок и рычажков. Одно движение пальца — и ты связан со всеми нужными объектами. За стеклом, в дикторской,— радист. Это отсюда слышали мы Оку-четыре, получали приказы и экстренные вызовы. Сегодня мое дежурство тут, в штабе. Вот уже выходят на связь патрульные машины и мотоциклы. Часть начала вечернюю работу.

Каждый, кто набирает по телефону номер «02», тоже попадает сюда. Вспыхивает лампочка на пульте. Пока дежурный, подполковник милиции А. И. Сыркин записывает, что говорит ему взволнованным голосом пострадавший, радист вызывает машину — он тоже слышит сообщение о квартирной краже. И через несколько минут я мчусь с оперативной группой на место происшествия. У дома на окраине города останавливаемся. Следователь опрашивает соседей, эксперт собирает предметы, сохранившие отпечатки пальцев. Преступница неопытна, оставила много следов. А то, что это была женщина, подтверждают соседи: они видели, как она ходила вокруг дома и даже спрашивала их, когда вернутся хозяева. Она, мол, их родственница, из Ленинграда. Служебная собака Беркут сразу берет след, но доводит нас только до автобусной остановки. Тупик? Нет, не тупик! Участковые уполномоченные хорошо знают жителей и по приметам начинают что-то перебирать в памяти. Судя по многим признакам, воровка местная. Значит, обязательно будет найдена.

...Возвращаемся в управление. Там относительно тихо, только патрульные извещают о пьяных, увезенных в вытрезвители. Водка — вот главная причина всех бед. За те дни, что я работаю в милиции, все до одного задержанные, по какому бы поводу они к нам ни попадали, находились в нетрезвом состоянии!

...Город затихает. Здесь, в дежурной, это ощущаешь особенно остро. Вызовов почти нет. Можно попить чайку. Пока чаевничаем, приезжает командир части майор В. А. Липин. Устало опускается на стул.

— Намотался сегодня. Весь город исколесил, проверял, как там мои орлы.

Владимир Александрович Липин все эти дни ревниво наблюдает за моей работой. Чувствую, что ему хочется показать мне все свое хозяйство, старается, чтобы я вник во все детали. Вот и сейчас, несмотря на позднюю ночь, опять переводит разговор на свою часть.

— Начинали мы с четырнадцати мотоциклов, а теперь видели, какая мощь? Чуть что, жители звонят: пришлите мотоцикл. Знают, что в момент примчимся. Да и нарушители порядка понимают, какая сила против них стоит. Семейные дебоши уже наполовину сократились, особо опасных преступлений становится все меньше и меньше. И теперь уже почти не бывает такого, чтобы преступление осталось нераскрытым.

...Пришел в общежитие знакомиться со своим новым командиром, а его не оказалось дома — в кино ушел. «Да вы подождите,— предложил мне его сосед по комнате.— Почитайте что-нибудь, у него вон сколько книжек. Страшный книголюб! Да еще сколько в библиотеку отдал — он ведь при Канавинском райотделе милиции заведует библиотекой на общественных началах...»

Книг оказалось действительно много. На стеллаже, в тумбочке, на этажерке.

Листаю книги, на многих пометки, видимо, подчеркнуты особенно понравившиеся места. Сочинения Ленина и энциклопедии, Вольтер и Низами, Герцен и Мицкевич, Маяковский, Уткин, Надсон, Белинский, тяжелые тома полного собрания сочинений Пушкина в юбилейном издании, серия «Жизнь замечательных людей»... Особняком стоит Есенин, в различных изданиях. Каждый томик обернут в целлофан. И еще в комнате много цветов.

— А цветы кто разводит?— спросил я соседа.

— Да все он же.

Ну что ж, можно считать, что заочное знакомство состоялось. А встретились мы уже вечером в автодивизионе на разводе.

— Иван Ильич Цыганов,— отрекомендовался он и как-то очень мягко, по-детски улыбнулся. — В моем экипаже работаете сегодня? Какое у вас звание? Ага, тоже старший сержант, коллеги значит! Ну, поехали.

Теперь мы циркулируем на патрульной автомашине по Канавинскому району. Дежурство выдалось относительно спокойное — утрясли один семейный скандал, свезли в «дом отдыха» двух пьяных.

Какой-то молодой человек сказал грубость девушке. Цыганов сразу посуровел. Но в отделение не повез — тот хоть и был вроде чуть-чуть под хмельком, однако вину свою понял и после соответствующей беседы безропотно уплатил штраф и, не мешкая, отправился домой...

— Здравствуйте, Иван Ильич! — улыбаясь до ушей, подошел к Цыганову какой-то старый знакомый.

— Игорь, добрый вечер! Как твои дела?

— Дела в порядке. Старые бросил, а новые — вот они.— И показал заводской пропуск.— Работаю как полагается. С женой сошелся. Сыну вот скоро пять лет исполнится, велосипед купить ему хочу, как посоветуете?..

— Озорничал он с братом,— сказал командир, когда Игорь ушел.— Пришлось мне с ними повозиться. Довел все-таки до нормального состояния. Я ведь четыре года занимался мелкими хулиганами.

Цыганов знает в районе не только людей. Пока мы патрулируем, он мне показывает все исторические достопримечательности.

— Вы коренной горьковчанин?— поинтересовался я.

— Да нет, рязанский, сасовский. Отслужил в армии, поработал шахтером в Донбассе, а потом сюда приехал... Поступил в милицию и уже восемь лет тут. Вот и город изучил, тем более работа такая.

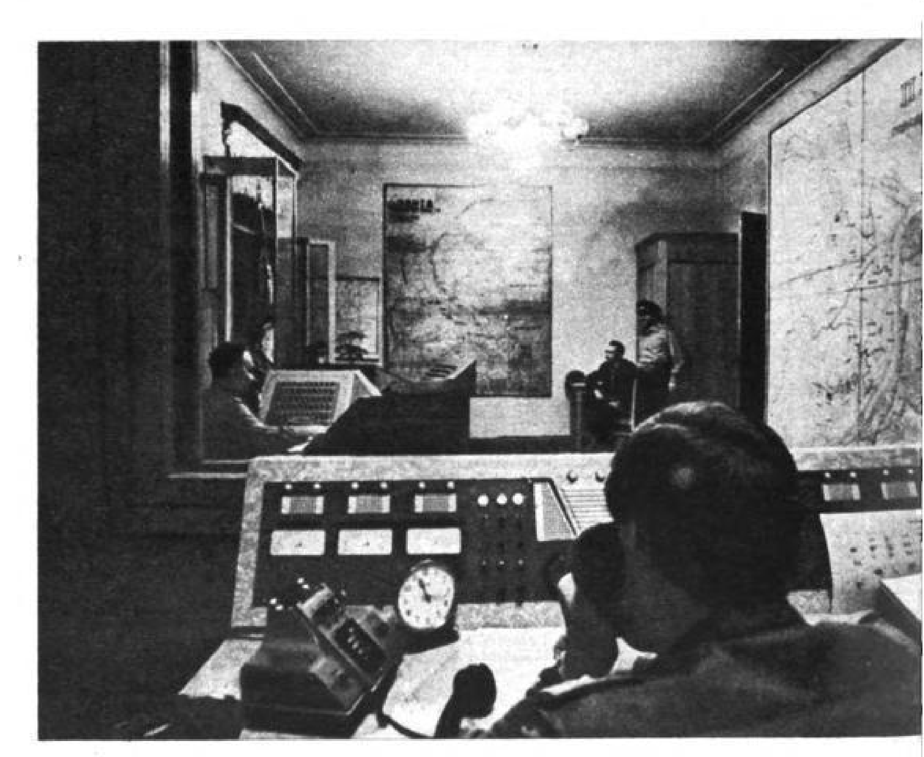
В полночь у нас обеденный перерыв. Едем в общежитие. Пока отдыхаем, Цыганов роется в книгах. Потом достает томик избранных стихов Есенина и дарит мне. Я для приличия отказываюсь. «Берите, берите,— настаивает он,— у меня лишний экземпляр. Всегда покупаю два-три. В книжных магазинах меня уже все продавцы знают, оставляют все интересное, особенно Есенина и о нем: и статьи, и монографии, и воспоминания. Это моя слабость. Почему? И потому, что мой земляк, и потому, что он — Есенин».

— Вам бы, Иван Ильич, филологией заниматься.

— Ну, еще не все потеряно в тридцать-то лет.

Экстренный вызов.

Штаб спокойствия.

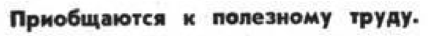

Задание. Первый слева — старший сержант Иван Цыганов.

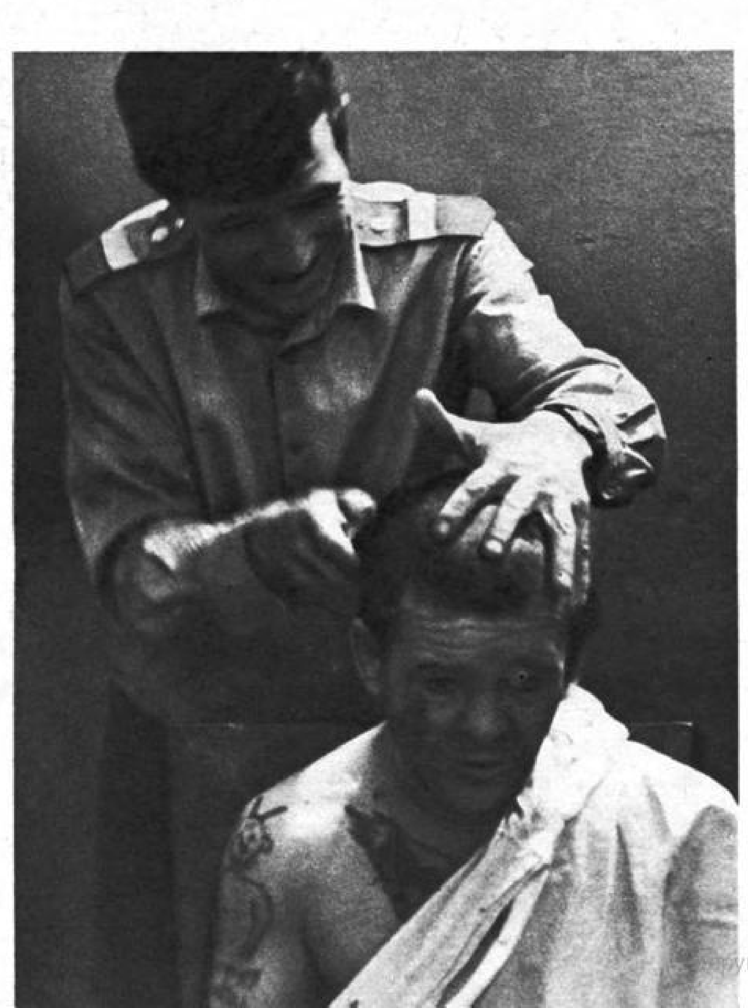
«Это я хулиган!»

Допился до чертиков.

Приобщаются к полезному труду.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663
SCHILLER
1759–1805